

Corinne Coulet

Коринна Куле

Communiquer en Grèce Ancienne

СМИ в Древней Греции

Сочинения, речи, разыскания, путешествия...

Новое Литературное Обозрение

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32
К 90

Куле К.

К 90 СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия- / Пер. с франц. СВ. Кулланды. — М: Новое литературное обозрение, 2004 — 256 с, ил.

Как общались между собой и обменивались информацией древние греки? Как они узнавали новости и наводили справки? Как путешествовали? Что за отношения были у них с дальними странами? Эти и многие другие вопросы никто не пытался рассмотреть как единое целое. Они, однако же, весьма важны, поскольку Греция изобрела средства и среды коммуникации, занимающие ведущее положение в нашей сегодняшней жизни: риторику, театр, политические собрания, Олимпийские игры™

Все стороны жизни, изначально совершенно разные, естественным образом складываются концентрическими кругами вокруг полиса, среды обитания греков: читатель познакомится сначала с коммуникацией до возникновения полисов, затем внутри полисов и, наконец, между ними и негреческим миром. Наряду с вопросами, которые живо обсуждают в ученых кругах, читатель найдет в книге сюжеты, ставшие частью мировой культуры: суд над Сократом, камешки Демосфена, Александрийская библиотека и другие.

УДК 94(38)

ББК 63.3(0)32

ISBN 5-86793-307-5

Corinne Coulei. Communiquer en Grèce.-
© 1996. La Société d'Édition Les Belles Lettres
95 Boulevard Raspail, 75006 Paris
© Новое литературное обозрение, 2001

Заканчивая работу над книгой, хочу поблагодарить всех друзей и коллег, помогавших мне поддержкой и советами. Особую признательность я выражаю Карлосу Леви и Франсуа Сермье, с которыми по многу раз обсуждала проблемы, встававшие передо мной во время написания этого опуса. Кроме того, они вместе с Жаном Метейе взяли на себя неблагодарный труд перечитать рукопись, тем самым дав мне возможность исправить и улучшить текст. Жак Жуана, любезно согласившийся быть научным руководителем моей диссертации, проявил к книге благожелательное внимание и сделал ряд ценных замечаний. Я признательна ему в том числе и за это.

Посвящается Валентину

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникация — концепт современный. Появившееся в XIV в. французское *communication* подразумевало просто-напросто общение; смысл «сообщение» слово обрело в XVI в., а значение «обмен информацией» сложилось только в XX столетии. Своей значимостью данное понятие отчасти обязано широкомасштабному качественному и количественному развитию так называемых средств массовой информации вроде радио или телевидения.

Когда речь заходит о Древней Греции, сразу же возникают два вопроса. Возможно ли употреблять по отношению к античности современное понятие, и если да, то следует ли принимать во внимание существующие теории коммуникации?

Отправной точкой последних неизменно служат проблемы распространения некоего сообщения, функционирования «групп» индивидов, социальных отношений, которые они объясняют при помощи разнотипных подходов, например: математической теории информации, психологии «групп», культурной антропологии. Такого рода анализ сочетается с собственно лингвистическими исследованиями, такими, как прагматика, занимающаяся словом в контексте, или с более специфическими, подобными Хабермасовым, взглядами на развитие и преобразование социального пространства.

Тем самым понятие коммуникации стало ключевым для постижения современных обществ. Но точно также оно способно стать орудием анализа более древних цивилизаций, — орудием, о котором прежде не смели и думать, поскольку его не существовало. Теперь же множество исследователей пытается понять историческое развитие различных обществ через их способ коммуникации. Предтечами их были Ризман, затем Маклюэн; по мнению последнего, именно средства коммуникации формируют основные черты того или иного общества. Гутенберговой галактике пришел на смену век массовых коммуникаций. Позднее Р. Дебре предложил сходное членение истории идей, которую он рассматривал с точки зрения систем и средств передачи мысли¹: по его теории, с момента появления письменности сменяли друг друга логосфера, графосфера, где царило письменное слово, и, наконец, видеосфера, когда происходит переход от печатного к аудиовизуальному. Отдавая предпочтение изображению, XX век, согласно автору, отучается читать, возвращаясь к устной традиции.

Именно так и можно воспринимать применение современной концепции к цивилизации вроде греческой, не имевшей об этой концепции ни малейшего понятия, не придумавшей обобщающего термина для обозначения феноменов, которые мы объединяем понятием «коммуникация», но, конечно же, знавшей передачу информации. Выше упоминались теоретические исследования, дающие глобальное объяснение различным обществам в зависимости от их способа коммуникации, преобладающего внутри них средства информации. Мы же скромно ограничимся описательным подходом.

Прежде всего, что мы понимаем под коммуникацией в Греции? Это обмен словами, писаниями, людьми, их передвижение из одного места в другое или внутри одного места, например на агоре, площади общественных собра-

ний. Мы возьмемся за решение сугубо практических вопросов: как в полисе узнавали новости? Устно? Посредством письменных текстов? На каких носителях? При помощи каких средств распространения? Легко ли греки общались с чужеземцами? На каком языке? Нам интересно человеческое общение в широком смысле — перемещение людей, передача знаков. Сразу же подчеркнем, что на многие из этих вопросов — например, о том, способны ли были греки в целом воспринимать письменную информацию, — нет однозначного ответа, и нам всякий раз приходилось составлять то или иное мнение, не вдаваясь в научные споры.

Сразу же становится ясно, что здесь переплетается множество тем: письменное и устное слово, распространение книги, вестники... Как же упорядочить с виду столь несхожие углы зрения? Мы сочли, что было бы неуместно, во всяком случае в рамках данной серии, исходить из современных подходов к коммуникации, которые отчасти зашумели бы специфику греческого опыта, сведя его лишь к одной из его многочисленных сторон. Скажем, прагматика помогла бы нам понять слово в контексте, но как совместить с этой теорией проблему распространения книг или идей? Теории Хабермаса дали бы нам возможность понять функционирование общественного пространства, но как перейти от них к вопросам, которые мы только что упомянули²? Путеводной нитью, на наш взгляд, могла явиться только характернейшая черта греческого общества — полис. Эти небольшие общины, зародившиеся в IX—VIII вв. до н.э., определили уклад жизни и особенности коммуникации древних греков. Вот почему нашей отправной точкой станет греческий полис. Используя принцип концентрических окружностей, мы вначале постараемся понять, как строилась коммуникация внутри этого ядра, затем между полисами и, наконец, между греческими обществами и

негреческим миром. В рамках дескриптивного подхода, строящегося вокруг полиса, мы не ставим себе целью предложить общую теорию коммуникации в Древней Греции.

Один из этих полисов — Афины — нетипичен, и потому заслуживает особого отношения. Афинская демократия и ее функционирование и в самом деле уникальны. В то же время мы старались не впасть в афиноцентризм и говорить не только об Афинах — задача непростая, поскольку часто на тот или иной предмет имеются только афинские документы и только афинские точки зрения, да и вообще большая часть дошедшей до нас литературы происходит из этого города.

Теперь о хронологии работы. Заранее ограниченные рамки исследования, рамки полиса, заставили нас сосредоточиться на архаическом и классическом периодах, к которым мы подошли через микенскую и гомеровскую эпохи. Экскурсы в эллинистическое время — не более чем экскурсы. И в самом деле, после завоеваний Александра меняется масштаб коммуникации: она измеряется уже не полисным, а межгосударственным аршином, хотя многие полисы продолжают активную деятельность, и для ее анализа потребовалась бы другая книга.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Прежде чем приступить к рассмотрению коммуникации в полисах, стоит бросить взгляд на века, предшествовавшие образованию этих сообществ. Мы увидим, как между XVI и XIV вв. до н.э. возникла утерянная впоследствии письменность, служившая совсем не тем целям, что алфавит в полисе. Мы откроем для себя зарождавшийся на глазах Гомера мир, где слову придавалось особое значение, где появлялись начатки общественных собраний, от чего недалеко и до полисной коммуникации.

РОЖДЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ

Первые тексты (линейное Б)

Письменность в Греции зародилась между XVI и XIV вв. до н.э. — более точная датировка, увы, невозможна. Многие тысячи текстов донесли до нас глиняные таблички, во множестве обнаруженные в континентальной Греции и на Крите на протяжении XX в.; имеется также несколько фрагментов надписей на сосудах. Честь открытия ранних письменных памятников принадлежит двоим: сэру Артуру Эвансу, археологу, впервые раскопавшему глиняные таблички, и Майклу Вентрису, увлекавшемуся древностями архитектору и шифровальщику военного времени, который в 1952 г. расшифровал их содержание.

До тех пор самыми ранними греческими текстами считались поэмы Гомера, т.е. произведения, которые в настоящее время принято датировать VIII в. до н.э. Невозможно было представить, чтобы на греческом языке писали до «Илиады» и «Одиссеи». Сами древние эллины не сомневались в том, что письменность к ним пришла от финикийцев. Впрочем, археологам и филологам тоже понадобилось немало времени, чтобы понять, что только что открытые таблички «говорят по-гречески»: и в самом деле, их система письма отличалась от заимствованной у финикийцев алфавитной, которой записывали произведения Эсхила или Платона. То было неизвестное письмо, которое Эванс назвал «линейным Б», поскольку оно располагалось вдоль реальной или воображаемой линии, проведенной слева направо и, видимо, происходило от линейного А — критского письма, названного так тем же археологом. Только через пятьдесят два года после открытия табличек Майкл Вентрис показал, что за неизвестным письмом скрывался греческий язык.

Линейное Б, первая греческая система письма, содержит три категории знаков: идеограммы, фонетические знаки и детерминативы (например, штрихи, указывающие на словоразделы). Фонетических знаков насчитывается двадцать восемь; каждый из них обозначает слог, состоящий либо из одного гласного, либо из гласного в сочетании с согласным, — отсюда и часто употребляемое по отношению к этой письменности наименование «силлабарий»¹. Линейное Б в основе своей фонетическое, поскольку идеограммы, изображающие те или иные объекты, занимают в нем второстепенное положение, гораздо проще синхронных письменностей Египта или Двуречья. Можно сказать, что оно находится на полпути между идеографическими системами и существовавшими тогда алфавитами, со своими двадцатью двумя—двадцатью четырьмя буквами, представ-

лявшими собой наиболее экономичную систему письма. Судя по тому, что этот силлабарий не приспособлен ни к фонетической структуре, ни к слоговой организации греческого, изобретен он был для иного языка: так, обычное в греческом (например, в слове *hippos* — конь) конечное *s* в линейном Б не обозначается, поскольку не образует слога.

Каково же происхождение линейного Б? Оно создано на основе линейного А, еще не расшифрованного критского письма, приспособленного первыми греками к нуждам своего языка. Возникает оно в микенскую эпоху, названную так не потому, что Микены были столицей соответствующей цивилизации, а потому, что это один из важнейших и притом наиболее известный памятник того времени. Крупные административные центры, обычно называемые «дворцами», управляли тогда окружающими их землями и одновременно руководили экономической, военной и религиозной жизнью страны. Крупные бюрократические образования брали на учет все ресурсы на подконтрольных территориях.

Именно в таком контексте и зародилась греческая письменность. Она возникла не для того чтобы наладить общение — литературное или религиозное — между различными членами общества, но для сугубо экономических нужд, чтобы прийти на смену памяти. В самом деле, «дворцы» управляли все более и более ценным движимым и недвижимым имуществом, контролировали материальные ресурсы целых регионов. Роль их заключалась по большей части в том, чтобы запастись в огромных кладовых самые разные продукты, а затем приступить к их перераспределению. Необходимо было постоянно следить за продуктовыми выдачами тем, кто работал на государство, знать, как обстоит дело с налогами, которые деревни выплачивали дворцу, и т.п. На этой стадии одной памяти дворцовых управителей не хватало: нужно было найти надежное сред-

ство для подробного учета всех ресурсов, обзавестись архивами. Отсюда и заимствование кругами, близкими к микенским дворцам, уже существовавшей — и возникшей точно так же, для управленческих нужд, — письменности.

Писавших линейным Б и понимавших его было явно не больше сотни. То были высшие должностные лица основных микенских царств, а также писцы, обновлявшие документацию. Письмо это удивительно единообразно и в том, что касается графики, и в лексике, и по содержанию, хотя таблички находят на весьма отдаленных друг от друга в пространстве и во времени памятниках. Подобное единство подкрепляет гипотезу о том, что линейное Б функционировало в узком кругу дворцовых управленцев.

Итак, изначально письменность — орудие в руках властей предрежащих: ее обладатели способны сохранить следы того, что давным-давно изгладилось из памяти. Они могут следить за оборотом ресурсов и даже доверять другим управление своими необозримыми владениями. Тот же феномен параллельно существовал, скажем, в Египте и Месопотамии, причем о заимствовании речь не идет, поскольку эти регионы географически и хронологически слишком далеки.

Из первых письменных памятников до нас дошли, помимо нескольких надписей на сосудах, глиняные таблички, найденные в Кноссе, Микенах, Тиринфе, Пилосе и Фивах, крупных административных центрах того времени. Таблички сохранились благодаря тому, что были прокалены пожарами, уничтожившими в конце XIII в. до н.э. микенские дворцы. Большинство их относится к одному году, непосредственно предшествовавшему разрушению зданий. Они фиксируют мельчайшие детали повседневного учета: приводятся списки различных продуктов и сырья (растительное масло, шерсть), животных, колесниц и колес, относительно которых указывается, в хорошем ли они состоянии или же непригодны к употреблению.

Материал для этой документации — глина — был одновременно экономичным, поскольку доступное сырье имелось в изобилии, и практичным, поскольку содержание никогда не обжигавшихся табличек было легко изменить. Есть все основания полагать, что таблички были временными документами, с которых снимались копии на других материалах, например папирусе или пергаменте. Если ни папирусы, ни пергамента до нас не дошли, то единственно потому, что почва Греции не способствует их сохранению. Случайно сохранились, таким образом, только тексты, которые местные власти намеревались уничтожить.

Может показаться удивительным, что от микенского периода не дошло иных видов письменных памятников. Ни в одном тексте не упоминается международная торговля между «дворцами» микенского мира или между этим миром и Египтом и Двуречьем. По наиболее правдоподобию объяснению подобная информация хранилась на других носителях, пергаментах или папирусах, которые не сохранились по уже упомянутым причинам.

Писались ли линейным Б другие тексты, чей след потерян, и прежде всего литературные? Такое предположение выдвигается, но кажется маловероятным. Если бы этот силлабарий и в самом деле был письменностью, служившей нуждам культуры, нельзя было бы не обнаружить текстов линейным Б на иных носителях: сосудах, статуях, украшениях. Однако из более чем четырех тысяч обнаруженных к настоящему времени надписей лишь четыре не имеют отношения к управлению.

Разрушившие дворцы пожары унесли с собой и систему линейного Б. Гибель величественных сооружений, долгое время приписывавшаяся «вторжениям дорийцев», явно была следствием целой серии массовых миграций. Так или иначе, после XII в. до н.э. и до возникновения греческого алфавита никаких письменных памятников созда-

но не было. Вызванное к жизни экономическими потребностями письмо ушло в небытие вместе с породившей его социально-экономической организацией: предназначенное для сохранения архивов, оно угасло, когда отпала необходимость в учете имущества. Утрате письменности способствовало и то, что узкий круг «письмоводителей» потерял связь с властью.

Алфавит

Письменность исчезла по меньшей мере на три столетия, период, который историки нарекли «темными веками» не потому, что он ознаменовался упадком, а потому, что от него до нас не дошло ни единого письменного памятника. Соответственно, говорить о коммуникации, как и о прочих видах человеческой деятельности в то время, сложно. Однако через несколько веков после уничтоживших дворцы пожаров письмо появляется вновь, на этот раз в виде алфавита, от которого произошли современные европейские письменности.

Греки часто приписывали честь создания своего алфавита мифическому изобретателю: столь необычайное открытие мог, на их взгляд, совершить лишь тот, чьи способности ставили его выше остального человечества. Так, Стесихор в середине VI в. до н.э. считал творцом алфавита Паламеда, изобретательного аргосского героя; Эсхил в V в. до н.э. думал о Прометее, который наряду с прочими полезными человеку умениями «измыслил и сложенье букв / Мать всех искусств, основу всякой памяти»². Критский писатель Досиад в III в. до н.э. полагал, что это великое открытие было сделано (разумеется, на Крите) Музами, вдохновленными самим Зевсом. Упоминалось в связи с изобретением алфавита и имя Гермеса.

Ко всем упомянутым — разумеется, сугубо легендарным — традициям можно добавить еще одну, на сей раз имеющую исторические основания: традицию, возводящую греческий алфавит к финикийскому. Наиболее четкую ее формулировку мы встречаем у Геродота, хотя зародилась она явно задолго до него. Согласно Отцу истории и его предшественникам, посредником между финикийцами и греками явился Кадм — сын Агенора, царя финикийцев. Этот герой отправился на запад в поисках своей сестры Европы, похищенной Зевсом, принявшим образ быка. Вот что говорит историк:

А финикийцы эти, прибывшие в Элладу с Кадмом... поселились в этой земле и принесли эллинам много наук и искусств и, между прочим, письменность, ранее, как я думаю, неизвестную эллинам. Первоначально у кадмейцев письмена были те же, что и у остальных финикийцев. Впоследствии же вместе с изменением языка постепенно изменилась и форма букв. В то время из эллинских племен соседями их были в большинстве областей ионяне. Они переняли от финикийцев письменность, изменили также по своему немного форму букв и назвали письмена финикийскими (что было совершенно справедливо, так как финикийцы принесли их в Элладу)... И мне самому пришлось видеть в святилище Аполлона Исмения в беотийских Фивах кадмейские письмена, вырезанные на нескольких треножниках и большей частью сходные с ионийскими⁴.

Время появления в Греции алфавита служило предметом жарких споров. Назывались самые разные даты, от XV до VIII в. до н.э. В настоящее время, однако же, твердо установлено, что алфавит не мог быть воспринят греками ранее IX в. до н.э. Первые посвященные надписи и надписи на сосудах и черепках относятся к VIII в. до н.э.; именно этим обстоятельством аргументируют свою позицию

сторонники поздней датировки. Для прочих аргумента а silentio, основанного на отсутствии документов, недостаточно: как мы видели на примере микенской эпохи, письменные тексты на непрочных материалах вполне могли исчезнуть бесследно. В то же время первые сохранившиеся тексты происходят из разных областей греческого мира и свидетельствуют о наличии уже достаточно далеко разошедшихся местных разновидностей письма. Если, как обычно предполагается, эти разновидности восходят к общему источнику, для их эволюции было необходимо определенное время.

Одним словом, все более или менее сходятся в том, что алфавит в Греции появился grosso modo⁵ в IX—VIII вв. до н.э. Но греческий алфавит возник в результате определенных изменений финикийского письма. Где же восприняли это письмо греки? Где внесли в него изменения? В самой ли Греции или на побережье Финикии? На ионийских берегах? На Родосе, на Крите или на острове Фера? Выдвигаются самые противоречивые гипотезы, при том, что в их поддержку или опровержение нет никаких археологических или литературных данных.

Так или иначе не приходится сомневаться, что финикийское письмо было заимствовано в одном-единственном месте греческого или финикийского мира, поскольку изменения, которые претерпел финикийский алфавит, прежде чем стать средством транскрипции греческих слов, не могли повсюду возникнуть независимо. Из этого единственного места, названия которого мы никогда не узнаем, алфавит постепенно распространился и принял различные формы.

Побудительные мотивы заимствования алфавита нам тем более не известны. Поскольку отношения греков и финикийцев были в основе своей торговыми, ученые давно предположили, что алфавит был воспринят именно из

642848

коммерческих соображений. Убедившись в преимуществах, которые их финикийские контрагенты извлекали из этой техники коммуникации, греки ее у них позаимствовали... Однако же ни одна из дошедших до нас ранних надписей не имеет отношения к торговле. Тем более не объясняют коммерческие нужды немаловажных изменений, внесенных в финикийское письмо.

Что же это были за изменения? Названия букв остались по большей части теми же, с той лишь разницей, что значимые для финикийцев слова «алеф» (баран), «бет» (дом), «гимель» (посох) и т.п. превратились в альфу, бету, гамму и прочие наименования, никаких ассоциаций, кроме буквенных, у эллинов не вызывавшие. Алфавитный порядок также в основном следует финикийскому. Прежней осталась и форма знаков, однако с определенными, в том числе и локальными, модификациями: некоторые буквы оказались отображены зеркально, другие (например, альфа) повернуты на 90°, форма одних упрощена, других, напротив, усложнена.

Самым важным нововведением стало появление системы передачи гласных. В финикийском, как в большинстве семитских языков, носителями смысла являются согласные, составляющие неизменяемый каркас корня, от которого образуются однокоренные слова; гласные, соответственно, на письме не обозначаются. Напротив, грекам, говорившим на индоевропейском языке, гласные были важны не меньше согласных. Именно по этой причине эллины ощутили необходимость упрочить обозначение гласных на письме, для чего придали пяти согласным или полугласным финикийским знакам, в которых не нуждались, значение гласных. То были «алеф» (а), «хе» (е), «йод» (i), «айин» (о) и «вав» (и). Все они в греческих диалектах соответствуют одним и тем же звукам, из чего следует, что этим решительным преобразованием мы обязаны неболь-

ШОЙ группе, может быть даже, как считали древние, одному человеку.

Прочие нововведения не столь важны. Грекам пришлось избавиться от лишних сибилантов (в финикийском их было четыре, а в греческом всего два — *s* и *zd/dz*) и добавить знаки для придыхательных *ph* и *kh*, а также сочетаний *ps* и *ks*. Эти модификации не были одновременными и различались в разных областях Греции.

Принесенный в Грецию финикийский алфавит подвергался изменениям на протяжении всей архаической и большей части классической эпохи, пока в IV в. до н.э. не был унифицирован. Все началось с того, что Афины в 403 г. до н.э., в архонтство Эвклида, заимствовали милетский алфавит, более изощренный, чем аттический⁶. Мало-помалу примеру Афин последовали все греческие полисы.

Вначале греки, как и финикийцы, писали справа налево — особенность, характерная для большинства семитских письменностей. Кроме того, они применяли бустрофедон — систему письма, при которой строки без разрывов шли справа налево и обратно, подобно бороздам в поле. На последнее обстоятельство указывает этимология слова, состоящего из *bous* — бык и глагольного корня *strephein* — поворачивать.

Появление в Греции алфавита часто считали революцией, которая одномоментно изменила образ мыслей, породила рационализм и способствовала демократии. Следует, однако, воздерживаться от слишком упрощенных подходов: как подчеркивается в ряде недавних исследований, письменность — и алфавит в особенности — возникает в обществе, уже функционирующем по своим законам. Все, таким образом, зависит от того, как используется новая техника коммуникации, от того, каким способом ее интегрируют в уже существующие формы мысли и деятельности. В Греции все полисы знали письмо, однако же некото-

рые (как Спарта, от которой до нас дошло всего семь надписей) демонстративно от него отвернулись. Постараемся прежде всего понять, какие первые применения нашла себе письменность.

Едва ли не раньше всего остального ее стали использовать для маркировки всякого рода предметов с целью обозначить их природу или указать имя владельца. Так, на «кубок Нестора», датированный примерно 730—720 гг. до н.э., нанесена следующая надпись:

Я удобный для питья кубок Нестора. Того, кто станет пить этим кубком (или - из этого кубка), тотчас желание охватит прекрасновенчанной Афродиты *.

На множестве черепков сохранились в разных видах имена владельцев сосудов или гончаров: «Я принадлежу такому-то» или «Меня сделал такой-то». В первых надписях проявляется удивительное стремление заставить вещь говорить от первого лица. Не в том ли дело, что эти предметы считались до некоторой степени живыми и существовало поверье, что прохожий, прочитав надпись вслух, наделяет их своим голосом?

* Перевод Н.А. Чистяковой. Ряд исследователей предпочитает восстанавливать в первой строке глагол бытия не в первом, а в третьем лице (от слова частично сохранились только первая и последняя буквы, которые в этих формах совпадают). При таком прочтении в русском переводе следует заменить личное местоимение «я» на указательное «это». Трактовка автором книги надписи как обозначения владельца явно неприемлема. Стихотворные строки «комически уподобляют», по выражению А.И. Зайцева, сосуд, на который нанесены надписи, знаменитому «кубку Нестора», упоминаемому в XI песне «Илиады» (632-636 гг. до н.э.). Об интересующем нас сосуде с надписью, найденном на острове Питекуса (Искья) в Неаполитанском заливе, см.: *Чистякова Н.А.* Древнейшая греческая эпитафия (надпись Нестора из Питекусы); *Зайцев А.И.* Лексико-стилистические особенности надписи на «кубке Нестора» из Питекусы // *Philologia classica III*. - Л., 1987 (переиздано: *Зайцев А.И.* Избранные статьи. - СПб., 2003. - Т. 2.). - *Прим. пер.*

Помимо указаний на то, что представляет собой изделие, кому оно принадлежит, кто его сделал, письменность использовалась и для посвящения подношений святилищам по формуле «Такой-то посвятил это такому-то богу».

Пометить таким образом некую вещь означало обеспечить ее владельцу, посвятителю или сделавшему ее гончару, определенную известность, поскольку его имя упоминалось и в его отсутствие. Этого-то и не могла обеспечить устная речь, а если и могла, то с большим трудом, через посредника, который бы «озвучил» текст. Надписи обеспечивали и своего рода бессмертие, ведь иначе запечатленные ими имена были бы преданы забвению.

Но тут-то и следует сделать важную оговорку. Нет никакой уверенности в том, что письменное бессмертие сразу же стало котироваться выше того, что обеспечивали передававшиеся сквозь века песни или поэтические произведения. Поэт Симонид, к примеру, с чувством определенного превосходства утверждал, что его стихи будут жить дольше, чем простая надпись. Но кто бы воспел горшечников или владельцев имущества? Мы увидим, что в мире эпической поэзии проводилась четкая грань между имеющими право быть воспетыми — и поименованными — и толпой безымянных. В таком случае обычное граффито, упоминающее имя, могло обеспечить неизвестному, которому не суждено было стать героем поэтического произведения, некую форму бессмертия. И сейчас еще мы видим имена, нацарапанные на деревьях или на стенах часто посещаемых мест...

Вторым важным применением письменности стала практика публичных надписей. Однако же прежде чем приступить к данному сюжету, необходимо сделать отступление о Гомере, чьи поэмы вписываются в рамки «темных веков».

МИР ГОМЕРА: УСТНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Поэмы Гомера датируются VIII в. до н.э. В ту пору письменность уже была «изобретена заново». Тем не менее были ли эти поэмы написаны Гомером или сочинены устно, они отражают цивилизацию, не знавшую письменности: во-первых, потому, что их следует считать результатом передававшихся из поколения в поколение сказаний, цеплявшихся друг за друга историй, которые мы и будем изучать; во-вторых, потому, что в гомеровских поэмах нет упоминаний о каких бы то ни было письменных сообщениях, надписях или письменных договорах.

Аэды: значимость памяти

«Илиада» и «Одиссея» суть героические сказания. Их собрал и обогатил, придав им окончательную форму, некий гениальный поэт, с античных времен зовущийся Гомером. Сказания эти передавали аэды, певцы и поэты в одном лице, воспоминание о которых сохранилось в «Одиссее»:

...позовите

**Также певца Демодока: дар песней приял от богов он
Дивный, чтоб все воспевать, что в его пробуждается сердце.**

Затем, после того как за аэдом отправился вестник,

**Тою порой с знаменитым певцом Понтоной возвратился;
Муза его при рождении злом и добром одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопенье.
Стул среброкованный подал певцу Понтоной, и на нем он
Сел пред гостями, спиной прислоняся к колонне высокой.
Лиру слепца на гвозде над его головою повесив,**

**К ней прикоснуться рукою ему — чтоб ее мог найти он —
Дал Понтоной, и корзину с едою принес, и подвинул
Стол и вина приготовил, чтоб пил он, когда пожелает.
Подняли руки они к предложенной им пище; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Муза внушила певцу возгласить о вождах знаменитых,
Выбрав из песни, в то время везде до небес возносимой,
Повесть о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее...⁸**

Гомер был, без сомнения, одним из таких аэдов, которые, как видно из текста, пели, сопровождая себя на том или ином музыкальном инструменте. Эти люди воспевали перед слушателями, будь то по собственному почину или по просьбе, подвиги героев и предания о богах, для чего требовалась невероятная способность к запоминанию, делавшая их существами исключительными. В то же время они были профессионалами и, чтобы изодрать свою память, пользовались мнемоническими приемами, явственно видимыми в гомеровском тексте, пусть даже он представляет собой стадию тщательной переработки песен аэдов.

Для достижения своей цели поэт использовал «формулы», т.е. слова, группы слов, целые стихи или совокупности стихов, неоднократно возникающие в тексте. Так, одними и теми же стихами описываются типичные сцены, такие, как приготовление еды или жертвоприношения, причаливание корабля. Особенно часто встречаются некоторые эпитеты: Улисс «многохитростный», Гектор «шлемоблещущий», Навсикая «белорукая» и т.п.

Но эпитеты, группы слов, «формульные» стихи применяются не наобум. Скажем, всякий персонаж обозначается одновременно и свойственными только ему эпитетами, и прилагательными, применимыми к другим: так, «божественными» зовутся многие герои, но «быстроногий» — это только Ахилл, «шлемоблещущий» — только Гек-

тор. Таким образом, персонажи обладают определенными индивидуальными характеристиками. В то же время выбор той или иной формулы определяется метрическими ограничениями: для каждого героя у поэта есть набор определений, и он выбирает нужное в соответствии с пространством, которое необходимо заполнить, и требуемым количеством слогов. Подобная техника позволяла аэду сосредоточиться на той части стиха (или совокупности стихов), которую он сочинял, а в остальном положиться на свою незаурядную память: отдыхая сам, он давал и слушателям возможность время от времени ослаблять внимание.

Удивительнее всего то, что гомеровский текст демонстрирует большую экономию средств: если дан определенный герой и определенная метрическая ситуация, в распоряжении поэта имеется одна-единственная приспособленная к данному случаю формула. Согласно ставшим классическими исследованиям Милмэна Пэрри⁹, лишь пять процентов гомеровских эпитетов взаимозаменяемы, т.е. синонимичны, и могут применяться к одному и тому же персонажу в одних и тех же метрических условиях. Учитывая количество стихов, содержащихся в «Илиаде» и «Одиссее», такие приемы требуют чрезвычайно высокой изощренности.

И в самом деле, аэд также и творец, способный сочинять новые сказания и обогащать уже существующие эпopeи; именно в этом и состоит основное различие между ними и теми сербохорватскими сказителями, с которыми Пэрри сравнил автора «Илиады» и «Одиссеи».

Для какой публики сочинялись песни аэдов? Это явно были слушатели, а не читатели, так как последних еще не существовало. Согласно «Илиаде» и «Одиссее», присутствующие обычно принадлежали к миру аристократии. Во время важных празднеств приглашали и усаживали среди пирующих аэда. Его задачей было складывать песни «о

славных подвигах древних людей, о блаженных богах олимпийских»¹⁰, как это делал у феаков Демодок.

Некоторые аристократы, несомненно, похвалялись принадлежностью к прославленным родам, что объясняет присутствие в гомеровских поэмах генеалогий: аэд, рассчитывая на богатые дары, живописал перед знатным лицом, зачастую по просьбе последнего, его славное происхождение.

Пиры знати были для аэдов не единственной возможностью показать свое искусство на людях. С очень раннего времени на религиозных празднествах перед широкой аудиторией устраивались музыкальные состязания. Если в эпоху Гомера эти музыкальные турниры и не были еще должным образом институционализированы, то уж «неформальные» соревнования явно существовали. Уже Гесиод, живший в VII в. до н.э., в «Трудах и днях» говорит, что вступал на корабль всего раз в жизни, чтобы отправиться на поэтическое состязание, где он одержал победу и получил за нее «ушатый треножник»¹¹.

Наконец, некоторые специалисты полагают, что в то время уже могла существовать одновременно и более обыденная, и более широкая аудитория: вечерами, во время «посиделок» в маленьких общинах, аэд мог петь у частных лиц или на рыночной площади.

Вернемся к значению памяти. В бесписьменном обществе, подобном изображенному в поэмах Гомера, память — единственный способ сохранить прошлое и даже настоящее, т.е. нечто большее, чем простая способность вспоминать. Это преимущество: те, кто им обладают, одарены потусторонним вдохновением, и именно благодаря прямому общению с Музами или другими божествами они в состоянии одновременно и воскрешать подвиги и легенды прошлого, и передавать грядущим поколениям настоящее.

Так Гомер или Гесиод обращаются к Музам за помощью в нелегком деле: быть для современников живой памятью прошлого.

Нетрудно понять, насколько человеку той эпохи важно было оказаться воспетым сказителем: иначе его ждало забвение, он более не существовал. Только слово аэда может даровать герою истинное существование, состоящее в том, чтобы жить в памяти нынешних и будущих людей.

Именно по этой причине гомеровские персонажи одержимы славой, - славой, которая даст им возможность быть воспетыми последующими поколениями, а лучший способ достичь ее — проявить доблесть в бою, самой судьбой предназначенном для стяжания громкого имени. Герои без устали заявляют о намерении совершить воинские подвиги. Так Гектор, предчувствуя смерть под ударами Ахилла, восклицает:

**Но не без дела погибну, во прах я паду не без славы;
Нечто великое сделаю, что и потомки услышат!**¹²

Весомость слов

Мир Гомера, как часто отмечалось, это мир слова, и притом многоуровневый. Сам текст в том виде, в каком он до нас дошел, представляет собой смесь авторского повествования¹³ и прямой речи: герои изъясняются от первого лица, и более половины «Илиады» и «Одиссеи» состоит из речей главных действующих лиц. Например, во второй поэме песни с IX по XII суть рассказ Улисса, повествующего перед собранием феаков о своих приключениях. Даже на войне герои, прежде чем сразиться, вступают в разговор. Эту особенность гомеровских поэм подметили уже древние.

Поводом для разглагольствования может послужить что угодно: герои перебрасываются словами, ссорятся, всячески хулят друг друга, рассказывают о своих подвигах, умоляют богов. Так устанавливается целый ряд актов коммуникации, имеющих место между двумя персонажами, между героем и народом (например, на собрании, в войске или во время пира), между героем и божеством, и даже между богами, поскольку боги, как и люди, сходятся и спорят. Ниже мы попытаемся выявить одновременно важность и действенность слова, которое, в аргіогі неожиданных контекстах, может даже заменить собой действие.

Слово служит для передачи приказов. Необходимо, правда, чтобы тот, кто держит речь, обладал достаточным влиянием; в таком случае слова имеют большую власть над людьми. Так, в «Илиаде» ахейцы надвигаются на Гектора:

**Но на Гектора луки ахейяны натянули,
Многие метили копьями, многие бросили камни.
К ним громогласно воззвал повелитель мужей Агамемнон:
«Стойте, аргивцы друзья! не стреляйте, ахейские мужи!
Слово намерен вещать шлемоблещущий Гектор великий».**

**Рек, — и ахейяне прервали бой и немедленно стали
Окрест, умолкнув**¹⁴.

Хватило словесного вмешательства, и реакция последовала незамедлительно; такая весомость слов не раз и не два подчеркивается в гомеровских поэмах.

Когда герои вступают в спор, они делают это словами, которые являются в то же время действиями и заключают в себе выполнение выражаемой ими угрозы. Так обстоит дело со словами Ахилла, обращенными к Агамемнону, который отнял у него его подругу Бризеиду:

**Но тебе говорю и великою клятвой клянуся,
Скипетром сим я клянуся, который ни листьев, ни ветвей
Вновь не испустит, однажды оставив свой корень на холмах...**

**Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида
Все до последнего; ты ж, и крушася, бессилен им будешь
Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы
Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься, бешен
Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил¹³.**

Эти слова явственно предвосхищают дальнейший сюжет «Илиады».

Для воплощения в жизнь такого рода угроз, нужно чтобы их, несмотря ни на что, поддержали боги. Как прекрасно демонстрирует Ф. Фронтиси-Дюкру¹⁶, говорящий без одобрения богов рискует, что его речь не возымеет действия. И уж тем более следует беспрекословно повиноваться божественному слову. Например, Афина велит Ахиллу не убивать Агамемнона, и тот, «покоряся Слову Паллады», тут же отвечает:

**Должно, о Зевсова дочь, соблюдать повеления ваши¹⁷.
Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют¹⁸.**

Даже среди богов действенность слова связана с могуществом. Вот почему Гера говорит Зевсу:

**Сколько бы в гневе своем ни противилась их истребленье,
Я не успела б и гневная: ты на Олимпе сильнейший¹⁹.**

Но сразу вслед за этим Гера пытается убедить Зевса. В самом деле, наряду с действенным словом, исходящим от божественной или человеческой власти, существует слово

убеждающее, речи «крылатые», «сладчайшие меда», которые принимают в расчет собеседника, уговаривают и смягчают его. Так Улисс увещевает собравшихся бежать от Трои воинов «кроткою речью»; так же действует слово и в собрании.

Речь не просто действительна или убедительна: она может заменять собой действие. Самый знаменательный пример этого мы видим в VI песни «Илиады»: Главк и Диомед, принадлежащие к противоположным лагерям, собираются биться один на один, «пылая сразиться». Однако, уже сойдясь для поединка, они вступают в разговор: «Кто ты, бестрепетный муж от земных обитателей смертных?» — вопрошает Диомед. Ведь противник может оказаться бессмертным богом, а тогда сражаться с ним бесполезно, и Диомед пускается в долгие мифологические рассуждения, обосновывая свою позицию. Главк в ответ рассказывает ему в шестидесяти с лишним стихах историю своего предка Беллерофонта²⁰. Ну а поскольку Беллерофонт был гостем предка Диомеда, вражда немедля прекращается:

**С копьями ж нашими будем с тобой и в толпах расходиться,
Множество здесь для меня и троян, и союзников славных;
Буду разить, кого бог приведет и кого я постигну.
Множество здесь для тебя аргивян, поражай кого можешь.
Главк, обменяемся нашим оружием; пусть и другие
Знают, что дружбою мы со времен праотцовских гордимся 21.**

В мире, где речь столь важна, хорошие ораторы стяжают славу. Нестор, которому нет равных в собрании, — герой «Сладкоречивый... громогласный вития пилосский: Речи из уст его вещих, сладчайшие меда, лилися»²².

Но кто в совершенстве владеет речью, так это Улисс. Достаточно посмотреть, как он изъясняется перед собранием троянцев, к которым он отправлен с посольством:

Но когда говорить восставал Одиссей многоумный,
 Тихо стоял и в землю смотрел, потупивши очи;
 Скиптра в деснице своей ни назад, ни вперед он не двигал,
 Но незыбно держал, человеку простому подобный.
 Счел бы его ты разгневанным мужем или скудоумным.
 Но когда издавал он голос могучий из персей,
 Речи, как снежная выюга, из уст у него устремлялись!
 Нет, не дерзнул бы никто с Одиссеем стязаться словами;
 Мы не дивились тогда Одиссееву прежнему виду²³.

Когда, уже в «Одиссее», он повествует феакам о своих странствиях, все немеют. Его речи сравнивают со сказаниями аэдов, которые больше чем кто-либо умели зачаровать слушателей. Более того, он, как и аэды, обладает даром сочинять истории: прибыв на Итаку, где он должен скрывать свое имя, Одиссей без видимых затруднений изобретает себе воображаемое прошлое.

Совет и Собрание

Гомеровские цари окружали себя советом, вместе с которым принимали важные решения. В то же время в «Илиаде» и «Одиссее» четко проявляется деятельность собраний, эмбрионов тех институтов, что будут существовать в классическую эпоху.

Собрания созывали по разным поводам: в «Одиссее» это собрания мирного времени — у феаков в VII песни, на Итаке в первых и последних песнях. Что же касается собраний воинов в «Илиаде», они функционируют абсолютно сходным образом: все они проводятся в соответствии с «уже установленным ритуалом, предполагающим определенное единство рамок, действий, порядка взятия слова, условий принятия решений»²⁴.

Скликает собрания чаще всего царь или любой персонаж, обладающий достаточным авторитетом: один или несколько вестников или тот, кто по собственному почину берется за дело, созывает воинов или народ, и те сбегаются, еще не зная, зачем их собирают. В особо сложных обстоятельствах, например в Трое, под влиянием страха, вызванного возвращением Ахилла, собрание может начаться и стихийно.

Все собираются так легко, а иногда и спонтанно потому, что место собрания в каждой общине раз и навсегда определено: обычно оно находится рядом с местопребыванием царя; скажем, в «Илиаде» ориентиром служит корабль Агамемнона, возглавляющего поход, или ближайšie к нему корабли Улисса и Диомеда. Это просто-напросто открытое пространство, где усаживается народ или воины. Располагаются ли они кругом или полукругом? Гомеровские тексты не дают на сей счет никакого ответа. Так или иначе вестнику, в обязанности которого входит установить тишину, зачастую приходится непросто.

Церемония взятия слова в собрании кажется жестко регламентированной, но точно установить ее правила не представляется возможным хотя бы потому, что гомеровские поэмы — литературные тексты, не ставящие себе целью детально описать все процедуры. Первым высказывает свое мнение старший по возрасту или тот, кто созвал собрание. Затем обычно следует неловкое молчание, после чего слово берет второй оратор: он всегда²⁵ встает, возвышаясь над сидящими присутствующими. Но всегда ли он выходит на середину, как часто утверждают?²⁶ Ничто в текстах не указывает на это, поскольку обычно отмечается, без дальнейших уточнений, что персонажи просто встают и садятся. В определенных обстоятельствах, однако, говорящий действительно занимает в собрании центральное место. Так происходит, если герой берет в руки скипетр, что

придает словам особый вес, или когда к собранию обращается вестник: поскольку определенного места у него нет, он, естественно, становится посреди присутствующих. Но независимо от того, выходит ли оратор на середину или остается на своем месте, он оказывается в точке пересечения взглядов, т.е. в символическом «центре» собрания. В то же время репликами часто обмениваются мгновенно, а выход на середину при каждом выступлении сильно замедлил бы дело и затруднил процедуру. Стоит принять во внимание и чисто практические соображения, прежде всего акустического свойства: аудитории слышно гораздо лучше, если ораторы выступают с места; если же каждый говорит из середины круга, хорошо его слышат только находящиеся впереди, тогда как те, что оказываются у него за спиной, попадают в невыгодное положение.

Кто же выступал на собраниях? Всякий ли имел право взять слово? Судя по текстам, высказываться можно было свободно. Однако же всего несколько персонажей на самом деле выступают публично: Ахилл, Улисс, Агамемнон, Нестор, Диомед у ахейцев; Гектор, Приам, Антенор и некоторые сыновья Приама у троянцев²⁷. Всякий раз речь идет о пяти или шести персонажах, которые составляют совет или часть совета. Но что это нам дает для реконструкции реалий гомеровской эпохи? И в этом случае необходимо принять в расчет рамки эпопеи: сказитель выставляет на первый план определенных героев и не может, если ему дорого внимание слушателей, отвлекать их от развития сюжета повествованием о слишком большом количестве второстепенных персонажей. Однако же Терситу, посмевавшему высказаться перед всеми собственное мнение, здорово достается от Одиссея:

...но незапно к нему Одиссей устремился.

Гневно воззрел на него и воскликнул голосом грозным...²⁸

**Рек — и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра золотого,
Вздучась багровая; сел он, от страха дрожа; и, от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах 29.**

Почему этого персонажа так грубо ставят на место? Потому ли, что он, как часто утверждалось, представитель простонародья? Но исследования показали, что Терсит и сам был знатным (*aristos*). Тогда потому, что он нарушил неписаное правило, по которому слово предоставлялось лишь нескольким привилегированным лицам из числа знати? Или перед нами сугубо литературный эпизод, где Терсит играет роль шута?

Вернемся к ходу собраний. Что удивительно для нас, во время гомеровских собраний не происходит собственно прений. Персонажи не слушают друг друга, не приводят доводов, не отвечают другим ораторам. Например, Телемах открывает на Итаке собрание, чтобы привлечь внимание к трудностям, которые создает длительное отсутствие его отца, владыки острова, Улисса. Его заботят в первую очередь женихи, расхищающие его имущество; женихи, однако, не обращают на его слова ни малейшего внимания, как если бы они ничего не слышали.

На собраниях не голосовали, не принимали решений. Торжествовало обычно мнение, высказанное последним. Не служили ли в подобных условиях собрания лишь для того, чтобы передать народу, демосу, ту или иную информацию или представить ему ряд монологов, на которые он не мог ответить? Иногда это действительно так: в начале «Илиады» безмолвствующий народ присутствует при ссоре Агамемнона и Ахилла, обращающихся друг к другу и, по видимому, не берущих в расчет слушателей. Но зачастую не имеющая права голоса толпа реагирует шепотом, разного

рода шумом или волнением. Так происходит после речи Агамемнона, который

**Так говорил — и ахеян сердца взволновал Агамемнон
Всех в многолюдной толпе, и не слышавших речи советной.
Встал, всколебался народ, как огромные волны морские,
Если и Пот их и Эвр, на водах Икарийского понта,
Вздуют, ударивши оба из облаков Зевса владыки;
Или, как Зефир обширную ниву жестоко волнует,
Вдруг налетев, и над нею бушующий клонит колосья;
Так их собрание все взволновалось; с криком ужасным
Бросились все к кораблям; под стопами их прах, подымаясь,
Облаком в воздухе стал™.**

Видно, что это толпа анонимов, сравнимая с полем, с морем, которое колышут ветры; она никогда не изъясняется словесно — если ей и приходится это делать, то не открыто, перед всеми, а потому, что поэт облакает в слова пробегающие по ней звуки. Когда Улисс расправлялся с Терситом,

**Так говорили иные, взирая один на другого:
«Истинно, множество славных дел Одиссей совершает,
К благу всегда и совет начиная, и брань учреждая.
Ныне ж герой Лаэртид совершил знаменитейший подвиг:
i Иные ругателя буйного он обуздал велерсч^!»³¹**

Итак, собрание реагирует, выражая одобрение или отказ посредством нечленораздельных звуков или ропота. Между двумя группами — знатью и народом — не может состояться настоящего обмена мнениями, поскольку между собой они говорят на разных языках.

Все же некоторые примеры позволяют думать, что демос был изредка способен высказываться без обиняков

и срывать решения власть имущих. Подобным образом на Итаке мудрый Ментор призвал присутствующих выступить против женихов³², и, судя по последующим событиям, призыв этот возымел действие". Точно так же собрания троянцев в «Илиаде» поддерживают Гектора, а не царя, созывающего собрание. Таким образом, в тех, пусть и редких, случаях, когда собравшийся народ мог если не высказать собственное мнение, то хотя бы выразить отношение к тому, что предлагала знать, формировались зародыши политической жизни: поддерживая ту или иную сторону, можно было влиять на решения царей или даже противостоять им^М.

Прием чужеземца: гостеприимство

Еще одна хорошо разработанная в гомеровских поэмах область коммуникации относится к приему чужаков. В греческом слово «гость» (*xenos*) обозначает также чужеземца, незнакомца, того, кто не принадлежит к данной общине, на кого смотрят с подозрением и даже враждебно. Эта амбивалентность становится очевидной, если посмотреть внимательно, как в гомеровских поэмах принимают «другого».

В ту пору еще не существовало законов, определявших отношения между разными общинами, так что все происходило до некоторой степени непредсказуемо. В зависимости от обстоятельств незнакомцу мог быть оказан теплый или враждебный прием. Так, о Телемахе, увидевшем принявшую чужой облик Афины на пороге дворца, Гомер говорит:

**Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
В сердце, что странник был ждатель принужден за порогом;
приближась,**

**Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,
Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
«Радуйся, странник; войди к нам; радушно тебя угостим мы»³⁵.**

Не менее радушный прием оказывают Телемаху, когда он сходит на берег в Пилосе, чтобы разузнать у Нестора о своем отце Улиссе. Он подходит с Афиной туда, где «с сыновьями и Нестор сидел»:

**...их друзья, учреждая
Пир, суетились, вздевали на вертелы, жарили мясо.
Все, иноземцев увидя, пошли к ним навстречу и, руки
Им подавая, просили их сесть дружелюбно с народом³⁶.**

В этих отрывках Телемах или Афина, даже не будучи узнаны, знают, к кому приходят, им известна репутация тех, кто будет их принимать. Но когда чужеземец, подобно Улиссе в его странствиях, попадал в неведомые земли, он первым делом задавал себе вопрос о том, «какой там народ обитает, / Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды, / Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?»³⁷. Эта формула повторяется в поэме неоднократно.

Например, Улисс сходит на берег в земле лестригонов, которые убивают часть его экипажа, чтобы попить, или в земле циклопов, где герою будет стоить больших усилий победа над великаном, намеревающимся съесть и его, и его сотоварищей. Даже по прибытии к феакам, оказывающим Одиссею пышный прием, Афина «Облаком темным его окружила, чтоб не был замечен / Он никаким из надменных граждан феакийских, который / Мог бы его оскорбить, любопытствуя выведать, кто он»³⁸. Вновь приняв чужой облик, на сей раз девочки, богиня указывает своему протеже:

**«Ты же на встречных людей не гляди и не делай вопросов
Им: иноземцев не любит народ наш; он с ними не ласков;
Люди радушного здесь гостелюбия вовсе не знают»³⁹.**

Вначале подозрительность часто бывает обоюдной: если чужестранец не знает, куда он попал, те, что должны его принять, тем более не представляют, с кем имеют дело. Подобные опасения вполне объяснимы, если вспомнить, что сам Улисс, прибыв к киконам, грабит город и режет скот⁴⁰.

Вот почему прием гостя обычно осуществляется посредством целого ряда «опознавательных знаков»: если хозяин с самого начала расположен дружелюбно и не принадлежит к «беззаконным» народам, чужеземец тоже должен уметь представиться и войти в доверие. Замечательно, однако, что он не сразу называет свое имя. Скажем, Улисс у феаков постепенно покоряет всю царскую семью: сначала дочь, которую встречает первой, будучи выброшен на берег страшной бурей. Он вылезает из зарослей, едва прикрыв наготу наспех обломанной веткой, и обращает в бегство подружек царевны; однако ее, Навсикаю, он своей искусной речью, славящей ее красоту, быстро убеждает, что его «род знаменит», а сам он «разумен». Это уже первая стадия признания; когда же Одиссей, искупавшись, умаснится и одевается, его мощь и красота окончательно пленяют девушку, которая убеждается, что «свой он богам, беспредельного неба владыкам». Позже, явившись во дворец, он завоевывает расположение родителей Навсикаи, Ареты и Алкиноя, до такой степени, что Алкиной хочет принять его в зятя. Нет никакой необходимости пересказывать весь эпизод, поскольку все основное содержится в начале: чужеземец должен показать хозяину, что принадлежит к тому же кругу и что у них общие ценности; ценностями же в то время считались прежде всего физические достоин-

ства — красота, сила, боевое искусство и опытность «в мужеских играх». Улисс будет окончательно принят и избавится от насмешек Эвриала только тогда, когда метнет дальше всех диск, — диск, разумеется, больше и тяжелее всех прочих⁴¹. Превосходство в играх есть показатель хорошего воспитания, принадлежности к знатному роду. А уж если некто, как Одиссей, еще и искусный оратор, то ему и вовсе ни в чем нет отказа.

Когда незнакомца признают — или непосредственно по прибытии, если его принимают сразу, — начинаются обряды гостеприимства, содержание которых незыблемо. Чужеземца приглашают сесть, его торжественно принимают за столом, затем приглашают на ночлег и предлагают гостить, сколько пожелает; в конце концов он отправляется восвояси с дорогими подарками. Во время пребывания в гостях его водят в баню: это могут быть простые купания с целью расслабиться, как, например, в случае с Телемахом⁴², или, при необходимости, множество самых тщательных омовений, которые совершает у феаков Одиссей после нескольких недель бедствий на море. Рассмотрим более подробно различные этапы гостеприимства.

В какой бы час не появился иноземец, для него накрывают стол. Обед хоть и импровизированный, но изысканный, вроде того, что Телемах подает Афине:

**Тут поднесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукою рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайний принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил⁴³.**

Если чужеземец приходит в начале обеда, его тут же приглашают за стол. Часто на следующий день специально

для него даже устраивают более роскошное пиршество, с обилием еды и напитков, вечерними посиделками и песнями аэдов.

Только после того как гость накормлен, его расспрашивают об имени и причинах появления. Менелай верно заметил Афине и Телемаху: «Свой утолите вы голод, спрошу я, какие вы люди?»⁴⁴ Напротив, Полифем, циклоп-людоед, спрашивает у Одиссея и его спутников их имена сразу же, как их видит, — и, понятно, не предлагает никакой еды⁴⁵. Вопросы задаются ритуальные: «Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая: Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?»⁴⁶

Незнакомец может и в самом деле назвать собственное имя, имя своего отца, страну, из которой прибыл, сказать, что его привело... Однако очень часто ответы бывают либо лживыми, либо отложенными: так, Афина перед Телемахом выдает себя за Ментеса; Одиссей, прибыв наконец на Итаку, придумывает себе, чтобы не быть узнанным, жизнь критского пирата. Его сын, который должен был сообщить свое имя Менелаю сразу после еды, не представился и через семьдесят стихов после того, как был накормлен. Телемаха, так и не назвавшего себя, узнала Елена, пораженная его сходством с отцом. Все это показывает, что имя, возможно, не имело того значения, что признание, немедленное или постепенное, которое было описано выше. Показательны в этом отношении используемые формулы; когда Телемах и Афина прибывает в Спарту, кто-то тут же восклицает:

**Царь Менелай, благородный питомец Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца, конечно, из племени Дия⁴⁷.**

Между богами узнавание происходит еще более неукошнительно. Вот комментарий поэта к прибытию Гермеса к Калипсо:

...и с первого взгляда

**Нимфа, богиня богинь, догадавшись, гостя узнала
(Быть незнакомы не могут друг другу бессмертные боги,
Даже когда б и великое их разделяло пространство)⁴⁸.**

Затем чужестранца обычно приглашают на ночлег к хозяину, для которого принять гостя — дело чести. Послушаем Нестора, оскорбленного тем, что Афина и Телемах желают провести ночь на корабле:

**Нестор, гостей удержавши, сказал: «Да отнюдь не позволят
Вечный Зевес и другие бессмертные бога, чтоб ныне
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
Разве одежд не найдется у нас? Неужели я нищий?
Будто уж в доме моем ни покровов, ни мягких постелей
Нет, чтоб и сам я, и гости мои насладились покойным
Сном? Но покровов и мягких постелей найдется довольно.
Можно ль, чтоб сын столь великого мужа, чтоб сын Одиссеев
Выбрал себе корабельную палубу спальней, пока я
Жив и мои сыновья обитают со мной под одною
Крышей, чтоб всех, кто пожалует к нам, угощать дружелюбно?»⁴⁹**

Когда прием теплый, иногда бывает трудно уехать: Телемах отказывается от предложения Менелая остаться «одиннадцать дней иль двенадцать»⁵⁰. Однако же он остается почти на месяц и не может уклониться от прощального обеда. Вернувшись в Пилос, где он должен сесть на корабль, чтобы отправиться на Итаку, он не заходит к Нестору, объясняя сопровождающему его сыну последнего:

**«...чтоб отец твой меня в изъявление любви не принудил
В доме промедлить своим, — возвратиться безмерно спешу я»⁵¹.**

Уезжая, гость уносит с собой роскошные подарки, что является одной из важных сторон гостеприимства. Он,

впрочем, ожидает этих даров, так что даже у Полифема Улисс размышляет:

**Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
Даст нам подарок...⁵²**

и далее:

**«Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок
Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют»⁵³.**

Дары гостю в «Одиссее» описываются в изобилии: это прекрасные ткани, произведения искусства и т.п. Менелай получил от Полиба Египетского «две сребролитные... купальни и с ними / Два троеножных сосуда и золотом десять талантов», тогда как Елена получила от супруги Полиба, Алькандры, «Прялку златую с корзиной овальной; была та корзина / Вся из серебра, но края золотые»⁵⁴.

Хотя дары — обязательные подношения, которых ждут, от них можно отказаться, по крайней мере частично: Телемах не хочет коней Менелая, ибо они непривычны к его земле, Итаке. Эка важность! Спартанский царь заменит подарки⁵⁵ и даст ему другие роскошные изделия.

Когда подарок получен, он обычно не дает повода для благодарности; иногда на него отвечают каким-либо обетом или формулой, демонстрирующей, что о подобной щедрости узнают грядущие поколения.

Но взамен при ответном визите ожидаются такие же или более ценные дары: это то, что называют дарообменом. Признание гостя распространяется и на весь его род, из поколения в поколение. Именно поэтому Телемах может сказать изменившей облик Афине: «В первый ли раз посетил ты Итаку иль здесь уж бывалый / Гость Одиссеев? В те

дни иноземцев сбиралось много / В нашем доме: с людьми обхожденье любил мой родитель»⁵⁶.

Роскошные подарки, вручаемые хозяевами, суть, как мы видели, элемент системы взаимных услуг: дары вызывает отдаривание. Такая система выходит далеко за рамки отношений между гостем и хозяином и функционирует во всем многообразии человеческих отношений. Как отмечает Мозес Финли, «слово "дар" обнимало всю гамму действий и сделок, которые впоследствии дифференцировались и обретали собственные наименования, а именно все виды платежей за уже оказанные, а также ожидаемые услуги — то, что мы называем платой, вознаграждением, наградой, а иногда и взяткой»⁵⁷.

Так Марон, жрец Аполлона, одарил Одиссея потому лишь, что тот пощадил его во время избиения киконов: это плата за оказанную «услугу». Когда Агамемнон наконец понимает, что не сможет обуздать гнев Ахилла, он предлагает ему дары в возмещение ущерба: «Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих; / Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать / Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний <...> / Семь непорочных жен, рукодельниц искусных <...>»; а позже, если Троя будет взята, много бронзы и золота, двадцать троянок, одну из своих дочерей в жены и семь городов...⁵⁸ При выдаче девушки замуж ее руку вместе с приданым получал, как на торгах, предложивший больше других.

Намерение одарить, если таковое существует, никогда не бывает бескорыстным, и такое положение сохраняется и в куда более позднюю эпоху. Показательна на этот счет история, рассказанная Геродотом: однажды Дарий, будучи еще человеком невысокого положения, страстно возжелал получить красный плащ и стал предлагать деньги владельцу. Последний, некий Силосонт, подарил ему плащ, хотя и жалел про себя, что по простоте душевной

расстался с ценной вещью. Узнав впоследствии, что Дарий стал царем Персии, Силосонт воспрял духом и отправился во дворец просить вознаграждения за сделанный когда-то подарок. Надо сказать, что этот подарок не шел ни в какое сравнение с затребованным вознаграждением: завоеванием острова Самос, которым он хотел править⁵⁹.

ПЕРЕХОД К ПОЛИСНОМУ МИРУ

Преобразованием коммуникации Греция обязана многим феноменам. Мы выделим два основных, а именно зарождение полисов, с одной стороны, и использование алфавита — с другой.

И в самом деле, по всему греческому миру примерно с VIII в. до н.э. стали образовываться полисы — небольшие независимые друг от друга общины, со временем объединившие индивидуумов, чувствовавших себя связанными общим прошлым, общей культурой и общими планами. Географическая конфигурация Греции, разделенной на части горными массивами, благоприятствовала созданию этих практически закрытых пространств сопоставимых размеров. Разумеется, полисы возникли не одновременно, но мы не станем здесь анализировать, каким именно образом централизованные и бюрократические микенские дворцы трансформировались в маленькие независимые государства, а постараемся просто дать определение последним и показать, как их структура повлияла на коммуникацию.

Полис не есть в полном смысле слова город: он включает городской центр и контролируемую им территорию, обеспечивающую его средствами к существованию. Рубежи полиса строго определены и часто обозначены пограничными столбами. Полис образует четко размеченное пространство: повсюду неизменно имеются такие специфичес-

кие объекты, как площадь, или агора, святилища, общественные здания, позднее театр и гимнасий. Они являются настолько органической частью полиса, что древние сплошь и рядом считали их его определяющими признаками. На окраинах находились промежуточные между «цивилизацией» и дикостью территории, где обычно осуществлялось принятие в полис новых граждан: так, в Афинах юноши-эфебы, прежде чем стать неотъемлемой частью сообщества, должны были провести определенное время на границах Аттики, подвергаясь инициационным испытаниям.

Полисы образовывались повсюду, не только в Греции, но и вне ее, когда с VIII в. до н.э. небольшие группы переселенцев стали основывать вдали от родины колонии⁶⁰, каждая из которых воспроизводила модель метрополии, с теми же общественными пространствами, с теми же институтами, с тем же образом жизни. Представляется, что с момента создания подобных пространств коммуникация за их пределами становилась невыносимой. Несмотря на все сходство, все маленькие греческие государства развивались по-разному: некоторые стали демократическими, другие олигархическими... Совершенно нетипичным путем пошел один город, Афины. Ниже мы специально остановимся на этом полисе, оставившем к тому же множество письменных свидетельств.

В маленьких общинах ведущую роль играло слово. «Все вопросы, представляющие всеобщий интерес и определяющие сферу архэ⁶¹, улаживать которые было некогда обязанностью властителя, теперь передаются в ведение ораторского искусства и разрешаются посредством прений. Раз так, необходимо, чтобы они формулировались в выступлениях, отливались в форму антитестических доказательств, противопоставленных аргументаций. Тем самым между политикой и логосом⁶² устанавливается тесное отно-

шение, взаимная связь. Политика в основном превращается в манипулирование языком, а логос изначально осознает себя, свои правила, свою действенность через свою политическую функцию»⁶³.

Слово обрело огромный вес уже в гомеровских поэмах, совпадающих во времени с рождением полисов, но в дальнейшем его значение только росло: мало-помалу слово становится инструментом власти, доступным уже не только узкому кругу привилегированных, как у Гомера, но и — во всяком случае, в демократических полисах вроде Афин — куда более широкому слою граждан. Так развивается целый пласт размышлений о речи и ее возможностях; кое-кто начинает обучать красноречию, и это знаменует рождение новой техники коммуникации, риторики.

Параллельно полисы пользовались изобретением VIII в. до н.э. — алфавитом. Во многих из них граждане ощутили необходимость записать законы на стенах храмов или на больших стелах, установленных в общественных местах. В Афинах начало этому положил Солон, который писал:

Уставы общих малым и великим прав

Я начертал; всем равный дал и скорый суд⁶⁴.

Записанные таким образом законы помещались в самом сердце полиса, в местах, где каждый мог с ними свериться: в пританее⁶⁵, вблизи от Гестии, богини домашнего очага (в данном случае очага полиса), или в больших святилищах. Так, во второй половине VII в. до н.э. на стенах храма Аполлона Пифийского были выгравированы первые законы Гортины⁶⁶. Нужно иметь в виду, что жилище бога есть общественное место: тексты законов и указов всегда высечены в самой доступной части храма, в ограде, где могли собираться десятки людей. Они должны быть видны и пригодны для чтения, даже если речь идет об отда-

ленных или редко посещаемых местах. Именно поэтому надпись в гроте, служившем храмом Диониса в Каллатиде, городе на берегу Черного моря, возвещает, что стела выгравирована в самой видимой его части.

Как измерить важность и новизну таких общественных надписей? Подобные памятники существовали уже на Ближнем Востоке: к их числу относятся законы Хаммурапи, написанные примерно на тысячу лет раньше ⁶⁷. Сегодня ученые видят разницу между греческими и ближневосточными надписями прежде всего в том, что греческие тексты могли прочесть все, а стелу Хаммурапи, пусть и выставленную в общественном месте, — только искушенный в клинописи человек ⁶⁸. В ней к тому же говорится:

Обиженный человек, у которого судебный спор возникает, пусть придет перед статую мою, именуемую «Справедливый царь», и стелы моей начертание пусть он заставит огласить, указы мои драгоценные пусть он услышит...⁶⁹

Эта разница безусловно наличествовала в классический период, с момента широкого распространения письменности. Сами греки любили распространять мысль о том, что первые тексты законов были предназначены для всех. Так, если верить тому, что Плутарх говорит о Солоне:

После введения законов к Солону каждый день приходили люди: то хвалили, то бранили, то советовали вставить что-либо в текст или выбросить. Но больше всего было таких, которые обращались с вопросами, осведомлялись о чем-нибудь, просили дополнительных объяснений о смысле каждой статьи и о ее назначении ⁷⁰.

Из данного пассажа можно было бы сделать вывод, что греки уже с эпохи Солона, т.е. в начале VI в. до н.э.,

могли не только разбирать текст, но и анализировать. Не очевидно, однако, что они с самых первых надписей освоились с письменностью настолько, чтобы читать выставленные на всеобщее обозрение тексты без посредника. Известно, что при введении алфавита в Греции существовали писцы, обладавшие высоким статусом; кроме того, они пользовались значительными преимуществами, из чего следует, что их не так-то легко было заменить ⁷¹. Вероятнее всего, первоначально письменность была доступна не всем, и в переходный период надписи оказывались для греков столь же загадочными, сколь законы Хаммурапи для вавилонян, а грамотеи исполняли ту же роль, что шумерские книжники: читали стелы и объясняли их содержание.

Но, несмотря ни на что, положение вещей изменилось довольно быстро. С одной стороны, алфавит изучить гораздо проще, чем клинопись, и надписи стали доступны для прочтения многим гражданам. С другой стороны, как мы увидим при анализе процессов внутренней коммуникации в полисе, общественное писание диверсифицировалось и стало касаться не только кодексов законов, но и все более и более разнообразных областей.

КОММУНИКАЦИЯ В ГРЕЧЕСКОМ ПОЛИСЕ

Греческий полис — пространство коммуникации *par excellence*. При данном утверждении необходимо, однако, сделать важную оговорку. Эта общность четко разделена на группы, права которых далеко не равны. Только граждане являются полноправными членами полиса, обладающими политическими, юридическими и религиозными привилегиями. Женщины исключены из политической сферы и могут участвовать лишь в некоторых религиозных празднествах. Метекы, проживавших на территории полиса иноземцев, частично держат в стороне от общины. Что же касается рабов, они полностью исключены из полиса и ни в малейшей степени не участвуют в общественной деятельности.

ПРОСТРАНСТВА КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИСЕ

Граждане, а иногда, как мы увидим, и другие составляющие полис группы, посещают некоторое количество пространств коммуникации: места встреч, общественной деятельности, культуры, существующие во всех полисах. В их число входят агора, или общественная площадь, святилища, театр, гимнасий. Есть в полисах и места политической коммуникации: собрания, советы, суды, органы, носящие иногда разные названия в зависимости от государства. В

этой главе они не рассматриваются, поскольку слишком по-разному функционировали в разных полисах и дать общую картину, не исказив ее, было бы очень сложно. Не имея возможности вдаваться в детали всех особых случаев, мы решили привести в качестве примера пространств политической коммуникации афинские институты, которые будут представлены в разделе, посвященном этому городу.

Агора

Агора с архаической эпохи стала символом греческого города, местом единения. Она имела во всех полисах, будь то демократические, как Афины, или олигархические, как Спарта. Даже в эллинистическую эпоху агора оставалась важнейшим элементом поселения городского типа.

Сначала она была просто почти не застроенным общественным местом внутри города, вокруг святилища, или на перекрестке важных путей сообщения: в Афинах, например, площадь возникла на скрещении улиц, образовавших пустое пространство в форме треугольника. На этом пространстве возникали святилища, потом, под их покровительством, общественные здания и, наконец, примерно с VI в. до н.э., лавки торговцев¹. Таким образом, агора классической эпохи соединяет в себе три функции: религиозную, политическую и торговую. Каждая из них материализуется в особых постройках: различных, разбросанных повсюду храмах и местах поклонения, зала совета, пространство для собрания, суды; все строения располагались обычно по периметру площади. Что касается лавок, то они представляли собой переносные конструкции: «палатки и деревянные халупы, покрытые кожами или плетеными ивовыми прутьями»². Сосуществование все разрастающихся торговых рядов и собраний создавало иногда такие труд-

ности, что в ряде полисов в течение V в. до н.э. собрания были переведены в другие места.

Две черты определяют специфику агоры в сравнении с римским форумом или нашими общественными местами. В отличие от последних, греческая площадь, прежде чем стать рынком, была религиозным и политическим центром, т.е. истинным ядром общины. Кроме того, каждый гражданин мог войти в общественные здания не только за разъяснениями или за разрешением личных вопросов, но и для участия в выработке общих решений, либо как наблюдатель в олигархических полисах, либо как непосредственный участник в демократических государствах.

Понятно, что пространство, более или менее стихийно сложившееся в сердце полиса, полностью принадлежало обществу: никаких частных домов на агоре не возводили. Кроме того, она была физически ограничена межевыми столбами, отделявшими ее от частных владений; множество таких столбов было обнаружено в Афинах.

Кто посещал агору? В разных городах дело обстояло по-разному. В олигархических полисах туда допускалась ограниченная группа граждан, соответственно площадь была ограждена и доступ на нее затруднен, тогда как в демократических полисах она представляла собой открытое пространство, куда могли прийти все или почти все. Повсюду на нее не допускали тех, кто был чем-либо запятнан, а именно совершивших преступления и допустивших религиозные проступки. Свободные женщины, за редким исключением, нечасто появлялись на агоре; они посылали туда рабыню, а чаще всего за покупками ходили мужчины. Аристофан красочно описывает этих добропорядочных граждан, приходящих на рынок и толкущихся у прилавков:

**Пусть в корзинках притащат копейских угрей,
А кругом мы толпимся, кричим, гомоним,**

**Рвем из рук и торгуемся. Жмутся к лоткам
Знаменитые лакомки: Морих, Телей
И Главкет. Напоследок Меланфий придет:
Он на рынок приходит всех позже. Увы!
Все распродано. Стонет и плачет бедняк...**³

Лисистрата в одноименной пьесе жалуется, что воины в полном вооружении покупают рыбу или уносят в шлемах купленную на рынке овощную похлебку.

Те, что могли ходить на агору, делали это истово. Народ наполнял ее с самого утра; чтобы сказать «в разгар» или «в конце утра» греки употребляли выражения, связанные с агорой: «в час, когда агора полна» (т.е. где-то между десятью часами и полуднем), и т.п.

На агору отправлялись по самым разным причинам: на Собрание или в суд, вести тяжбу, за покупками, отдохнуть в тени портиков. Кроме того, там удобнее всего было узнать последние новости — либо на самой площади, либо в лавчонках вокруг. Например, весть о поражении на Сицилии распространяется прежде всего в цирюльне⁴.

Агора была также местом бесед: заведения на площади обычно посещали не только ради покупок или наведения красоты, но и для того, чтобы поболтать. Калека, мелкий ремесленник, для которого Лисий написал речь, берет в свидетели сограждан:

Ведь каждый из вас имеет обычай заходить куда-нибудь: один — в парфюмерный магазин, другой — в цирюльню, третий — в сапожную мастерскую, четвертый - куда придется; чаще всего заходят куда-нибудь поблизости от рынка и очень редко — куда-нибудь далеко от него⁵.

Тот, кто не ходил на агору, считался в полисе маргиналом: так, Аристокитон, изображенный Демосфеном са-

мыми черными красками — ему несвойственно человеколюбие, он необщителен, — «не ходит ни в какие заведения цирюльников или парфюмеров, ни в какие лавки» б.

На агоре не просто узнавали новости и болтали, но и вели политические споры: ораторы, хотевшие, чтобы их услышали, должны были выступать в общественном месте. Именно на агоре, особенно в IV в. до н.э., сходились до или после собраний. О таких сходках повествует Демосфен:

...он же [Эсхин] был избран. Когда Народное собрание после этого разошлось, они все вместе стали совещаться, кого им оставить тут: так как все висело тогда в воздухе и будущее было неясно, то по всей площади кучки людей вели разговоры...⁷

Политическую роль агора играла и в олигархических полисах — в Спарте, в городах Крита и Фессалии. В Спарте самые крупные политические потрясения разыгрывались именно на агоре. Восстание парфениев — молодых спартанцев, чье незаконное рождение спасло полис от обезлюдения во время мессенских войн⁸, — разразилось на площади собраний*: один из вождей заговора подал сигнал, подняв посреди площади лаконскую шапку⁹. Оттуда же начался мятеж против Ликурга, легендарного спартанского законодателя¹⁰.

Место, где разносят новости, готовят сходки или прогуливаются, перемывают кости и тем и другим, не лишено негативного оттенка: там, где делятся информацией и ведут споры, можно и распускать слухи, и источать недоброжелательность. Если верить Демосфену, последнее явственно проявлялось в Афинах V в. до н.э.:

* Автор допускает неточность: у Страбона сказано, что лакедемонянам удалось избежать восстания, уговорив парфениев выселиться в Италию и основать там колонию. — *Прим. пер.*

Когда против несчастного и жалкого Аристарха, сына Мосха, было выдвинуто обвинение в тяжком, ужасном преступлении¹¹, граждане афинские, Мидий вначале, разгуливая по агоре, осмелился распространять обо мне нечестивые и опасные слухи, будто это преступление было совершено мною¹².

В том же полисе именно на агоре разворачивались интриги сикофантов¹³, этих профессионалов клеветы, что послужило одной из причин открытого осуждения агоры, по меньшей мере в Афинах, двумя категориями граждан: теми, кто, как Аристофан, защищал простой люд, и теми, кто, как Платон, стоял на стороне аристократии.

Для первого нет худшего оскорбления, чем быть «горланом проулочным»¹⁴: у крестьянина, обрабатывающего землю, хватает других забот. Противопоставляя два образа мыслей и две манеры воспитания, Аристофан критикует новое поколение, бесцельно шатающееся по площади вместо того, чтобы заняться более неотложными или более полезными делами. Поэтому персонифицированная в пьесе Правда обращается к юному Фидиппиду со следующим советом:

**И поэтому, сын мой, мужайся: меня избери себе в спутники,
Правду!
Презирать ты научись рыночный шум, ненавидеть цирюльни
и бани,
Безобразных поступков стыдиться, краснеть, от насмешек грозой
загораться¹⁵.**

И далее:

**...Цветущим, блистающим жизнь проводить ты в гимнасии
будешь.
Ты не станешь на рынке, как нынче народ, кувыряться
в словах¹⁶, и кривляться,**

И мытариться зря, извиваясь крючком в пересудах грошовых и тяжбах¹⁷.

Точно так же у Платона мудрецы не знают

...дороги ни на агору, ни в суд, ни в Совет, ни в любое другое общественное собрание. Законов и постановлений, устных и письменных, они в глаза не видели и слыхом не слыхали. Они не стремятся вступить в товарищество¹⁸ для получения должностей, сходки и пиры и ночные шествия с флейтистами даже и во сне им не могут присниться¹⁹.

Нет ничего удивительного в том, что эта критика адресована обычаям не только агоры, но и всего общества, афинской демократии в целом²⁰.

Несмотря на все нападки, агора во всех полисах остается местом коммуникации *par excellence*. Это не просто пространство, где говорят, — это место публичного выставления.

Поэтому, в память о времени, когда правосудие стало достоянием всей общины, на агоре продолжали выставлять провинившихся: в Киме²¹ неверная жена должна была стоять там на камне на глазах у всех. В Фивах должника выставляли у позорного столба на всеобщее обозрение. В Катане дезертира три дня держали на площади. Именно под портиками агоры выставляли трофеи: в Спарте на площади соорудили из взятой у «мидийцев» добычи персидский портик (*stoa persike*)²². Фиванцы тоже свалили на агоре трофеи, взятые в битве при Делионе²³. Портики были одновременно и выставочными галереями, наглядно демонстрировавшими все важнейшие этапы жизни полиса, где мифические эпизоды смешивались с историческими сюжетами: в Афинах наряду с Марафонской битвой

увечивали победу Тезея над амазонками и взятие Трои. Все эти сцены были отображены на настенных росписях.

Несмотря на локальные различия, агора везде была поистине общинным учреждением, имевшим отношение исключительно к данному полису. Знаменательно, что в то время, пока Перикл занимался внешней политикой Афин, он до некоторой степени забросил агору ради акрополя, где построил здания, сохранившиеся до наших дней.

Бьющееся сердце гражданской общины, агора развивалась и росла вместе с нею. Она расширялась по мере того, как полисы накапливали политическую власть. Что же касается ее архитектурного убранства и красоты памятников, они зачастую не соответствовали ее нравственному и политическому весу: Фукидид удивлялся, что в Спарте, столь могущественном полисе, площадь так убога, но спартанцы не хотели, чтобы памятники отвлекали граждан от насущных забот²⁴. В Афинах основные политические баталии проходили на площади, разоренной во время персидских войн, где и укрепилась демократия.

Что любопытно, раздумья о самой площади и ее архитектуре обрели форму в то время, когда агора утратила свое значение: милетские зодчие первыми решились превратить площадь в продуманный ансамбль, где здания были связаны друг с другом портиками, придававшими им определенное единство и служившими организующим началом. В особенно больших количествах монументальные сооружения появились на агорах в эллинистическую эпоху, но, поскольку деньги на строительство давали частные лица ради собственной славы, здания эти уже не имели прежнего значения. Их продолжали посещать, но ставки в политической игре уменьшились. Кроме того, торговая составляющая явно возобладала над остальными: агора стала общественным местом в понимании, близком к современному, центром обмена, а не политическим и нравственным

ядром небольших общин классической эпохи, где решались судьбы полисов. Кроме того, как бы в знак менее тесных отношений с городом, агора повсюду становится замкнутым в себе пространством, окруженным портиками. Для Р. Мартена она теперь всего-навсего «связанная с поселением городского типа монументальная архитектурная форма без какого бы то ни было специфического значения»²⁶.

Таким образом, агора в интересующих нас обществах выполняла уникальную роль, будучи одновременно пространством для обмена мнениями, общедоступным садом для прогулок, местом отправления культа, национальным музеем, местом политических собраний, короче говоря, центральной точкой, где сходились большинство видов общинной деятельности.

Святылища

Святылище есть священное пространство, посвященное богам. Оно может представлять собой лес, участок земли вокруг могилы героя и т.п., обозначенный межевыми знаками или окруженный стеной. На священный характер этого места указывает множество признаков. Так, чтобы войти туда, нужно быть ничем не запятнанным и совершить очистительное омовение. Там запрещено разрешаться от бремени, заниматься любовью, умирать: Геродот, скажем, считает варварским практикуемый некоторыми народами обычай половых сношений в храмах. Туда можно бежать и чувствовать себя в безопасности: в этом отношении святылище — *asulion*, убежище. Беглые рабы и изгнанники, чье положение шатко, ибо никакие законы их более не охраняют, находят защиту в святылищах; Орест в начале «Эвменид» после долгих скитаний укрывается в

храме Афины в Афинах 26, где никто не может поднять на него руку.

Какие-либо сооружения в святилище не обязательны. Если они имеются, это обычно алтарь, храм, иногда так называемые сокровищницы. Самым важным является алтарь: верующие собираются вокруг него, и основная часть религиозных обрядов, жертвоприношение, происходит на открытом воздухе, вне храма. Ведь храм, самый замечательный из дошедших до нас памятников, для культа не столь уж и важен. Он служит в основном местопребыванием статуи божества: скажем, в Парфеноне, воздвигнутом для того, чтобы поместить там изготовленную из золота и слоновой кости статую Афины, творение Фидия, никогда не проводилось никаких церемоний. Святылище открыто не всегда, и в нем имеется тайная часть, адитон, где находится статуя божества и куда могут входить только жрецы или те, что после совершения определенных обрядов испрашивают наставления божества. Сокровищницы же, о роли которых еще пойдет речь, суть здания, предназначенные для приношений.

Святылище одновременно место коммуникации и между людьми и богами, и внутри людского сообщества. Общение с богами совершалось посредством жертвоприношений и возлияний, молитв, подношений, празднеств, а также советов оракула. Мы рассмотрим более подробно самые самобытные действия, жертвоприношения и предсказания.

Самым обычным жертвоприношением в Греции было заклание животного. Главным в приношении был дым, восходивший к богам и устанавливавший связь между землей и небом. В «Птицах» Аристофана описывается фантастический город, жители которого, дабы сделать богов посговорчивее, облагают таможенной пошлиной жертвенный дым²⁷. Часть мяса, таким образом, отдается богам, а

остальное распределяется поровну между всеми участниками; обряд обычно заканчивается пиром, на котором поедают жертвенных животных. Раздача всем гражданам равных долей пищи - ритуал, имевший целью установление общественных связей: он символизировал принадлежность к политической группировке, каковой являлся полис.

Ясно, что жертвоприношение — одно из основных общественных действий. Отказывающийся в нем участвовать добровольно ставит себя в положение маргинала, как обстояло дело с членами некоторых сект, например орфиков, которые отрицали кровавые жертвы и тем самым отрезали себе все пути к участию в политической жизни. Некоторые пифагорейцы участвовали в общественной жизни лишь ограниченно, признавая только жертвоприношение мелкого скота, коз или свиней.

Наряду с жертвоприношениями важной формой коммуникации между людьми и богами были имевшиеся во многих святилищах оракулы. Из числа наиболее известных и влиятельных можно упомянуть оракулов Аполлона в Дельфах, Зевса в Додоне, Асклепия в Эпидавре.

Греки имели обыкновение прибегать к услугам оракулов по всем поводам, и дошедшие до нас сведения показывают, что божествам можно было задавать как самые незначительные или нелепые, так и самые серьезные вопросы. Один, к примеру, спрашивает, является ли он на самом деле отцом своего ребенка, другой интересуется, украли ли у него плащ или он его просто потерял. Принято было обращаться к оракулу всякий раз, когда собирались основать колонию или принять важное решение.

Способы общения значительно различались в зависимости от оракула, а иногда даже в пределах одного святилища: в Додоне практиковалось гадание по шелестению дубовых листьев, по полету голубок, по бронзовому сосуду, по которому били металлическими цепями, посредством

инкубации. Самыми распространенными способами были инкубация, с одной стороны, и обращение к прорицательнице-посреднице вроде Пифии — с другой.

При инкубации вопрошающий непосредственно вступал в контакт с божеством, которое отвечало ему, когда он спал в священном месте; в Эпидавре бог-целитель Асклепий сам являлся к больному, чтобы излечить его или указать нужное лекарство. Для подобного вида совещаний с оракулом внутри святилища были предусмотрены лежа: в Эпидавре на десяток метров храма приходился портик длиной тридцать шесть и шириной восемь метров, называвшийся абатон, т.е. запретное пространство, потому что туда могли попасть только вопрошающие, совершившие ритуальное очищение.

Второй способ обращения к божеству был непрямым и осуществлялся через посредство вдохновляемой свыше прорицательницы, говорившей от имени божества. Но не следует представлять себе жрицу в трансе, в дыму воскурений, произносящей в невменяемом состоянии бессвязные слова. На самом деле ритуал был тщательно разработан. Вопрошающий совершал положенное очищение и убеждался, что вопрос, который он намерен задать, угоден божеству. После этого он пребывал в чем-то вроде приемной, поскольку доступ в адитон, где находилось божество или говорящая за него жрица, был воспрещен. В Додоне запрос подавали в письменном виде, и до сих пор при раскопках находят записи на свинцовых табличках, которые жрица потом выбрасывала²⁸. В Дельфах археологи подобных документов пока не обнаружили; если верить Геродоту, упоминающему множество запросов к оракулу, каждый говорил непосредственно с Пифией²⁹.

Впрочем, когда к богу обращался полис или могущественный политический деятель, т.е. речь шла об официальном запросе, вопрос и ответ формулировались в письменном виде, и гонец передавал мнение божества во-

прошавшему³⁰. Это позволяло избежать намеренных искажений или ошибок, обычных при устной передаче. Порядок запросов определялся жребием; исключение делалось только для пользовавшихся правом промантии, т.е. внеочередного обращения к оракулу.

Прорицания, донесенные до нас надписями, ясны и кратки, но дошедшие через посредство литературы зачастую двусмысленны, что объясняется двумя причинами. С одной стороны, они могли быть сформулированы четко, но при этом не давать заинтересованному лицу указаний, необходимых для того, чтобы правильно понять их смысл. Есть два хорошо известных примера такого рода предсказаний. Аполлон предсказал Эдипу, что тот убьет собственного отца и женится на собственной матери. Но герой, который поспешно бежит от тех, кого считает своими родителями, не знает, что настоящие родители бросили его еще ребенком как раз из-за этого предсказания. Крезу, вопрошающему Аполлона, начинать ли ему войну с персами, оракул отвечает, что он сокрушит великое царство³¹. И здесь формулировка прозрачна. Лидийский царь уверенно выступает в поход, не думая, что упомянутое божеством царство — его собственное.

С другой стороны, прорицание может быть неясно сформулировано, напичкано метафорами, загадками, двусмысленными словами. Примеров такого рода в литературе также предостаточно; возьмем хотя бы другое данное Крезу прорицание:

**Коль над мидянами мул царем когда-нибудь станет,
Ты, нежноногий лидиец, к обильному галькою Гермю
Тут-то бежать торопись, не стыдясь малодушным казаться**³².

Как объяснить подобное расхождение между прорицаниями, сохраненными в литературных произведениях, и

прорицаниями из надписей? Надо признать, что большая часть ответов была куда прозрачнее, чем можно подумать по свидетельствам современников. Но когда речь шла о важных вопросах, затрагивающих отношения между полисами или международную политику, Аполлон и те, кто оказывал влияние на прорицание, не были заинтересованы в том, чтобы заявления Пифии звучали слишком уж ясно... Отсюда и стилистические ухищрения, выбор двусмысленной поэтической формы. Все подобные неясности оставались законом жанра вплоть до конца язычества.

Прорицания дельфийского оракула претерпели множество трансформаций и интерпретировались по-разному: чтобы оправдать ту или иную политику, победу, поражение, распространяли подделанные задним числом предсказания. Как подчеркивает Мари Делькур, «большинство прорицаний, имеющих отношение к военным действиям, были выдуманы задним числом людьми, нуждавшимися в отговорке, алиби, дополнительном престиже, поручительстве»³³. Из назидательных историй, демонстрирующих высокую нравственность прорицаний, без сомнения составлялись апокрифические собрания, распространявшиеся среди греков. Иногда, чтобы поддержать ту или иную политику, подкупали саму Пифию. Более всего на нее влияли именитые граждане Дельф, подправлявшие предсказания в соответствии со своими симпатиями, так что жрица в зависимости от обстоятельств «беотийствовала или аттицийствовала»³⁴. Но коль скоро пророчество, несмотря ни на что, оставалось непререкаемым почти десять веков, значит, оно соответствовало определенной потребности, давая человеческим деяниям божественную гарантию...

Наконец, с богами часто общались посредством приношений, совершаемых в благодарность за милость или в надежде на нее. Вот почему греческие храмы были полны роскошных, иногда самых причудливых предметов. Один

из персонажей Эпихарма, войдя в Дельфийский храм, обнаруживает там

**лиры, треножки, колесницы,
медные столики, миски, тазы,
бронзовые котлы, кратеры, фибулы 35,**

короче говоря, целый ворох вещей, лежащих грудой перед статуей божества, что приводит его в изумление. Можно было также — и это не единичные факты — возводить сокровищницы, т.е. небольшие храмы, где помещались одна или несколько статуй из драгоценных материалов или иные ценности. Больше всего сокровищниц строилось в знаменитых святилищах Дельф и Олимпии.

Но приношения могли быть и более удивительными: памятники часто возводились ради того, чтобы увековечить победу в войне или на состязаниях. Тем самым они становились не только религиозными, но и пропагандистскими сооружениями, возведенными во славу того или иного полиса, а иногда и с целью подразнить соперничающие государства. Впрочем, сокровищницы были не единственными орудиями пропаганды: свои изображения в святилищах могли выставить полководцы или высокопоставленные лица... Более всего известен случай Лисандра, который, победив афинян при Эгоспотамах 36 в 405 г. до н.э., даровал Дельфам свою статую. Победители посвящали богам орудия или знаки своей победы: колесницы, треножки, амфоры, золотые венцы.

Полные статуй, картин, драгоценностей святилища весьма напоминали музеи... Проблема только в том, чтобы выяснить, имела ли публика постоянный доступ к этим сокровищам, что весьма сомнительно, особенно для классической эпохи. Все зависело от того, куда они были помещены. Скажем, сокровищницы большую часть времени были закрыты для посещения во избежание вандализма:

двери в них были расположены очень высоко и чаще всего закрыты, окон не было... Таким образом, греки имели возможность видеть драгоценные статуи только в дни больших торжеств, когда двери открывались, да и то издали. Можно, впрочем, предполагать, что некоторые храмы, в особенности храмы оракулов, были более доступны. Именно благодаря этому Геродот смог увидеть в Дельфах и описать в своей «Истории» роскошные дары Креза. Он явно видел их вблизи, поскольку комментирует надписи на них 37. Мало-помалу возобладало стремление превратить! сокровищницы в музеи; в стенах были прорублены окна для лучшего освещения. Первым зданием, спроектированным таким образом, явился Парфенон, а затем Эрехтейон, Пинакотека и храм афинян в Делосе³⁸.

Культовое пространство, место убежища, орудие пропаганды, музей — функции святилища отличались многообразием. Но имелся и еще один аспект, не менее удивительный для нас: то было место, где добывали информацию. В самом деле, в святилищах было множество надписей, от счетов самого храма до священных уложений и важных законодательных текстов, и наиболее крупные из них являлись тем самым «местом, где по преимуществу писались политические тексты»³⁹. Законы высекались не в целле и не в адитоне, тех частях храма, куда посторонним вход был закрыт, но на виду, на стенах храма, или даже вне его, хотя и в святилище. Невольно задаешься вопросом, как паломники ухитрялись не заплутаться среди обилия выставленных повсюду надписей. До некоторых, правда, добраться было невозможно; например, счета, расположенные под самой крышей, едва ли удалось бы разобрать: имелось ли в виду, что они касаются исключительно отношений между богами и управителями храма? Напротив, политические тексты — что принципиально важно — были выставлены на самых видных местах: на стенах храма, в пронаосе⁴⁰, или снаружи, на территории святилища.

Театр

Представление греков о театре весьма отличалось от нашего: для них театральные представления были не побочным видом культурной деятельности, а важнейшим пространством коммуникации, существенным элементом жизни полиса. Там собирались все граждане, ставились на кон огромные суммы.

В классический период театральные постановки были сугубо афинским делом, в значительной степени связанным с жизнью этого полиса. Мы, однако, решили не включать обсуждение проблем театра в главу об Афинах, поскольку постановки очень быстро коснулись всех греческих полисов; кроме того, театральная деятельность, сосредоточенная вначале в Афинах, с начала эллинистической эпохи распространилась по всем эллинизированным городам.

Первые представления прошли в Афинах при Писистрате, около 534 г. до н.э. Речь не шла о произведениях, которые ежедневно играют в одном и том же театре: спектакли ставились по случаю больших празднеств — Леней⁴¹, Сельских Дионисий и особенно Великих Дионисий, о которых нам известно больше всего. Пьесу обычно играли один-единственный раз. Замечательно, что празднества, длившиеся три или четыре дня, устраивали и во времена испытаний и войн, в частности Пелопоннесской войны, поскольку они были важными событиями годового цикла; кроме того, их проводили зимой или ранней весной, когда все военные действия прекращались.

Эти проявления сложно сравнивать с тем, что происходит сегодня. Можно проводить лишь приблизительные параллели с крупными фестивалями во Франции и за ее пределами: театральным в Авиньоне, кинематографическим в Каннах, музыкальными в Экс-ан-Провансе и Зальцбурге и т.п. При этом различие проявляется очень четко,

поскольку греческий театр, при всем его высоком интеллектуальном уровне, обращался не к образованной элите, а ко всем гражданам. Более адекватное представление и о характере публики, и о масштабе происходившего могло бы дать сравнение со спортивными праздниками, например с Олимпийскими играми.

Оценить количество участников празднеств трудно. Платон — единственный источник сведений на этот счет — говорит о более чем тридцати тысячах⁴² зрителей в театре Диониса в Афинах⁴³, но такая цифра кажется завышенной, если принять во внимание размеры здания. Представляется вероятным, что там насчитывалось около семнадцати тысяч мест, но лишь некоторые были закреплены за определенными лицами и пронумерованы, так что древние тексты свидетельствуют о побоищах из-за мест.

Приходившая в театр толпа не относилась ни к какой определенной социопрофессиональной группе: то были люди разного происхождения. Цена — два обола⁴⁴ — была весьма сходной. Перикл даже учредил особый фонд, теорикон, из которого государство оплачивало места самым обездоленным⁴⁵.

Положим, социопрофессиональные группы различались, но кто же все-таки присутствовал на театральных представлениях? Разумеется, все граждане мужского пола; допускалось, несомненно, и присутствие женщин и детей, о котором ученые ведут жаркие споры. Метеки также могли присутствовать на представлениях при условии уплаты денег за место. Что касается рабов, они имели такую возможность только в том случае, если с ними был благоклонный хозяин. Помимо граждан, метеков и некоторого количества женщин и рабов на празднествах, прежде всего на Великих Дионисиях, присутствовали зрители из других полисов, привлеченные этими прославленными зрелищами.

Чем объяснить такую тягу к пьесам, которые, судя по тем, что дошли до нас, были в общем и целом весьма и весьма интеллектуальными? Как объяснить, что столь разношерстная публика могла четыре дня кряду присутствовать на представлениях? Что такого особенного было в Великих Дионисиях, что публика была готова с восхода до заката подряд смотреть три трагедии плюс сатировскую драму 46 или же пять комедий?..

Прежде всего нужно представить себе, что греческие празднества были не просто театральными представлениями. Их ждали, к ним готовились заранее.

Это были религиозные действия: они были частью обрядов, отправлявшихся в течение всего года в честь разных богов, в данном случае Диониса. Религиозный аспект не отражался на всей совокупности театральных празднеств; сами пьесы не имели ничего общего со средневековыми мистериями. Но контекст — подготовка к собственно представлениям — был религиозным. Его легче всего понять на примере лучше всего известных Великих Дионисий. Перед празднеством статую Диониса, обычно находившуюся внутри театральной ограды, переносили в небольшой храм за чертой города. Потом ее в свете факелов торжественно возвращали в театр, что символизировало вхождение в Афины бога и его культа. То же празднество открывалось шествием с песнями и сатировскими танцами; там можно было видеть девушек с корзинами, полными подношений; участники процессии несли огромные фаллосы, символизировавшие оплодотворяющие дары Диониса; непосредственно перед самими пьесами проводились жертвоприношение свиньи или возлияния.

Театральные представления являлись не только религиозными, но и гражданскими праздниками. Во время их проведения замирала торговля, закрывались суды, короче говоря, вся деятельность полиса сосредоточивалась в теат-

ре, и зрелище могли посетить все. Перед спектаклем провозглашали здравицы гражданам и иностранцам, оказавшим услуги полису. Сыновья тех, кто пал за Афины, красовались вооружением, данным им государством, а затем занимали в театре предназначенные им почетные места.

Кроме того, посредством Великих Дионисий Афины демонстрировали прочим полисам свое могущество: перед собственно театральными представлениями каждый зависимый от Афин полис должен был вынести прямо на сцену наложенную на него дань. Дань исчислялась в талантах (один талант серебра весил приблизительно двадцать шесть килограммов), которые, видимо, носили в сосудах. Представим себе сменяющих друг друга «носителей талантов» — всего около ста человек.

Отчасти популярность полисного праздника объясняется тем, что это был не только ритуал. Активное участие требовалось от всех граждан. Театральные представления проходили в форме состязания, где судьи, отобранные из числа простых граждан, должны были определить лучшие пьесы. Таким образом, авторы оспаривали пальму первенства на глазах публики, и во время представления все нетерпеливо ожидали окончательного вердикта. Напряжение усиливала сама процедура назначения судей: имена отобранных — мы не знаем, каким именно образом, — среди членов десяти фил помещали в урны, по одной на каждую филу. Урны устанавливали в сокровищнице Акрополя, и никто под страхом смерти не мог к ним прикоснуться. Судьи определялись в момент представления: из каждой урны вытаскивали по одному имени, т.е. всего десять. Когда все пьесы были сыграны, каждый судья писал свой выбор на табличке.

Полис ставили в известность обо всех приготовлениях: за день-другой до начала празднеств проводилась официальная церемония, проагон, на которой детально распи-

сывалась предстоящая программа. Публику собирали в Одеоне⁴⁷, близ театра Диониса. Поэты приходили с актерами и хористами, не надевавшими ни масок, ни сценических костюмов, и можно предполагать, что они приводили заглавия своих пьес, излагали их краткое содержание и называли имена исполнителей. Проагон, таким образом, соответствовал нашим театральным афишам или рекламным роликам кинофильмов.

После церемонии закрытия проводилось еще одно мероприятие, демонстрирующее, что в празднествах принимала участие вся гражданская община: все зрители собирались в театре, но уже на внеочередное Народное собрание (эκκλeσιu), рассматривавшее, как прошло празднество. Там обсуждали организаторскую деятельность архонта, которого могли похвалить, а могли и поругать, заслушивали жалобы на плохую организацию или даже на применение насилия в ходе состязаний.

Греческий театр был поистине общественным институтом, к участию в котором привлекался полис, сам становившийся театром. На подмостки могли выйти только мужчины: женщины, не имевшие политических прав и бывшие до некоторой степени чуждыми жизни полиса, к игре на сцене не допускались. Все роли, как мужские, так и женские, исполняли мужчины.

Каким же образом полис мог выйти на сцену? Возьмем две основные театральные формы — трагедию и комедию. Первая черпает сюжеты в легендарной традиции и древних мифах. Но в то же время, как показали Ж.-П. Вернан и П. Видаль-Наке, она перерабатывает мифы и обращается с ними чрезвычайно вольно: «Она сопоставляет героические доблести и древние религиозные представления с современным образом мысли, знаменующим пришествие в полис права»⁴⁸. Так, Орест в трилогии Эсхила, посвященной Атридам, убивает свою мать Клитемнестру и ее любов-

ника за то, что они убили его отца Агамемнона по возвращении из Трои. По древнему праву, которое придерживалось исключительно фактов, он заслуживает смерти, потому что убил, и притом собственную мать. Но древнему праву в трилогии противостоит суд Афины, в контексте полисных институтов соответствующий Ареопагу, суду, которому подлежали кровавые преступления, реформированному непосредственно перед написанием «Орестей». Этот суд после долгих прений оправдывает Ореста, поскольку принимает во внимание уже не просто факты, а обстоятельства убийства. Тем самым на общедоступную сцену выводился настоящий спор о самой сути общественных институтов. Нельзя анализировать по такой схеме всю совокупность трагических пьес, но все они через посредство мифа выводят на сцену полис, его ценности, его политические предпочтения, а зачастую, в последней трети V в. до н.э., и подтачивающую его войну.

То же относится и к комедии. Она черпает сюжеты не в легендарной традиции, но по большей части в современной политической жизни. Почти всегда критическая, она затрагивает функционирование демократии, политические нравы, афинскую имперскую политику, государственных деятелей вроде Перикла или Клеона. В ней популярных людей критикуют, иногда даже осмеивают.

Все парадоксальным образом происходит так, как если бы полис и в трагедии, и в комедии в заранее определенные дни подвергал себя расследованию, словно бы критика была необходима для правильного функционирования демократии. «Она напоминает прежде всего власть имущим, что источником всякой власти в Афинах является афинский народ, что там нет власти по рождению или государственных интересов»⁴⁹.

Как же реагировала на представление столь разношерстная публика? Древние тексты не изображают ее совер-

шенно спокойной: тишину тогда, как и в наши дни, не соблюдали. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что еще в XVIII в. между комедиантами и зрителями не было строгой грани. Только к концу XIX в. от коллективного просмотра перешли к соположению множества индивидуальных, когда каждый одинок перед зрелищем, тишина обязательна, а аплодисменты и даже шиканье отнесены на конец⁵⁰. В любом случае следует отдавать себе отчет в том, что в Греции представления были очень долгими, — от зари до захода солнца, — пьесы игрались на открытом воздухе, и не было контраста между освещенной сценой и затемненным залом, придающего современным спектаклям определенную торжественность.

Ввиду продолжительности представлений публика должна была подкреплять свои силы. Некоторые возвращались поесть домой, и от этого в театре должно было наблюдаться постоянное хождение взад и вперед; другие принесли питье и провизию с собой и не стеснялись шумно поглощать пищу, если пьеса им не нравилась⁵¹.

Реакция на собственно спектакль также могла быть достаточно бурной: аудитория без зазрения совести свистела и аплодировала⁵². Так, один из авторов, правда, поздний, рассказывает, как однажды зрители, очевидно, находившиеся в плохом настроении, освистывали одновременно и актеров, и пьесы, которые те играли. Можно было иметь своих сторонников в зрительном зале: Филемон, соперник Менандра, уступавший последнему в таланте, но победивший в состязании, признавал, что получил награду благодаря поддержке толпы, «клаке»⁵³.

Несмотря на столь шумные проявления, частоту и длительность которых определить трудно, публика живо участвовала в зрелище и реагировала на него куда более непосредственно, чем в наши дни. Геродот, первый историк, заговоривший об эмоциональном воздействии театра,

повествует, что во время представления «Взятия Милета» Фриниха, зрители так рыдали, что пьеса была впредь запрещена⁵⁴: в тексте, от которого до нас дошло только название, рассказывалось о современном событии, завоевании персами Милета, греческого города в Малой Азии. Ксенофонт, со своей стороны, вкладывает в уста одного из персонажей «Пира» слова о том, что знаменитый актер Каллипид мог заставить толпу зрителей обливаться слезами⁵⁵. Что же касается анонимного позднего автора жизнеописания Эсхила, он рассказывает, что во время представления «Эвменид» зрители так перепугались при виде Эриний, богинь мщения, что дети падали в обморок, а у женщин случались выкидыши⁵⁶. Если последнее свидетельство и не следует понимать буквально, из него следует, что зрители в театре реагировали живо. В текстах в числе прочих встречаются два чувства, жалость (элеос) и страх (фобос), которые, согласно Аристотелю, характеризуют воздействие, производимое трагедией⁵⁷.

После упадка Афин — с IV в. до н.э. — театральная продукция не теряет своего значения. Однако если о комедиях еще можно составить представление благодаря сохранившимся пьесам Менандра, то трагедии были утрачены полностью. До нас дошли только названия произведений, имена авторов, иногда кое-какие отрывки. Именно поэтому часто высказывается ложная идея о том, что трагическое вдохновение иссякло...

Что меняется в IV в. до н.э., так это само восприятие зрелища. На предыдущих страницах подчеркивалось внимание, которое зрители уделяли тексту; начиная с эллинистической эпохи публику интересуют актеры. Некоторые из них, ставшие настоящими «звездами», отправляются в турне по всему греческому миру, получают огромные гонорары от принимающих их полисов и подношения от богатых меценатов. Зачастую актеры по своему разумению из-

меняют тексты пьес. С III в. до н.э. возникают актерские гильдии, техниты, пользовавшиеся необычайным авторитетом: их члены и имущество освобождались от налогов. Некоторые актеры были столь почитаемы и признаны как деятели международного масштаба, что им ставили памятники на площадях и даровали гражданство сразу многих полисов.

Само представление уже не имело прежнего значения: оно все более и более отодвигалось от публики, что проявилось и в одеянии актеров и в самой организации театрального пространства. Преображается актер: в одежде с накладными элементами, в котурнах на высоченной подошве, в масках с утрированными чертами он становится все дальше и дальше от аудитории. Сцену приподнимают на несколько метров, что еще более подчеркивает дистанцию между пьесой и зрителями.

Гимнасий

Зачем говорить о гимнасии в книге, посвященной коммуникации? Чтобы сказать, что там, как и на крупных современных стадионах, люди встречались друг с другом? Разумеется, встречались, но дело не только в этом. Гимнасию у греков была уготована совершенно особая судьба. Из места для спортивных упражнений, куда греки ежедневно отправлялись тренироваться, каким он был вначале, гимнасий превратился в интеллектуальный центр, ядро того, что можно было бы сравнить с нашими университетами. В частности, на основе крупных гимнасией основали собственные школы — соответственно Академию, Ликей, Краний, Киносарг — такие мыслители, как Платон, Аристотель, Диоген, Антисфен. Как могло произойти столь удивительное преобразование?

Отчасти оно стало возможным потому, что гимнастика в Греции была поистине системой обучения. В этом ее самобытность по сравнению со взглядами на физические упражнения в других странах древности, например в Египте. Иными словами, ее практиковали не в качестве тренировки к соревнованиям, но как повседневные упражнения, служащие в то же время для телесного развития. Все молодые люди ежедневно отправлялись в палестру или гимнасий. Тем самым становится понятнее, почему внутри последнего учреждения, уже бывшего местом обучения, распространилась другая форма образования, на этот раз интеллектуального, а первыми начали распространять свои идеи в гимнасиях софисты. Но рассмотрим сначала более традиционные функции этих заведений, где греки встречались и обменивались информацией.

Видимо, в гимнасии или палестре все были готовы обсуждать что угодно. Об этом, в частности, свидетельствует начало платоновского «Хармида». Сократ возвращается из Потидеи, идет «к привычным местам бесед», заходит в палестру Посейдона Таврия, где его приветствует множество народу и начинает выяснять:

«Сократ мой, так ты уцелел в битве?!» <...>

А я ему в ответ: «Как видишь, уцелел».

— Да ведь сюда дошли вести, — сказал он, — что битва была очень жестокой и в ней пали многие люди, которых мы знаем. <...>

— Садись же сюда, — сказал он, — и расскажи нам: ведь не обо всем мы точно осведомлены.

С этими словами он усадил меня подле Крития, сына Каллесхра. Сев рядом, я приветствовал Крития и остальных и стал рассказывать им о войске все, что каждого интересовало; вопросы же сыпались со всех сторон⁵⁸.

Поделившись новостями, Сократ в свою очередь начинает расспрашивать друзей о том, что произошло за время его отсутствия. «А когда мы вдоволь наговорились об этом, я в свою очередь стал расспрашивать их о здешних делах: о философии — в каком она сейчас состоянии, и о молодежи — есть ли среди них кто-либо, выдающийся своим разумом, красотой или тем и другим вместе»⁵⁹.

Гимнасий был не только местом обмена информацией, но и местом свиданий, разумеется, между мужчинами. В том же пассаже из «Хармида» Сократу сообщают о необычайно красивом юноше. Поскольку тот страдает головной болью, его подзывают к Сократу под предлогом того, что философ знает средство от мигрени. Вот как присутствующие встретили приход молодого человека:

Хармид подошел и вызвал громкий смех, ибо каждый из нас, сидящих, освобождая для него место, хорошенько потеснил своего соседа — чтобы оказаться сидящим рядом с ним, — пока мы не заставили встать одного из сидевших с края и не сбросили на землю другого. Хармид же, подойдя, сел между мной и Критием 60.

Начинается разговор — сначала о головной боли, потом на истинно философскую тему, о рассудительности.

Кроме того, с V в. до н.э. в гимнасии стали распространяться новые идеи. Специального места для этого предусмотрено не было, и софисты избрали для себя гимнасии во всех крупных городах, и прежде всего в Афинах, поскольку именно там собиралась городская молодежь, наиболее восприимчивая к их идеям. Первые контакты устанавливались в раздевалках. Не стоит, конечно, представлять себе раздевалки наших дней: немислимо, чтобы в современный гимнастический зал явился какой-нибудь чужак и начал проповедовать свои идеи и спорить о них с нахо-

дящимися в раздевалке. В Греции соответствующее помещение, аподитерий, было гораздо просторнее. Там, разумеется, одевались и раздевались, но также делали различные упражнения, расслаблялись после нагрузки, натирались оливковым маслом или скребли тело песком. Именно в такие минуты разрядки софисты и приобщали завсегдатаев гимнасиев к игре ума.

Привычка распространилась быстро. Сократ тоже начал распространять свое учение в гимнасиях, и ряд платоновских диалогов происходит именно там или в палестрах. Так, однажды Сократ, идя из Академии в Ликей, встречает по пути Гиппотала и Ктесиппа с группой молодых людей.

Гиппотал, увидев, что я подхожу, молвил:

- Сократ мой, откуда ты держишь путь и куда?
- Из Академии, — отвечал я, — а иду я в Ликей.
- Значит, — отозвался он, — ты идешь туда же, куда и мы.

Не присоединишься ли к нам? Это стоило бы сделать.

— Куда именно, — спросил я, — ты хочешь меня повести и к кому я должен присоединиться?

— Сюда, — отвечал он, указывая мне на расположенное напротив стены крытое помещение с открытой дверью. — Мы здесь проводим время — мы и многие другие прекрасные юноши.

— А что это за постройка и в чем состоит ваше времяпрепровождение здесь?

— Это, — отвечал он, — недавно выстроенная палестра. Проводим же мы время большей частью в беседах, к которым с радостью привлечем и тебя.

— И прекрасно сделаете, — отозвался я. — А кто здесь наставник?

— Твой приятель и поклонник, — отвечал он, — Микк.

— Клянусь Зевсом, — сказал я, — это муж не без достоинств и способный софист.

— Так не хочешь ли последовать за нами, — спросил Гиппотал, — и посмотреть, кто там собрался?

— Сначала я охотно услышал бы от тебя, для чего ты меня приглашаешь и кто среди собравшихся там выделяется своей красотой? 61

Таким вот образом в гимназиях постепенно налаживалось настоящее обучение. Платон основал в Академии свою школу философии в 887 г. до н.э. С тех пор, не прерывая писательской деятельности, он горячо отдался делу главы школы и наставника, готовя приезжавших к нему за обучением философии со всех концов греческого мира учеников прежде всего к управлению полисами. Позже Диоген, вопреки традиции вовсе не вешавший из бочки, обосновался в Крании, коринфском гимназии. Его наука пользовалась такой славой, что послушать приезжали даже цари. Хорошо известен, к примеру, рассказ о его беседе с Александром. Благодаря Диогену коринфский гимназий стал одним из важнейших центров кинической мысли.

Вначале связь между гимназией и обучением была случайной. Как мы видели, софисты и философы приходили туда потому, что это было удобное место, где собиралась та часть населения, к которой они обращались. Полис мало интересовался разворачивавшимися там беседами. Связь эта обрела значимость только с эллинистической эпохи: обучение в гимназиях мало-помалу институционализировалось и государство стало принимать участие в формировании программ и их финансировании. Дававшееся в гимназиях образование составляли как курсы, читавшиеся штатными преподавателями, так и лекции странствующих учителей. Первые вели *scholai*, уроки, продолжавшиеся в течение всего учебного года, вторые — *akroaseis*, буквально «то, что слушают», отдельные лекции на различные темы. Если изначально единственным преподаваемым предме-

том была философия, лекции постепенно диверсифицировались. Со временем расширился и контингент учащихся, который уже не ограничивался молодыми людьми, занимавшимися гимнастикой.

Вместе с назначением гимназия изменилась и его архитектура. Были спроектированы и открыты специальные учебные помещения; занятия перестали проходить в общей шумной зале и садах, где тренировались воины. В лекционных залах стояли стулья и столы, на которых находят граффити, вырезанные учениками. Параллельно гимназии, до того загородные учреждения, стали строиться внутри городских стен, куда постоянным слушателям было легче добираться.

Так гимназий мало-помалу стал в рамках полиса даже больше, чем университетом: он превратился в одно из главных мест собраний, культурный центр, куда стекалась публика.

РЕЧЬ И ПИСЬМО В ПОЛИСЕ

Теперь мы переходим к классической проблеме коммуникации — весомости речи и письма в полисе. Разумеется, дело не в том, чтобы разрешить здесь весьма спорный вопрос об их относительной важности в полисе, и даже не в том, чтобы занять какую-то позицию в этом споре: мы не станем задаваться вопросом, был ли греческий полис устной или письменной цивилизацией. То и другое сосуществует, и их функции зачастую могут пересекаться. Разве даже в наших обществах, где наблюдается возвращение «устной традиции», можно было бы с легкостью определить место и относительную важность речи и текста? Мы просто ставим следующие вопросы: какова роль речи в полисе? Каким было отношение греков к чтению и писанию, будь то книг или общественно-политических текстов?

ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС — ЦИВИЛИЗАЦИЯ БОЛТОВНИ?

Греческий полис в том виде, в каком он функционировал на агоре и в гимнасиях, может показаться цивилизацией болтовни. Уточним сразу же — болтовни по преимуществу мужской, что неудивительно в стране, где женщины жили затворницами в гинекее⁶². Если женская болтовня там и существовала, возможностей для распространения вовне у нее было немного.

Эту склонность критиковали сами древние. Геродот вкладывает в уста перса Кира следующие слова относительно греков:

Я не страшусь людей, у которых посреди города есть определенное место, куда собирается народ, обманывая друг друга и давая ложные клятвы. Если я останусь жив, то им [спартамцам] придется толковать не о делах ионян, а о своих собственных⁶³.

Тот же автор показывает, что у греков в те моменты, когда требовалось принять важное решение, часто созывались собрания, служившие местом бесполезных споров. Так, только «после многих речей»⁶⁴ его соотечественники решили остаться на берегах Эвбеи⁶⁵. Перед битвой при Саламине⁶⁶ «созвали сходку и опять много говорили о том же»⁶⁷. Затем греки не поверили правдивым словам Аристида, и «в совете опять начались споры»⁶⁸.

Плутарх повествует, на сей раз без осуждения, что Перикл целый день обсуждал юридическую проблему:

Так, когда какой-то пентатл⁶⁹ нечаянно брошенным дротом убил Эпитима из Фарсала, Перикл... потратил целый день, рассуждая с Протагором о том, кого, по существу, следует считать виновником этого несчастного случая, — дрот, или бросавшего, или распорядителей состязания⁷⁰.

Несмотря на эти эксцессы, речь в полисе чрезвычайно важна. Прежде всего, она устанавливает в обществе социальную связь, закрытую для исключенных из числа граждан и маргиналов. Согласно Демосфену, никто не перебрасывается словом с Аристокитом, обвинителем, открывающим рот только для того, чтобы доносить. Он *

...изверг... чума, человек, об избавлении от которого скорее будут молить, нежели захотят приветствовать его при встрече⁷¹.

Точно так же, когда некто официально исключен из общества, кому бы то ни было запрещается с ним разговаривать. Эдип, разыскивающий убийцу бывшего царя Фив Лая, возвещает об этом:

**Приказываю, кто бы ни был он,
Убийца тот, в стране, где я у власти,
Под кров свой не вводите его и с ним
Не говорить. К молениям и жертвам
Не допускать его, ни к омовеньям...⁷²**

В Коринфе Периандр приказывает объявить ко всеобщему сведению о своем сыне Ликофроне,

...что всякий, кто примет [в дом] его сына или будет говорить с ним, должен уплатить священную пению (определенную сумму денег) в святилище Аполлона⁷³.

Не менее важна речь для передачи новостей. Она есть необходимое дополнение общедоступных надписей, которые, как мы увидим, распространяют только один вид

* Автор ошибается. в приводимом ниже отрывке речь идет не о самом Аристоките, а о его брате. — Прим. пер.

информации — официальные сообщения, тогда как все прочее по необходимости передается из уст в уста.

Наконец, как мы уже упоминали, речь играет важную роль в тех полисах, которые, подобно Афинам, уделяли много внимания публичным дебатам. Отсюда в первой трети V в. до н.э. возникла новая техника коммуникации — риторика. В течение того же века ее в различных греческих полисах представляли в основном софисты.

Расцвет риторики; первые софисты

Риторика есть одновременно практика и размышление о языке: она родилась в тот момент, когда люди начали задавать себе вопросы о технике беседы, о том, какие средства можно применять для убеждения. Разумеется, герои Гомера говорили, и говорили хорошо, добиваясь одобрения слушателей, но речь им представлялась даром богов, ее весомость зачастую зависела от авторитета высказывавшегося. Только в начале V в. до н.э. наметился продуманный метод ведения беседы. Это понимали уже древние авторы: так, Цицерон писал, что до первых риториков

...ни у кого не было разумной методы разговора, что, впрочем, не мешало большинству людей говорить тщательно и ясно⁷⁴.

Согласно тому же автору, риторика зародилась на Сицилии около 465 г. до н.э. в рамках новой правовой ситуации: двое тиранов, Гелон и Гиерон, обобрали и ограбили часть населения, и после их свержения были образованы специальные суды, призванные помочь гражданам вернуть свое добро. Поскольку адвокатов не существовало, заинтересованным лицам приходилось самим представлять свои

интересы. Именно в этом контексте началось настоящее обучение публичной речи.

Но кто наладил обучение? Источники на сей счет расходятся, и только в поздних текстах проявляется подозрительное единодушие. Платон говорит о некоем Тисии, Цицерон, цитируя текст Аристотеля, — к сожалению, утраченный, — о Кораке и о Тисии⁷⁵. Но опирался ли он на пассаж из Аристотеля? Наконец, более поздние комментаторы утверждают, что Корак обучал искусству речи, а его ученик Тисий написал соответствующий трактат. Возможно, конечно, все это лишь басня, с течением времени обросшая подробностями. По Аристотелю, именно тогда была отточена аргументация, основанная на вероятности:

Обвиняемого признают невиновным, или если он не виновен в возводимом на него обвинении, например слабосильного в изнесении побоев, ибо это невероятно, или если он виновен, например человека сильного, ибо это невероятно, поскольку должно было бы казаться вероятным⁷⁶.

Даже при том, что изложенный принцип в общем-то элементарен, он закладывает основы умозаключений, опирающихся на вероятность, которые определяют обычное поведение людей.

Таким образом, риторика изначально представляла собой как практику обучения, так и кодификацию предписаний. С середины V в. до н.э. она распространяется практически по всей Греции. Ее ярчайшими представителями были софисты, среди которых наибольшую известность получили Протагор из Абдеры, Гиппий из Элиды, Горгий из Леонтины и Продик с Кеоса.

Все они были странствующими учителями и путешествовали из города в город, распространяя свое знание,

так что по самому образу жизни были деятелями коммуникации.

Они были популярны и всячески добивались этого. Не довольствуясь чтением тех или иных курсов, они всеми средствами пытались собрать как можно больше слушателей. Они читали публичные лекции на самые разнообразные сюжеты перед смешанной аудиторией, о чем мы можем составить представление по кратким изложениям или подражаниям, которые донесли до нас Платон, Аристотель или Ксенофонт. Гиппий, например, рассказывает Сократу:

...недавно я там [в Лакедемон] имел успех, когда разбирал вопрос о прекрасных занятиях, которым должен предаваться молодой человек. У меня, надо сказать, есть превосходно составленная речь об этом; она хороша во всех отношениях, особенно своим способом выражения. Вступление и начало моей речи такое: «Когда взята была Троя, — говорится в речи, — Неоптолем спросил Нестора, какие занятия приносят юноше наилучшую славу». После этого говорит Нестор и излагает ему великое мнужество прекраснейших правил⁷⁷.

Софисты давали также сеансы импровизации, состоявшие в основном из пространных рассуждений в ответ на задававшиеся слушателями вопросы. Так Гиппий в одном из диалогов Платона, носящем его имя, заявляет:

Прибывая всякий раз с родины, из Элиды, в Олимпию на всенародное празднество эллинов, я предоставлял себя в храме в распоряжение всякого, желающего послушать заготовленные мною образцы доказательств, и отвечал любому на его вопросы...⁷⁸

В «Протагоре» мы видим как Гиппий, сидящий на троне и возвышающийся над своими учениками, с блеском

отвечает на самые разные вопросы по физике и астрономии⁷⁹. Точно так же Горгий в ответ на вопрос Херефонта демонстрирует свое мастерство в искусстве импровизации:

— Скажи мне, Горгий, правильно говорит Калликл, что ты обещаешь ответить на любой вопрос?

— Правильно, Херефонт; как раз это я только что и обещал, и я утверждаю, что ни разу за много лет никто не задавал мне вопроса, который бы меня озадачил⁸⁰.

Софист, по просьбе слушателей, мог выдавать импровизации разной продолжительности. Вот почему Сократ говорит Протагору:

Я слышал... что ты и сам умеешь, и другого можешь научить говорить об одном и том же по желанию либо так длинно, что речи твоей нет конца, либо так коротко, что никто не превзойдет тебя в краткости⁸¹.

Блестящие импровизации должны были отчасти состоять из уже подготовленных и выученных наизусть кусков; заранее нельзя было отрепетировать только ответы на вопросы аудитории. Софисты положили также начало эристическим⁸² диспутам вроде тех, что можно видеть в платоновском «Эвтидеме»: оратор просит кого-то из аудитории сделать какое-либо утверждение, которое затем пытается опровергнуть — как правило, с успехом. То были настоящие ораторские турниры.

Софисты обращались к самой разношерстной публике — совещаниям должностных лиц и интеллектуалов, полисным собраниям, толпам, сошедшимся со всей Греции на празднества в Олимпию... Им часто приходилось по многу раз произносить одно и то же перед разными аудиториями. Так, в «Горгии», софист готов начать сначала свою

речь ради только что подошедшего Сократа⁸⁴. Гиппий в другом диалоге Платона с наслаждением вспоминает речь, которую произнес в Лакедемоне и вновь собирается произнести в Афинах:

С этой речью я выступил в Лакедемоне, да и здесь предполагаю выступить послезавтра в школе Фидострата, равно как и со многими другими речами, которые стоит послушать⁸⁴.

Не было ли это первым опытом массовой коммуникации, не единовременной, достижимой сегодня при помощи телевидения, но растянутой по времени? Разумеется, аэды задолго до софистов исполняли в разных местах героические сказания, но рассказывали истории, которые все знали, тогда как странствующие учителя привносили новое знание или полностью перерабатывали старое.

Софисты, однако же, прекрасно умели в случае необходимости приспособиться к аудитории. Так, в Спарте невозможно было заинтересовать лакедемонян обычными лекциями по геометрии, арифметике, языку. На вопрос Сократа, отказывающегося гадать, что могло бы затронуть чувства этого народа, Гиппий отвечает:

О родословной героев и людей, Сократ, о заселении колоний, о том, как в старину основывались города, — одним словом, они с особым удовольствием слушают все рассказы о далеком прошлом, так что из-за них я и сам вынужден был очень тщательно все это изучить⁸⁵.

Успех софистов был огромным: Горгий, предтеча «литературной» прозы, собирал толпы, подпадавшие под влияние его красноречия. Отправленный леонтинцами в 427 г. до н.э. с посольством в Афины, он покориł участников

Народного собрания⁸⁶. Выступал он не только в этом полисе, но и в местах, где, как в Олимпии, собиралась вся Греция. Прибытие софистов всякий раз вызывало воодушевление. Начало платоновского «Протагора» шутивно изображает возбуждение молодого человека при мысли о том, что он увидит великого Протагора во плоти и крови. Кроме того, они умели окружить себя поклонниками, изображавшими клаку в тех местах, где они выступали. Даже в таком полисе, как Спарта, где красивые речи не пользовались популярностью, Гиппия, как мы видели, восхваляли и приветствовали.

Софисты также вели обучение, за которое запрашивали немалую цену. Опять-таки Гиппий рассказывает Сократу о своих материальных достижениях:

Если бы ты знал, сколько денег зарабатывал я, ты бы изумился! Не говоря об остальном, когда я однажды прибыл на Сицилию в то время как там находился Протагор, человек прославленный и старше меня по возрасту, я все-таки, будучи много его моложе, в короткое время заработал гораздо больше ста пятидесяти мин, да притом в одном только совсем маленьком местечке, Инике, больше двадцати мин⁸⁷.

Теперь самое время спросить себя, чему же именно обучали софисты. Этим вопросом задавались уже древние, поскольку Платон в ряде своих произведений ставит его перед мыслителями, в частности перед Горгием:

— ...Объясни, что ты имеешь в виду говоря о величайшем для людей благе и называя себя его создателем.

— То, что поистине составляет величайшее благо и дает людям как свободу, так равно и власть над другими людьми, каждому в своем городе.

— Что же это наконец?

— Способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в Народном собрании, да и во всяком ином собрании граждан. Владея такою силой, ты и врача будешь держать в рабстве, и учителя гимнастики, а что до нашего дельца, окажется, что он не для себя наживает деньги, а для другого — для тебя, владеющего словом и умением убеждать толпу 88.

Таким образом, Горгий обучает своих учеников искусству убеждения и представляет это искусство оружием; древние часто сравнивали риторику с оружием, а ее применение с битвой. Это очень заметно в ораторских поединках, где один из соперников буквально подавляет другого. Скажем, в «Эвтидеме» юный Клиний, которого забрасывают вопросами софисты Эвтидем и Дионисодор, отвечает односложно, а потом и вовсе замолкает⁸⁹. Итак, в конце концов противник уничтожен. Можно ли при этом говорить о коммуникации?

И в самом деле, здесь заключен один из пороков, в которых могла погрязнуть софистика, однако мастера своего дела умело избегали этих подводных камней. Горгий, если верить Платону, считал, что риторика содержит в самой себе собственное ограничение:

Оратор способен выступать против любого противника и по любому поводу так, что убедит толпу скорее всякого другого. Короче говоря, он достигнет всего, чего ни пожелает. Но вовсе не следует по этой причине отнимать славу ни у врача (хотя оратор и мог бы это сделать), ни у остальных знатоков своего дела. Нет, и красноречием надлежит пользоваться по справедливости, так же как искусством состязания. Если же кто-нибудь, став оратором, затем злоупотребит своим искусством и своей силой, то не учителя надо преследовать ненавистью и изгонять из города: ведь он передал свое умение другому для справедливого пользования, а тот употребил его с обратным умыслом. Ста-

ло быть, и ненависти, и изгнания, и казни по справедливости заслуживает злоумышленник, а не его учитель 90.

Софисты были не просто блистательными ораторами и прекрасными учителями, озабоченными исключительно собственным имиджем и деньгами. Их успех, зависть, которую они возбуждали, затенили, как для современников, так и для потомков, другие стороны их личности. Горгий, скажем, был теоретиком языка. Мы остановимся здесь только на тексте Протагора, который в носящем его имя платоновском диалоге рисует настоящую теорию коммуникации. Он излагает через миф идею о том, что добродетели можно обучиться: Прометею и Эпиметею было поручено распределить между живыми существами все достоинства и умения — скорость, силу, способность постоять за себя и защищаться от холода... Но Эпиметей, который хотел лично произвести распределение, забыл о человеке, и тот оказался голым, без одежды и оружия. Прометей нашел выход: похитить «мастерство Гефеста и Афины», а также огонь. Этого, однако, оказалось недостаточно:

С тех пор как человек стал причастен божественному уделу, только он один из всех живых существ благодаря своему родству с богом начал признавать богов и принялся воздвигать им алтари и кумиры; затем, вскоре, стал членораздельно говорить и искусно давать всему названия, а также изобрел жилища, одежду, обувь, постели и добыл пропитание из почвы. Устроившись таким образом, люди жили разбросанно, городов еще не было, они погибали от зверей, как как были во всем их слабее, и одного мастерства обработки, хоть оно и хорошо помогало им в добычании пищи, было мало для борьбы со зверями: ведь люди еще не обладали искусством жить обществом, часть которого составляет военное дело. И вот они стали стремиться жить вместе и строить города для своей безопасности. Но чуть они собирались вмес-

те, как сейчас же начинали обижать друг друга, потому что не было у них умения жить сообща; и снова приходилось им расселяться и гибнуть⁹¹.

Итак, люди обрели способность общаться между собой посредством языка, общаться с богами. Но без «искусства жить обществом» всякая попытка объединиться тщетна, идет постоянная война. Каких же качеств не хватает людям? «Стыда и правды», которые посылает им Зевс, «чтобы они служили украшением городов и дружественной связью».

Итак, простой коммуникации посредством речи недостаточно. Простого собрания людей тем более недостаточно для возникновения настоящего сообщества. Нужны социальные связи, основанные на этике, которые только и позволяют людям жить вместе, не убивая друг друга. И это «искусство жить обществом» есть то самое искусство, которое собирались преподавать софисты.

Станем теперь на точку зрения не интеллектуала, а обычного гражданина. Мы видели, что он, разинув рот, слушал блестящие выступления софистов, что он ходил в театр... Были ли у него другие способы приобщиться к тому, что сегодня называют «культурой», или просто-напросто получить информацию? В частности, владел ли он искусством чтения?

Чтение, письмо, распространение книги

Разумеется, алфавит предназначался для всеобщего пользования... Но умел ли средний грек читать и писать? Вопрос очень спорный: некоторые знатоки полагают, что в V в. до н.э. греки были в основном неграмотными. Впрочем, этой гипотезе противоречит множество доводов, позволяющих предполагать, что большинство граждан по крайней мере «знало грамоте», было в состоянии разобрать простое сообщение.

Во-первых, наличие школ, и притом с первых лет V в. до н.э. Любопытно, что для этого периода тексты упоминают учебные заведения только при сообщении о катастрофах. Именно в этом контексте Геродот говорит, что на Хиосе в 492 г. до н.э. обрушилась крыша школы, убив сто девятнадцать детей⁹². Фукидид⁹³ и Павсаний упоминают, как школы обрушиваются или как в них убивают учеников. Так, согласно Павсанию, один кулачный боец, сошедший с ума после того, как его лишили награды в Олимпии, опрокинул столб, поддерживавший крышу школы, от чего погибло шестьдесят находившихся там детей⁹⁴. Кроме того, школьные сцены часто изображают на аттической керамике. Таким образом, археология и литературные тексты предоставляют бесспорные свидетельства существования специализированных заведений для обучения детей по крайней мере с начала V в. до н.э.

А потом, когда посылают детей к учителям, велят учителю гораздо больше заботиться о благонравии детей, чем о грамоте и игре на кифаре. Учители об этом и заботятся; когда дети усвоили буквы и могут понимать написанное, как до той поры понимали с голоса, они ставят перед ними творения хороших поэтов, чтобы те их читали, и заставляют детей заучивать их — а там много наставлений и поучительных рассказов, содержащих похвалы и прославления древних доблестных мужей, — и ребенок, соревнуясь, подражает этим мужам и стремится на них походить⁹⁵.

Из данного текста видно, что нравственное воспитание представлялось более важным, чем приобретение знаний. Качество обучения разнилось, поскольку общественной системы образования не существовало. Школы открывали частные лица, иногда какой-нибудь *grammatistes*, учитель, который по возможности нанимал других преподавателей, помогавших ему в работе. Понятно, трудно сказать, что в этом образовании было необязательным,

предназначенным только свободным⁹⁶. Множество литературных свидетельств демонстрирует, что каждый гражданин мог по меньшей мере разобрать письменный текст. Во «Всадниках» Аристофана один мясник так отзывается об уровне своего образования:

Голубчик, да ведь я же малограмотен.

Читать умею, да и то едва-сдва⁹⁷.

Персонаж — утверждающий, что научился только драться и сквернословить, а потом продавать колбасы, — несмотря ни на что читает, и без видимых затруднений, текст оракула⁹⁸. По этому человеку весьма невысокой культуры можно судить о среднем уровне грека — или во всяком случае афинянина — в V в. до н.э. У того же автора в прологе к «Облакам» Стрепсиад, которого не берет сон, велит рабу принести расходную книгу:

Эй, мальчик, огонек подай!

И книгу принеси мне! Перечеть хочю,

Кому и сколько должен, сосчитать лихву⁹⁹.

Мы имеем дело с весьма обычным персонажем: коль скоро подобная сцена помещена в начало комедии, подведение счетов было привычной практикой. Чем дальше, тем больше на протяжении V в. до н.э. литературные тексты упоминают об использовании письменности в повседневной жизни: так, в «Ипполите» Еврипида Федра оповещает Тезея о своем самоубийстве письмом, написанным на табличке, которую она, умирая, сжимает в руке¹⁰⁰.

Кроме того, минимального уровня образования настоятельно требовала политическая жизнь. Тогда как во многих как древних, так и современных государствах административные обязанности берет на себя специали-

рованная бюрократия, в Греции, по крайней мере в демократических полисах, взять на себя этот труд мог каждый гражданин, избранный на ограниченный срок. Именно таким образом формировались многие советы и коллегии, создававшиеся для принятия бюджета, одобрения тех или иных предложений, наблюдения за строительством всякого рода сооружений, обновления списка фил, триттий и домов¹⁰¹, а также «призванных» в войско и т.п. В случае с Афинами в поддержку идеи о том, что простой народ умел читать и писать, часто приводят практику остракизма, когда гражданина можно было изгнать, написать его имя на подручном материале, для чего, понятно, нужно было знать грамоту.

Даже когда гражданин не был избран и не участвовал в Народном собрании, он постоянно должен был читать законы, объявления, списки призванных и т.п. Аристофан, конечно, описывает афинян, подобно птицам кидającychся каждое утро, едва воспрянув ото сна, на судебные дела и законы¹⁰².

Наконец, свидетельство Демосфена показывает, что во всяком случае в IV в. до н.э. грамотность была распространена. Речь идет о судебном деле, в котором ответчик должен представить список претендентов на наследство. Он отказывается от мысли представить его в письменной форме по следующей причине:

Сперва у меня, граждане судьи, было намерение составить список всех родственников Гагния так, чтобы показать вам каждому в отдельности. Но полагая, что не всем судьям будет одинаково хорошо виден текст и сидящие далеко лишатся этой возможности, я предпочитаю сообщить вам об этом на словах: ведь это будет всем доступно¹⁰³.

Причина, по которой родословная не предъявлена в письменном виде, состоит не в неграмотности судей, а в

том, хуже или лучше был бы им виден текст... В самом деле, нужно представить себе огромную залу, где находится множество граждан.

Имеются и другие свидетельства, удостоверяющие минимальный уровень образования. Литература изобилует сообщениями о письменных посланиях, особенно много их упоминает Геродот.

Фемистокл, например, во время мидийских войн, желая побудить ионян, присоединившихся к персидскому войску, перейти на сторону греков, приказал вырезать на камнях там, где имелаась питьевая вода, довольно длинные надписи, начинавшиеся следующими словами:

Ионяне! Вы поступаете несправедливо, идя войной на своих предков и помогая поработить Элладу. Переходите скорей на нашу сторону! Если же это невозможно, то по крайней мере хотя сами не сражайтесь против нас и упрсите карийцев поступить так же 104.

Стратегема Фемистокла едва ли имела бы смысл в рамках цивилизации, в которой чтение не было бы постоянным занятием. Существование множества частных посланий подтверждает археология. На афинской агоре были обнаружены вырезанные на камне и других материалах надписи, касающиеся самых обычных повседневных дел.

Таким образом, можно заключить, что греки в целом умели читать и писать. Это огромное достижение для древней цивилизации, если вспомнить, что и сейчас еще в мире насчитывается большой процент неграмотных. В Греции неграмотные, чему есть более поздние свидетельства, становились мишенью для насмешек. Плутарх рассказывает о крестьянине, который в день голосования об изгнании Аристида попросил соседа написать за него на черепке имя этого деятеля; сосед же оказался тем самым Аристидом 105.

Отрывок из утерянной комедии рисует некоего персонажа, с трудом разбирающего имя Тезея на корабле, с грехом пополам описывая каждую букву¹⁰⁶. Чтобы такая сцена стала возможной, нужно, чтобы публика ее поняла, т.е. чтобы она хотя бы знала на память форму описанных таким образом букв. Приведенными примерами упоминания неграмотных в греческой литературе практически исчерпываются.

Каким был уровень грамотности среди женщин? Школы, которые мы упоминали, были предназначены исключительно для мужчин, и если женщины чему-то и учились, то только у себя дома. Кроме того, они не обладали гражданскими правами, а значит, у них отсутствовала необходимость использовать в повседневной жизни чтение и письмо. Изображение женщин в греческой литературе напоминает женские персонажи комедий Мольера. По крайней мере некоторые умели читать и писать: будущая жена Исхомаха в «Экономике» Ксенофонта¹⁰⁷ к моменту выхода замуж могла во всяком случае прочесть список кухонной утвари. Тем не менее до пятнадцати лет она воспитывалась почти в полном невежестве...

Феофраст вне всякого сомнения выражает мнение образованного грека, когда говорит, что женщина должна знать грамоту, чтобы уметь вести домашнее хозяйство, но больше ничего знать не должна, потому что тогда она может стать ленивой и болтливой 108.

Некоторые, более радикальные, присоединялись, должно быть к мнению персонажа Менандра:

Учить женщину грамоте? Ужасная ошибка. Все равно, что добавлять яду изготавившейся ужалить змее¹⁰⁹.

Разумеется, были и образованные женщины: писательницы, как поэтесса Сапфо, или влиятельные фигуры,

как Аспасия, подруга Перикла¹¹⁰, но, без сомнения, весьма и весьма немногочисленные.

Наконец, невозможно судить о грамотности рабов. Рабы общественные, *demosioi*, должны были уметь читать и писать, поскольку их занятием было обновлять государственные реестры. Что до частных рабов, все зависело от их положения до плена и от хозяина, в руки которого они попали: так, в одной из поздних комедий раб хвастается преимуществами, достигнутыми благодаря хозяину, который, кроме всего прочего, выучил его читать и писать. Многие тексты говорят, без дальнейших уточнений, о рабах, умеющих читать; так, в «Теэтете» Платона один из них читает текст. Во «Всадниках» Аристофана раб по имени Демосфен читает предсказание. У Фукидида раб Павсания вскрывает и прочитывает письмо. Но, разумеется, эти случаи не стоит обобщать: в полисах, где этих людей считали вещами и обращались с ними как с таковыми, им, за редкими исключениями, не давали никакого образования.

Если грек и умел разобрать письменный текст, из этого еще не следует, что чтение было для него постоянным занятием. Книги, как мы увидим, были в классическую эпоху редкостью, распространяемой в ограниченном количестве экземпляров, так что немногие греки могли иметь их у себя. Известные им тексты они либо запоминали во время учения, либо слышали на крупных театральных состязаниях или на публичных выступлениях.

Многие литературные произведения архаической и классической эпох были написаны для чтения или разыгрывания перед зрителями. В доказательство этого можно обратиться к одному из литературных жанров, лирической поэзии, создававшейся для чтения на пирах аристократов и лирических празднествах. Говорят, что Солон, сам бывший автором элегий, излагал свои политические теории на рыночной площади. Драмы писались ради того, чтобы тут же быть разыгранными во время

празднеств. Политические и юридические речи в большинстве случаев сочинялись по определенному случаю; что до фиктивных речей, их также читали перед аудиторией, либо потому, что это были упражнения, выставившиеся в качестве образцов, либо потому, что автор желал таким образом познакомить с ними публику. Даже исторические произведения читали вслух, поскольку сообщается, что Фукидид расплакался, слушая отрывок из Геродота. Спортивные состязания становились поводом для публичного чтения Гомера и других авторов, подобного тому, как это было на Панафинейх при Писистрате. Таким образом, произведение «выходило в свет» в тот момент, когда его рецитировали или читали перед зрителями, а до этого тексты обычно не были известны.

Подобная практика налагала определенные ограничения на литературную продукцию: произведения, предназначенные для разыгрывания или чтения, либо сравнительно коротки, дабы не утомить аудиторию, либо композиционно составлены так, чтобы их можно было читать отрывками¹¹¹. Большое значение в такой литературе, часто предназначенной для пения или исполнения под музыку, придавалось ритму. Перелом происходит в середине V в. до н.э., с появлением, в частности, технической литературы или произведений, подобных Фукидиду; откуда берет начало постепенный переход к произведениям, сочиненным в расчете на отдельного читателя, а не только на собравшихся слушателей.

Кроме того, чтение литературных текстов в одиночестве если и существовало, то не совершалось в молчании. Наиболее распространенной практикой на протяжении всей античной эпохи было чтение вслух. Так, согласно Геродоту, лидийский царь Крез обратился за советом к разным оракулам. Его посланцы записали ответы и доставили их Крезу. Далее следует знаменательный пассаж:

...Крез развернул свитки и стал читать. Ни одно пророчание, однако, не удовлетворило царя, и, только услышав¹¹² ответ дельфийского оракула, Крез отнесся к нему с благоговейным доверием. По словам царя, единственно правдивый оракул — это дельфийский, так как он угадал, чем он, Крез, был занят тогда один, без свидетелей¹¹³.

Крезу явно никто не читал речения оракулов, он изучал их сам. Все заставляет думать, что слышал он собственные слова, а значит, он читал вслух. Другие употребления глагола *akoiein* (слышать) в контекстах, где другого читателя не предполагается, также свидетельствуют в пользу того, что обычным было именно чтение вслух.

Какой же была материальная форма литературных текстов? Много ли было экземпляров? Как они распространялись? Греческие книги имели форму свитков папируса, исписанных, разумеется, от руки. Сначала книга никоим образом не предназначалась для продажи, но распространялась среди друзей, внутри ограниченных групп просвещенных людей или попадала в руки профессиональных чтецов. Таким образом, для изготовления минимального количества рукописных экземпляров требовалось небольшое число переписчиков, отбирившихся из рабов нескольких известных семей. Заинтересованные лица могли и сами переписать требовавшиеся им тексты: еще в классическую эпоху оратор Демосфен, большой любитель и собиратель книг, семь раз переписывал труд Фукидида.

Даже не будучи предназначенными для продажи, копии литературных текстов стали расходиться очень рано. Феогнид полагал, что его стихи обретут широкую известность. Пиндар в начале V в. до н.э. воображает, как его текст распространяется в дальних краях.

...на широкой ли ладье, в малом ли челне
Ступай в Эгину,

Сладостная песня моя,
С вестью
Что сын Лампона, Пифей,
Широкий силою,
Стяжал в Немее
Победный венок сугубой борьбы¹¹⁴.

Только с середины V в. до н.э. появляются свидетельства подлинной книготорговли, а именно упоминания лиц, чьим ремеслом было изготовление и продажа книг. Так, слово «книготорговец» (*bibliopoles*) встречается впервые в одном из фрагментов Аристомена, другого современника Аристофана¹¹⁵. Еще один комедиограф, Никофонт, тогда же перечисляет множество торговцев, в том числе и книгопродавца¹¹⁶. В Афинах один из кварталов города был отведен под книготорговлю.

Так или иначе, продажа и распространение книг, похоже, стали весьма обычным явлением. В «Федоне» Сократ, прослушав публичную лекцию Анаксагора, спешит купить соответствующий текст.

С каким пылом... схватил я книгу! Читал я как можно быстрее,
чтобы скорее узнать, что хорошо и что плохо¹¹⁷.

Как сказано в «Лягушках» Аристофана, теперь у каждого будет книга:

Если страшно вам, боитесь, что невежественный зритель
Не оценит полновесно ваших тонких, острых мыслей,
Попечения оставьте! Не заботьтесь! Страх смешон.
Здесь сидит народ бывалый,
Книгам каждый обучался, правду каждый разберет¹¹⁸.

Одной из причин расширения книготорговли часто считают огромный успех трагедий: поскольку игрались они

в Афинах, не имевшие возможности их увидеть жители Пелопоннеса хотели обзавестись текстами, о которых столько говорили, — текстами, которые изначально писались исключительно для разыгрывания на сцене.

Книга в то время была предметом все более процветающей торговли. Гермодор, один из учеников Платона, в IV в. до н.э. продал огромное количество трудов учителя на Сицилии, в регионе греческой колонизации. Книги вывозили в дальние страны. К примеру, Ксенофонт в «Анабасисе» повествует, что греки, пройдя через Боспор и прибыв во Фракию, обнаружили разграбленные корабли со своей родины. Среди прочего добра там было много книг¹¹⁹:

Там нашли много кроватей, сундуков, книг и других вещей, как навклеры обычно перевозят в деревянных ящиках¹²⁰.

Произведения, о которых говорит Ксенофонт, везли из Греции эллинизированным обитателям Понта Эвксинского¹²¹. Это древнейшее, датируемое IV в. до н.э. свидетельство распространения книг в дальние пределы эллинского мира.

У нас нет данных о том, как обеспечивалась книготорговля. Неизвестно, существовали ли в Афинах издатели, т.е. люди, готовые пойти на риск и сделать большое количество копий некоего произведения, не зная, найдет ли оно достаточный спрос у публики. По всей видимости, одно и то же лицо осуществляло и издание (переписку текста), и продажу. Еще меньше известно о собственно издании. Существовал ли первоначально текст, который автор проверял и исправлял перед распространением во многих экземплярах? Современное состояние исследований не позволяет ответить на этот вопрос.

Сколько же стоила книга? Любопытное свидетельство на сей счет имеется в одном из сочинений Платона. Сократ

защищается от предъявленного ему обвинения в развращении юношей идеями, которые те легко могли почерпнуть в книгах Анаксагора:

Берешься обвинять на суде, о друг Мелет, и так презираешь судей и считаешь их столь несведущими по части литературы! Ты думаешь, им неизвестно, что книги Анаксагора Клазоменского переполнены подобными мыслями? А молодые люди, оказывается, узнают это от меня, когда они могут узнать то же самое, заплатив за это в оркестре 122иной раз не больше драхмы, и потом смеяться над Сократом, если бы он приписывал эти мысли себе, к тому же столь нелепые!¹²³

Здесь мы имеем уникальное свидетельство того, что книги могли продаваться в оркестре во время театральных представлений. Названная цена ничтожна, и некоторые знатоки предполагают, что текст, в котором Сократ явно иронизирует, не стоит понимать буквально: книги, о которых говорит философ, были, возможно, небольшими трудами, чем и объяснялась их столь низкая стоимость.

Цены, впрочем, сильно разнились в зависимости от качества книги и ее большей или меньшей редкости. Труднодоступное произведение могло продаваться очень и очень дорого. Платон якобы заплатил сто мин за три книги трудов знаменитого философа-пифагорейца Филолая¹²⁴, а Аристотель, в свою очередь, якобы приобрел за три аттических таланта сочинения философа Спевсиппа¹²⁵. Здесь речь идет о гигантских суммах. Перевести их в современные деньги сложно, но можно заметить, что они стоили, соответственно, в десять тысяч раз и в восемнадцать тысяч раз дороже упоминавшейся книги Анаксагора.

Кто собирал эти книги? В классической Греции не существовало публичных библиотек. Один из поздних авторов¹²⁶ утверждает, что афинский тиран Писистрат в VI в.

до н.э. основал в этом городе первую библиотеку. Вероятнее, однако, что у того было собрание книг, которыми он разрешал пользоваться своему окружению, и не обязательно ближайшему. В самом деле, для архаической и классической эпох имеются только упоминания о частных коллекционерах: так, много книг было у самосского тирана Поликрата²⁷. Автора трагедий Еврипида современники считали страстным собирателем книг, но подробнее об этом ничего не известно. У Платона также была личная библиотека; как мы только что видели, он потратил огромную сумму, сто мин, на покупку трудов Филолая Кротонского. Что до Демосфена, то у него было много рукописей, большинство из которых он скопировал собственноручно.

Мы видим, что собиратели, чьи имена до нас дошли, были либо государственными деятелями, либо писателями: далеко не каждому приходило в голову заводить библиотеку.

Свидетельство Ксенофонта вроде бы показывает, что современники не всегда одобряли того, кто любил хранить и читать книги. Сократ открыто смеется над Евтидемом, обладателем крупной личной библиотеки:

— Скажи мне, Евтидем, — спросил Сократ, — правда ли, что, как я слышал, ты собрал много сочинений известных мудрецов?

— Да, клянусь Зевсом, Сократ, — отвечал Евтидем, — и продолжаю собирать, пока не соберу их возможно больше.

— Клянусь Герой, — сказал Сократ, — я восхищаюсь тобой, что ты предпочел серебру и золоту сокровища мудрости: видно, ты убежден, что серебро и золото не делают человека несколько лучше, а сокровища мудрости обогащают добродетелью того, кто ими владеет¹²⁸.

В дальнейшем Сократ развенчивает мудрость бедного книголюбца. Настоящий поворот произошел только во вре-

мена Аристотеля: ликейский философ первым стал собирать, хранить и использовать культуру прошлого. У него, кроме его собственной редакции Гомера, было большое собрание книг, послужившее в III в. до н.э. образцом для основания Александрийской библиотеки¹²⁹.

Публичные надписи: власть и письменный текст

Если у греков и не было привычки читать книги, они зато практически ежедневно читали во многих полисах публичные надписи, о которых мы уже упоминали. Чем же на самом деле были эти надписи? Для чего они служили?

В настоящее время писание на камне или металле занимает скромное место: изобретение бумаги, дающее любому дешевый материал для письма, и особенно для печатания, полностью перевернуло все нормы. Надписи на камне в основном перешли в сферу поминовения усопших или увековечения памятных событий (победы, поражения, вступления в должность...). Тем не менее значительную часть информации, будь то широко распространяемые рекламные тексты или местные новости, по-прежнему доверяют бумаге. В Греции, как и позже в Риме, дело обстояло по-другому. Как и в наши дни, одновременно существовали и сиюминутные объявления, и надписи, рассчитанные на долгую жизнь. Последние были особенно важны: далеко не ограничиваясь простым поминовением, они передавали массу сведений; значительная часть того, что составляет содержание наших газет, официальных документов, листовок, писалась на камне. Эти находимые тысячами тексты являются драгоценным источником наших знаний о Древней Греции.

Временные надписи наносились на выбеленные деревянные таблички — левкомата (*leukomata*; единственное

число левкома— *leukoma*). Они выполняли роль местных газет, устанавливались в хорошо видимых и известных местах, например, в Афинах — у подножья статуй героев-эпонимов¹³⁰, в честь которых были названы десять фил. Статуи стояли в ряд на пьедесталах высотой около двух метров, так что дощечки можно было разместить на уровне глаз. Окружавшая пьедестал ограда препятствовала возможной фальсификации надписей.

Надписи на камне служили для более длительного использования: они были дороги и потому предназначались для обнародования важных документов. Ценовое соотношение разных видов надписей можно себе представить по следующим цифрам: надпись на *leukoma* стоила шесть драхм, а на камне — сто шестьдесят пять, т.е. один к двадцати семи!

Что содержали эти надписи? Указы Народных собраний, документы, относящиеся к образованию государства, союзнические и торговые договоры, городские установления, тексты указов о даровании гражданских прав иноземцам, счета по общественным работам, списки должностных лиц, эфебов... Короче говоря, все решения, касающиеся общины и затрагивающие ее внутреннее функционирование, и отношения с другими полисами. Информация давалась без комментариев, после чего эстафету перенимала устная речь.

Большая часть надписей копировалась всего один раз и выставлялась в каком-либо общественном месте. Случалось, однако, изготавливать и по несколько экземпляров одного и того же текста — так, например, делалось при заключении важного договора между несколькими полисами. Так, при заключении мира между Афинами и Спартой на десятом году Пелопоннесской войны было оговорено:

Столбы поставить в Олимпии, в Пифо, на Истме, в Афинах на акрополе и в Лакедемонне в храме Аполлона в Амиклах¹³¹.

Основной целью надписей было информировать сограждан обо всех принятых обществом важных решениях. Из сказанного выше о чтении и письме следует, что в классическую эпоху воспользоваться этой информацией могла значительная часть тех, кому она предназначалась.

Но надписи имели и символическое значение: они были по большей части не оригиналами, а копиями, часто сокращенными, архивных документов. Весомость их от этого не уменьшалась, и следует отрешиться от современного взгляда, согласно которому копия менее значима, чем оригинал. Напротив, некоторые труды настоятельно утверждают важность документов на камне. Ораторы обычно ссылаются именно на стелы с надписями, а не на абстрактные указы или архивные тексты. С самого начала надписи содержали угрозы тому, кто посмел бы их испортить. Если надпись исчезала, видимо, улетучивалось и ее содержание. Демосфен в речи за мегалопольцев выражается так:

Далее, некоторые — и это как раз те, чьи слова как будто представляются наиболее справедливыми, — говорят, что мегалопольцы должны убрать все столбы, содержащие договоры с фиванцами, если хотят прочно оставаться нашими союзниками¹³².

Разрушать стелы означало, таким образом, открыто разрывать союз, порукой в котором они были.

Впрочем, отношение к публичным надписям различалось от полиса к полису, так что самое время задаться вопросом о связи между властью и этой формой писания.

В Спарте письменность была распространена не хуже, чем в других городах. Официальные лица обменивались письмами и донесениями; царь, вне всякого сомнения, имел в своем распоряжении собрание дельфийских пророчеств. Международные договоры, как и в прочих полисах, высекали на камне. Но от публичных надписей это государ-

ство демонстративно отказалось: у него не было письменных законов, оно не обнародовало списки граждан и даже запрещало, кроме как в исключительных случаях, писать имена умерших на могильных камнях. До нас дошла всего одна надпись, имеющая отношение к полису, — список пожертвований на войну.

В Афинах дело обстояло прямо противоположным образом: именно в этом полисе обнаружено наибольшее количество надписей. Следует отметить, что публичные надписи однозначно воспринимались, по крайней мере со второй половины V в. до н.э., как институт, связанный с демократической практикой. Так, Тезей, возражая в «Проксительницах» вестнику, защищающему режим единоличной власти, выражается следующим образом:

**Нет ничего для государства хуже
Единовластия. Во-первых, нет
При нем законов общих — правит царь.
Нет равенства. Он сам себе закон.
А при законах писаных — одно
Для неимущих и богатых право.
И может бедный смело обвинять
Богатого в его дурном поступке, —
И победит слабейший, если прав¹³³.**

Точно так же для Горгия в «Паламеде» писанные законы суть хранители правосудия. О связи публичных надписей и демократических институтов свидетельствует и один из эпизодов истории Афин. В конце Пелопоннесской войны город был завоеван Спартой, демократия уничтожена, и у власти поставлены тридцать «тиранов»:

Но, будучи избранными только для составления законов, которыми государство должно было руководствоваться, они все оглаживали составление и опубликование свода законов¹³⁴.

Затем эти люди назначили по своему усмотрению должностных лиц — тогда как в демократическом полисе последних избирали голосованием или по жребию на Народном собрании — и начали произвольные аресты. Ясно, что по крайней мере в двух упомянутых полисах отказ от публичных надписей был равноценен авторитарному правлению.

Возможно ли при всем том обобщить противоположные случаи Спарты и Афин и сделать вывод, что чем больше в полисе публичных надписей, тем он демократичнее? Начиная с середины V в. до н.э. это безусловно верно — олигархические полисы вроде Коринфа и Фив редко издавали общедоступные тексты. Но здесь мы имеем дело, скорее, не с глубинной связью между публичными надписями и демократией, а с практикой, вытекающей из идеологического выбора: Афины противостоят Спарте, и полисы, поддерживающие ту или другую сторону, склонны воспринимать и соответствующую практику. В то же время в косных государствах вроде критских к публичным надписям с самого начала относились положительно: их хранили в святилищах, при этом разрешали желающим ознакомиться с ними и даже регулярно читали их народу. Все зависело, собственно говоря, не от обнародования указа или политического решения, как такового, но от того, кто был инициатором данного текста или решения: в демократических полисах информирующие и информируемые были одними и теми же лицами, поскольку обнародовалось то, за что голосовало собрание, состоявшее из совокупности граждан. В таком случае прозрачность была полной, а связь между демократией и обнародованием законов и решений самой собой разумеющейся.

Архивы представляют собой иную категорию хранимых сообществом текстов: написанные на тленных мате-

риалах — дереве, папирусе, они, в отличие от стел, исчезали, так что наши сведения о них ограничены.

Различие между текстами, предназначенными для обнародования, и архивами не всегда прослеживается четко: с одной стороны, первые могут быть обнародованы временно, а затем сданы в архив, как, видимо, часто случилось с левкомата, надписями на выбеленных табличках. С другой стороны, в греческом официальной записи текста обозначалась одним и тем же словом независимо от того, была ли она предназначена для обнародования или для помещения в архивы.

Но когда речь заходит об архивах, что на самом деле имеется в виду? В основном места хранения письменных текстов, разбросанные по всякого рода учреждениям и помещениям: архивы святилищ, фил и т.п. Идея национальных, централизованных архивов была чужда Греции. Известно только одно место, Метроон¹³⁵ в Афинах, напоминающее государственный архив, но и там хранилось далеко не все, в основном, по-видимому, решения Собрания и Совета. Метроон никоим образом не был предназначен для систематического сохранения всех имеющих отношение к жизни города письменных документов.

В отличие от того, что наблюдалось в микенскую эпоху, ни один греческий полис не использовал письменные тексты как инструмент власти — скажем, для того, чтобы сосредоточить в одном месте сведения о своих гражданах и их имуществе, чтобы наблюдать за ними или учредить полицейскую систему. Практика использования письменности тем или иным государством первоначально заключалась в том, чтобы посредством публичных надписей одновременно информировать население и провозглашать полисные ценности. Приблизительно с середины V в. до н.э. Афины постепенно разработали и распространили

идею о том, что публичная записи — законов ли, указов ли — связана с демократией.

В заключение наших рассуждений о коммуникации в полисе приходится констатировать, что эта община — открытое пространство, предоставляющее прекрасные возможности для циркуляции слова на всех уровнях — болтовни, сплетен, распространения культуры, споров... При том, что письменный текст имеет определенный вес, а большинство граждан умеет читать, они не придают этой деятельности первостепенного значения: в греческом полисе вполне можно было прожить, не умея ни читать, ни писать, поскольку всегда можно было кого-нибудь попросить разобрать написанное. Участвовать во всех общественных делах — религиозных, политических, культурных — можно было и без посредства письменности.

СЛУЧАЙ АФИН

Афины в греческом мире находились на особом положении. Их институты развивались весьма своеобразно, и сами они часто служили примером другим городам. Кроме того, о них многое известно, особенно для IV в. до н.э. Потому мы и решили исследовать политическую коммуникацию в Афинах. В то же время афинский полис был крупнейшим интеллектуальным центром, и именно там расцвели новые идеи того времени, риторика и софистика, там их комментировали и критиковали, а значит, нам следует отразить эти дискуссии. Наконец, именно на примере Афин мы анализируем самые темные стороны коммуникации: диффамацию, агитацию и пропаганду, цензуру.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В АФИНАХ

Основная черта политической коммуникации в Афинах — непосредственное участие граждан в принятии решений, затрагивающих интересы всего сообщества. Это участие было структурировано и организовано в рамках трех крупнейших институтов: Народного собрания, Совета и судов. Описав их, мы постараемся понять, каковы были по отношению к этой системе роль и образ действий политических деятелей. Вели ли они предвыборную кампанию? Как они могли добиться известности?

Народное собрание

Народное собрание, или экклесию, составляли все граждане: в теории в него не входили те, кто не пользовался всей полнотой гражданских прав — женщины, метеки, рабы, а также те, кто был лишен гражданства. В нем общей сложности числилось, в зависимости от периода, от двадцати пяти до сорока тысяч человек.

Можно ли было проверять, кто присутствует в Собрании? Возможно, что с V в. до н.э. это и делалось при помощи списков призывников — например, гоплитов. Во всяком случае, когда речь шла об остракизме или о распределении зерна, присутствующих проверяли. С IV в. до н.э. утвердился обычай предоставлять заседающим в Собрании компенсацию, *misthos ekklesiastikos*, или просто *ekklesiastikon*, что предполагало систематический учет присутствующих. Специальные должностные лица, *syllogeis* (единственное число *syllogeus*), с помощью лексиархов, имевших при себе списки граждан, производили проверку и раздавали жетоны (*symbola*), дававшие право на компенсации (*misthin*).

Несмотря на в общем ограниченный контроль, случаев обмана, попыток выдать себя за другого известно немного, да и трудно представить себе чужеземца или метека, пытающегося у всех на глазах сойти за афинского гражданина. Если их и допускали в Собрание, то лишь как информаторов или знатоков-экспертов, и тогда им предоставлялось особое место.

Можно ли составить представление о реальном участии в экклесии? Постоянно выступали в прениях далеко не все, и на обычном собрании присутствовало около шести тысяч человек, а зачастую и меньше. Многие приходили издалека, преодолевая по двадцать и даже по пятьдесят километров. Если верить древним текстам, жителей Аттики, привычных, как и прочие греки, к пешим переходам,

это не смущало. Кроме того, город был местом престижным, где заодно приторговывали и встречались с согражданами.

Так, Дикеополь, крестьянин из «Ахарнян» Аристофана, полон решимости не пропустить Собрание, ради которого он заявился в город заранее:

**Всегда являюсь первым на Собрание,
Сию и принимаюсь в одиночестве
Вздыхать, считать, рыгать, чесаться, волосы
Выдергивать, скучать, трещать, позевывать.
А мыслями я в поле, мира жажду¹.**

Обычным местом сбора была сначала агора, а потом Пникс, холм над площадью. У граждан не было фиксированных мест, и, если верить тому же Дикеополу, Собранию сопутствовала толчея и свалка из-за мест.

**Пританы не идут. Они не вовремя
Придут, и сразу толкотня поднимется.
Помчится каждый на места на первые,
Все скопом ринутся².**

И далее:

**Как я сказал, все так и получается:
Все устремились на скамью переднюю³.**

Не всем была свойственна пунктуальность Дикеополя. Согласно древним свидетельствам, приходилось прибегать к выкрашенному киноварью канату, чтобы выпихнуть граждан с агоры, где они спокойно болтали, на Пникс⁴. Практику эту объясняют не столько необходимостью иметь кво-

рум, сколько стремлением получить как можно больше голосов, и притом достаточно рано, что позволило бы свести к минимуму возможные протесты после голосования. Однако же с IV в. до н.э., с установлением компенсации, присутствующих на Собрании стало гораздо больше, и лишних, напротив, приходилось оттеснять крашенным киноварью канатом⁵.

В день Собрания вывешивали знак — неизвестно, однако, какой именно, — говорящий о том, что созывается экклесия⁶. Начинали рано утром, чтобы закончить еще днем, самое позднее к заходу солнца, после которого невозможно было считать голоса⁷. Поскольку собрания при этом длились в среднем добрых шесть часов, с собой приносили, как в театр, кое-какую провизию:

**Но всяк приходил на Пникс,
В котомке неся с собой
Баклажку, да хлеба кус,
Да лука головки две,
Да горстку оливок⁸.**

Согласно Аристотелю, в IV в. до н.э. собрания созывались по четыре раза за пританию, т.е. сорок раз в год. Учитывая их насыщенную программу — избирать должностных лиц, контролировать их, принимать важнейшие внешнеполитические решения, обсуждать новые законы, создавать финансовые резервы, принимать решения по взносам союзников и пр., — можно считать, что и в V в. до н.э. собраний было не меньше, тем более что иногда к ним добавлялись внеочередные.

Программу определял Совет, о функциях которого речь пойдет ниже: для того чтобы экклесия состоялась, о ней следовало объявить за четыре дня. Случались, однако,

и чрезвычайные случаи, когда невозможно было ни обнародовать программу, ни соблюсти законную отсрочку. На такие собрания «страха и смятения» пританы созывали народ как могли: жителям города подавала сигнал труба, а обитателям сельской округи — большой костер, разведенный на агоре.

Определенная часть собраний была запрограммирована заранее. Так, первое заседание притании посвящали проверке полномочий должностных лиц, второе — религиозным вопросам, третье — прошениям. Опираясь на эту сетку, а также на сформулированные Собранием запросы, Совет и формировал порядок дня. Программа, однако, не обязательно была исчерпывающей. Какое-либо событие могло потребовать спешного решения, обсуждение могло продлиться дольше одного заседания. В таких случаях, не дожидаясь очередного Собрания, созывали внеочередное, для которого не требовалось обнародовать порядок дня и соблюдать законную четырехдневную отсрочку.

Пространство, где заседала эkkлeсия, считалось священным. Перед каждым Собранием совершалось ритуальное жертвоприношение. Ответственный за него перистарх обходил с жертвой вокруг отграниченного участками пространства. Затем вестник произносил проклятия тем, кто вздумает вести себя не так, как подобает гражданину. Наконец, при проявлении божественного знамения собрание, как и в более позднем Риме, тут же отменялось. Один из персонажей Аристофана шутливо напоминает об этом в начале «Ахарнян»:

Я против продолжения Собрания

По поводу фракийцев. Было знаменье:

Сейчас мне с неба на голову капнуло.

Г л а ш а т а й . Фракийцы пусть придут к началу месяца:

Собрание распушено пританами 9.

Руководящий орган Собрания в V в. до н.э. образовывали пританы — те же, кто председательствовал и в Совете (*boule* — буле). Председателем был эпислат пританов.

При эпислате состоял глашатай, который от его имени делал объявления в Собрании, и секретарь, зачитывавший официальные документы. Пританы, а позднее проэдры, помогали председателю поддерживать порядок; в V в. до н.э. при них были скифские лучники. В дальнейшем служба охраны порядка разрослась, очевидно, потому, что необходимо было еще и проверять личность присутствующих, и надзор был возложен на упомянутых нами *syllogeos* в количестве тридцати.

Председатель поручал глашатаю прочесть подготовленный Советом указ, или пробулевму. Таким образом, работа велась обычно на основании текста, написанного буле. Затем открывались прения. В принципе право голоса имел каждый, и глашатай обращался к собранию с формулой:

Кто хочет взять слово?¹⁰

Желающий выступить должен был выйти к трибуне, увенчать голову миртовым венком и изложить перед толпой свои соображения.

Легко представить себе все сложности, которые приходилось преодолевать, говоря без каких бы то ни было усилителей голоса перед шестью или более тысячами человек, вслух выразивших свое отношение к происходящему. Если свистеть, рукоплескать, обозначать свое мнение в такой ситуации просто, то выступать с аргументированной речью куда сложнее. Поэтому ряд ученых выдвинул гипотезу о том, что выступали всегда одни и те же — профессионалы в политике, люди не робкого десятка, хорошие ораторы. Разумеется, люди, привыкшие высказываться перед

толпой, должны были говорить чаще, чем обычные граждане, но нет никаких оснований утверждать, что остальная часть Собрания не пользовалась свободой слова. Как хорошо показал Платон в «Протагоре», все опять-таки зависело от того, о чем шел спор. По мнению философа, которое, разумеется, не стоит принимать буквально, к специалистам обращаются в тех случаях, когда речь заходит о технических проблемах:

...если же станет им советовать кто-нибудь другой, кого они не считают мастером, то, будь он хоть красавец, богач и знатного рода, его совета все-таки не слушают, но поднимают смех и шум, пока либо он сам не оставит своих попыток говорить и не отступится, ошеломленный, либо стража не стащит и не вытолкает его вон по приказу пританов... Когда же надобно совещаться о чем-нибудь касающемся управления городом, тут всякий, вставши, подает совет, будь то плотник, медник, сапожник, купец, судовладелец, богатый, бедняк, благородный, безродный, и никто его не укоряет из-за того, что он не получил никаких знаний и, не имея учителя, решается все же выступать со своим советом... 11

В общем, Платон упрекает сограждан за то, что те бездумно берут слово в Собрании, и его мысль подтверждают тексты того времени.

Импровизировались ли произносившиеся речи, или готовились заранее, и, в последнем случае, зачитывались ли, выучивались ли наизусть целиком или частично? У нас, нужно честно признать, слишком мало материала для ответа на этот вопрос. Кроме того, все зависело от личности говорящего: Демосфен, например, считался необычайно скрупулезным оратором, отрабатывающим все свои речи до мельчайших подробностей, над чем кое-кто посмеивался. Но, если верить Плутарху, он был способен и на

импровизацию и сыпал остротами и шутками, следов которых в его письменных текстах не сохранилось. По всей видимости, полностью речи не читали — это было бы слишком скучно, но и не учили наизусть, поскольку нигде в античных источниках об этом не говорится. Учителя красноречия обучали мнемотехническим приемам, позволявшим запоминать последовательность аргументов, а не текст целиком. Весьма вероятно поэтому, что ораторы — по крайней мере наиболее способные — сопрягали подготовку с импровизацией, составляя канву основных идей и затем в свободной форме развивая их перед согражданами.

В теории коммуникация шла в одном направлении, от оратора к аудитории: Эсхин вспоминает старое доброе время, когда прения велись с достоинством и каждый по очереди мог высказать свое мнение «без шума и суеты»¹². На практике же дело обстояло по-другому, и свидетельства древних дают нам множество примеров того, как аудитория порой весьма шумно реагировала на выступления.

Толпа часто горячо выражала одобрение и симпатию¹³ или же несогласие. Некоторые ораторы, впрочем, пытались заранее погасить протесты аудитории, как это делал Демосфен в речи «О мире»:

...и всех меньше — прошу, не поднимайте шума, пока не выслушаете! — фиванцы... 14

Во время некоторых заседаний Собрание проявляло свое отношение самыми разными способами. Так, Эсхин в одной из своих речей повествует, что когда говорил Тимарх, человек, которого он обвиняет,

...вы сразу же начинали кричать и смеяться и сами называли своим именем дела, которые вы знали за ним 15.

Во время одного из собраний Автолик, один из официальных представителей Ареопага, должен был высказаться о предложении Тимарха; он его отверг, и тогда афиняне «одобрительно зашумели»¹⁶. Автолик, не поняв, что шум означал одобрение, уточнил свои доводы, и вновь, поясняет Эсхин, «среди вас поднялся еще больший шум и смех»¹⁷.

На данном примере видно, что реакция могла быть как невнятной, так и словесной. Представляется, что оратору даже могли задавать вопросы, и постепенно, согласно Демосфену, этой привычкой начали злоупотреблять¹⁸.

Кроме того, как утверждал Демосфен, существовали формировавшиеся вокруг того или иного оратора или стратега группы людей, «готовых кричать ему в лад»¹⁹. Некоторые, подобно Стефану, даже садились в первый ряд и поднимали «шум около ораторской трибуны»²⁰.

Мнение участников вырабатывалось по горячим следам и до голосования ничего вроде бы не было известно. Каким бы странным это ни казалось, нет никаких следов наличия внутри Собрания групп влияния; исследования о гетериях, или аристократических обществах, не дали ничего, как и изыскания, ставившие своей целью определить возможное влияние демов, или округов. Еще более удивительно, что не обнаруживается никаких следов «кампаний», в течение которых сторонники той или иной идеи пытались бы «подогреть» общественное мнение. Все происходило так, как если бы заранее ничего не решалось...²¹

Когда никто больше не просил слова, переходили к голосованию. Ответственность за это лежала на пританах и проэдрах, поэтому они отказывались ставить вопрос на голосование или даже на обсуждение, если считали предложение незаконным. Так, Сократ после Аргинусской битвы²² единственный воспротивился незаконной процедуре, предложенной Калликсеном: речь шла о том, чтобы голосовать за или против смертного приговора огульно всем

стратегам, которые из-за бури не сумели подобрать пострадавших в морском бою²³. Послушаем, какие слова приписывает ему Платон:

Тогда я, единственный из пританов, восстал против нарушения закона и проголосовал против, и в то время, когда ораторы готовы были обвинить меня и посадить в тюрьму и вы сами этого требовали и кричали, — в то время я думал, что мне скорее следует, несмотря на опасность, стоять на стороне закона и справедливости, нежели из страха перед тюрьмой или смертью быть заодно с вами, желающими несправедливого»²⁴.

Голосовали поднятием рук: глашатай просил тех, кто поддерживает предложение, показаться, а потом проверял результат, подсчитывая голоса, поданные против. Если возникало сомнение, процедуру возобновляли, пока председательствующие не определяли явного большинства.

В особых случаях подсчет осуществлялся тайно: на пленарных заседаниях при предоставлении амнистии или остракизме, а на обычных — при рассмотрении особых дел²⁵.

Совет

Совет, или буле, происхождение которого восходит к Клисфену (конец VI в. до н.э.), состоял из пятисот членов, по пятидесяти от каждой филы. Их выбирали по жребию на год во всех ста тридцати девяти демах, или округах, на которые делилась Аттика. Каждый дем, в зависимости от своей значимости, должен был выдвинуть от одного до двадцати двух советников-булевтов в год. Кандидаты выдвигались на уровне дема и демарха, а ответственный за округ составлял общий список.

Булевтом можно было стать по достижении тридцати лет, и никто не мог отправлять эту должность более двух

раз. Никакого ценза не существовало, соответственно каждый гражданин имел возможность хотя бы раз в жизни заседать в Совете. Тем самым создавалась возможность вникнуть в дела полиса и поучиться говорить перед меньшим числом людей, чем в Собрании — перед пятьюстами вместо шести тысяч... На самом деле единственным требованием было наличие большого количества свободного времени.

Обязанности советника были и в самом деле тяжелыми. Если верить тому, что пишет Аристотель в «Афинской политике», буле собиралась ежедневно, кроме праздников и неблагоприятных дней, т.е. триста раз в году... В V в. до н.э. правила, возможно, были не столь строги, и Совет вполне мог собираться по мере надобности. Однако же членов буле могли созвать и внезапно в случае необходимости, так что если они хотели добросовестно выполнять свою работу, им было бы тяжело заниматься наряду с ней другой деятельностью.

Ввиду того, что от булевтов требовалось постоянно быть в распоряжении Совета, им выплачивалось жалование, во времена Аристотеля составлявшее пять оболов в день. Видимо, при входе в залу собраний они получали жетон, который потом обменивали на деньги. Перед вступлением в должность булевт, как и прочие должностные лица, проходил докимасию, «испытание», во время которого должен был прежде всего доказать, что является добропорядочным гражданином.

Буле собиралась обычно в специально построенном для этого здании, булевтерии. В дни собраний над ним вывешивали флаг, который глашатай спускал при начале заседания. Прения в Совете, как и в Собрании, открывались жертвоприношением и молитвами. Вход на заседания был свободным: например Демосфен в своей речи «О делах в Херсонесе» упоминает о том, что он только что услы-

шал на Совете²⁶. Часть присутствующих могла даже находиться в самой зале, тогда как остальные держались за оградой²⁷. Некоторые прения проводились тайно, для чего, видимо, было достаточно обычной просьбы:

И тогда он, не имея возможности обманывать государство открыто, отправляется в Совет, удаляет оттуда посторонних и, воспользовавшись неопытностью письмоводителя, наговаривает предварительное решение для Народного собрания²⁸.

Каждый гражданин, не состоявший в Совете, мог выступить перед этой инстанцией, для чего нужно было заранее подать пританам письменное прошение. Право выступить перед буле часто получали уважаемые афинянами иностранцы, а также вестники или послы других полисов.

Прения проходили так же, как и в Собрании, и желающий взять слово должен был выйти на трибуну, хорошо видимую всему Совету²⁹. По окончании прений голосовали поднятием рук, если только решение не должно было остаться тайной. В этих обстоятельствах для обеспечения секретности у каждого члена Совета было два камешка для голосования — белый и черный, один из которых он клал в одну из двух урн для голосования. За порядком следил отряд лучников, призванный обеспечивать выполнение решений Совета и поддерживать тишину вокруг булевтерия.

У дела, переданного на рассмотрение Совета, было немного шансов остаться тайной. Послушаем, что говорит по этому поводу Хремет в «Женщинах в Народном собрании»:

**А женщины, сказал, созданы скромные,
Хозяйственные, тайн о Фесмофориях³⁰
Они не станут разглашать, а мы про все,
Что на Совете было, разболтаем вмиг³¹.**

Правление Совета играло чрезвычайно важную роль: именно оно во время действия его полномочий было высшей властью в полисе. Оно постоянно представляло Совет в промежутке между заседаниями, но не всегда состояло из одних и тех же лиц. Чтобы у власти не оставались одни и те же люди, было предусмотрено нечто вроде ротации между десятью филами: каждая из них должна была постоянно заседать в Совете в течение десятой части года, т.е. примерно тридцати шести дней. Порядок, в котором заседали филы, определялся жребием, и, таким образом, жеребьевку проводили девять раз в году. Треть членов «пританной» филы оставалась на службе одну ночь и один день треть означенного времени, примерно двенадцать дней. Председатель, или эпистат, пританов каждый день определялся жребием.

Председателем пританов бывает одно лицо, избранное по жребию. Оно состоит председателем в течение ночи и дня, и нельзя ни пробыть в этой должности дольше, ни дважды занимать ее одному и тому же человеку. Председатель хранит ключи от храмов, в которых находятся казна и документы государства и государственная печать. Он обязан все время оставаться в фоле³², равно как и третья часть пританов, которой он прикажет³³.

Суды

Суды в Афинах были таким же государственным органом, как Собрание или Совет. Если они и не были, как мы увидим, местом прений, в политической жизни они играли важную роль, и поэтому мы скажем о них несколько слов.

Афинская судебная система весьма отличалась от нашей: с одной стороны, потому, что суды контролировали значительную часть политической жизни, поскольку каж-

дый гражданин мог представить им на рассмотрение дело, имеющее отношение к гражданской общине. Кроме того, для вызова в суд не обязательно было в чем-то подозреваться: например, должностные лица при вступлении на службу и уходе с нее подвергались в суде докимасии, чему-то вроде испытания на добропорядочность. С другой стороны, правосудие отправлялось непрофессионалами, обычными гражданами без какой бы то ни было юридической компетентности, которые в большом количестве во время действия своего годовичного мандата отправлялись в суд чаще одного раза в два дня.

Приведем несколько красноречивых цифр: суды заседали в среднем от ста семидесяти пяти до двухсот двадцати пяти дней в году³⁴, причем многие процессы велись одновременно. В каждый из этих дней требовалось от двухсот до двух с половиной тысяч судей³⁵, в зависимости от важности и количества дел. Афиняне с такой страстью отдавались судебной деятельности, что Аристофан с блеском прошелся по этой мании во многих пьесах: скажем, в «Осах» хор состоит из судей, а главным персонажем выступает помешанный на судопроизводстве старик, который «глубоко скорбит, / Когда не попадет на первую скамью»³⁶.

Каждый год шесть тысяч граждан выбирались по жребию из добровольцев: на протяжении года они были потенциальными судьями. Но в дни судебных процессов никто из них не знал заранее, будет ли он заседать, а если будет, то в каком суде: все должны были явиться к месту проведения процесса, где в V в. до н.э. допускали к участию пришедших первыми, после чего закрывали двери. В IV в. до н.э. утвердилась сложная система жеребьевки, до мельчайших подробностей описанная Аристотелем³⁷: подобная процедура была призвана обеспечить определенную ротацию судей, но прежде всего исключить любую возможность подкупа в каком бы то ни было типе судопроизводства³⁸.

В судьи народ валил толпой, приходя из самых отдаленных демов, иногда отмахивая при этом по двадцать километров пешком. Каждый судья получал бронзовую бляху, служившую одновременно для удостоверения его личности и для жеребьевки; обнаружено несколько сотен блях с именами присяжных и названиями их демов. Большинство имен было затерто, и на их месте выгравированы новые. Иногда эта процедура повторялась по нескольку раз, при каждой смене владельца ³⁹: сразу видно, что недостатка в потенциальных судьях не ощущалось... Надо также сказать, что с V в. до н.э. судьям платили сначала по два, затем по три обола за день процесса — сумма небольшая, но позволявшая наиболее обездоленным сводить концы с концами ⁴⁰.

Поскольку одновременно заседало по нескольку судов, афиняне разработали остроумную систему, позволявшую сотням заседавших чуть ли не ежедневно судей легко находить постоянно менявшиеся места заседаний. Архитрав каждого суда был выкрашен в особый цвет: финикиуна — в красный, батрахиуна ⁴¹ — в зеленый и т.п. После проведения ежедневной жеребьевки судьи одного суда получали каждый по трости цвета архитрава того суда, куда они направлялись, что, бесспорно, позволяло избежать изрядной путаницы... При входе в суд каждый судья получал еще и нечто вроде свинцового жетона ⁴², в обмен на который он мог по окончании заседания получить дневное жалованье (*misthos heliastihos*).

Заседания были открытыми, но судьи сидели на особом огороженном месте, без чего воцарилось бы всеобщее смятение: крупные политические процессы привлекали массу народа, часто из отдаленных уголков Греции. В особых случаях на суд являлось публики не меньше, чем на театральные представления. За загородкой на скамьях сидели судьи. Что же касается тяжущихся, они занимали по-

мосты, или трибуны, расположенные таким образом, что все судьи, при всей своей многочисленности, без труда могли их видеть и слышать ⁴³.

Каждая сторона обязана была выступать в суде самостоятельно. Нетрудно догадаться, что человеку из народа оказывалось непросто подготовить для тех пятисот или двух тысяч пятисот человек, что слушали его дело, аргументированную речь... Вот почему процветала, особенно в IV в. до н.э., деятельность логографов — людей, писавших судебные речи, которые тяжущиеся учили наизусть, хотя и в этом случае испытание им предстояло нелегкое. Труд логографа, хотя и неуважаемый, был доходным и позволял установить полезные связи: им занимались Демосфен и Лисий, причем первый благодаря такого рода деятельности сумел вернуть себе состояние, растраченное опекунами.

Хотя адвокатов и не существовало, тяжущийся мог призвать себе на помощь — но только после того, как выступил сам, — одного или нескольких синегоров, «говорящих вместе», по своему выбору. Обвинитель в деле «Против Неэры», Теомнест, быстро передает слово своему зятю Аполлодору:

Все же, граждане судьи, я обращаюсь к вам с просьбой, вполне естественной в устах молодого человека, не владеющего искусством красноречия, — а именно, о том, чтобы вы разрешили мне пригласить Аполлодора выступить синегором в этом судебном процессе. Ведь он старше возрастом и более опытен в обращении с законами... да и во всем этом деле он осведомлен досконально... ⁴⁴

Время выступления сторон было строго регламентировано. Разнившееся в зависимости от дела, оно измерялось клепсидрой, водяными часами, чью работу описывает Аристотель:

Там стоят клепсидры, снабженные трубками и сточными отверстиями. В эти клепсидры наливают воду, по которой должно измерять длительность произносимых на суде речей. Клепсидра дается вместимостью в десять хоев⁴⁵ для процессов на сумму свыше пяти тысяч драхм и в три хоя для второй речи; в семь хоев и в два хоя для процессов на сумму не свыше пяти тысяч драхм; в пять хоев и в два хоя — для процессов на сумму не свыше тысячи драхм; в шесть хоев для споров о правоспособности, при которых второй речи уже не полагается вовсе. Лицо, приставленное по жребии к воде, закрывает трубку, когда секретарю предстоит читать закон, или свидетельское показание, или контракт⁴⁶.

Чтение документов, собранных для процесса, в отсчет времени не включалось, зато продолжительность речи синегора вычиталась из времени, предоставлявшегося соответствующей стороне. Из текста Аристотеля видно также, что свидетельские показания сначала записывались, а затем зачитывались перед судьями: так обстояло дело с 380 г. до н.э. Следовательно, начиная с этого времени свидетелей уже не заслушивали, однако они могли присутствовать на процессе без права голоса, чтобы своим присутствием подкреплять правдивость показаний.

Свидетельские показания, как мы только что видели, записывались так же, как и ряд других необходимых в судебном процессе документов, в частности поданная жалоба. Но то были записи устных заявлений, если хотите, устная речь, занесенная «на бумагу». Настоящие письменные доказательства - договоры, завешания, другие акты частного права — большой доказательной силы не имели⁴⁷.

После заслушивания обеих сторон члены суда голосовали сразу же, без обсуждения. Голосование, в отличие от проводившегося в Собрании, было тайным и осуществлялось посредством жетонов, которые бросали в урны, так что видеть, кто за кого голосует, было невозможно. По

мнению античных авторов, это было одной из гарантий беспристрастности судей.

С самого начала процедуры обвинение вывешивалось на всеобщее обозрение. Например, Евктемон, обвинив Демосфена в дезертирстве,

...публично выставил обвинение перед статуями эпонимов⁴⁸, чтобы все его прочитали: «Евктемон лусиец выдвинул обвинение в дезертирстве против Демосфена пэанийца». Как мне представляется, он охотно приписал бы - если бы это было возможно, - что обвинение выдвинуто по воле Мидия, нанявшего человека для этой цели⁴⁹.

Тем самым обвинение, иногда несправедливое, становилось достоянием гласности. Зная, что каждый гражданин мог возбудить дело всякий раз, когда, по его мнению, создавалась угроза обществу, можно представить себе значение судов в политической жизни, особенно по части укрепления или подрыва репутации оратора или стратега, прежде всего непосредственно, путем обвинения его во всех грехах, но зачастую и косвенно. Возьмем пример *graphe paronomon*, процедуры, состоявшей в обвинении какого-либо законодательного предложения в противозаконности перед судом. Определенная часть постановлений, предлагавшихся или голосовавших в Собрании, имела целью почтить того или иного политического деятеля. Именно в такой ситуации Эсхин выступил против Ктесифонта, предложившего наградить Демосфена венком. Обвиняя в противозаконности предложение увенчать оратора или стратега, метили не только в его автора, но и в самого заинтересованного политического деятеля: осуждение судом проекта постановления было равнозначно выражению недоверия, и репутация государственного деятеля от этого сильнее всего страдала. Благоприятное же голо-

сование в суде, напротив, было равнозначно решительно-му одобрению его политики — во всяком случае, той, которую он вел на момент процесса. В упомянутом деле Эсхи-ну, не собравшему пятой части голосов, пришлось уплатить штраф в тысячу драхм, но в первую очередь приговор был вынесен его политике, и он добровольно удалился в изгнание, притом навсегда.

Политические деятели

Какова роль политических деятелей в этой системе и прежде всего что представляет собой афинский политический деятель? Это либо лицо, имеющее возможность своими предложениями влиять на решения Собрания, как это делал Демосфен, либо должностное лицо при исполнении обязанностей, как Перикл, несколько раз бывший стратегом. Должностей было много — около семисот, и на них или назначали по жребию, или выбирали: выбирали на те должности, которые, по мнению афинян, требовали специальных знаний; высшими среди них являлись должности стратегов, командовавших армиями. Таким образом, имелась возможность брать на себя политическую ответственность на разных уровнях без ведения предвыборной кампании, поскольку многие должности замещались по жребию. Реальной властью, однако же, обладали только стратеги.

Власть стратегов или тех, кто умеет навязать Собранию свое предложение, в теории безгранична: она «выше власти президента республики или главы правительства, сфера полномочий которых определена конституцией»⁵⁰. Но власть эта всегда косвенна, поскольку состоит не в том, чтобы принимать решения, а в том, чтобы убеждать Собрание их принять, т.е. общаться с ним.

Сразу видно, что политическому деятелю было необходимо уметь выступать перед аудиторией, поскольку речь шла прежде всего о том, чтобы убедить Собрание или Совет: именно поэтому общественных деятелей часто называли «ораторами» (*rhetores*). Легко ли было уговорить толпу? Древние тексты часто говорят о «демагогах». Слово это когда-то означало «вождь народа», но в V в. до н.э. приобрело современный уничижительный смысл. Бедствия, несомые этими льстецами народу, разоблачали Еврипид, Фукидид, Аристофан. Так, Фукидид противопоставляет твердость Перикла уловкам его преемников:

...Перикл, как человек, пользовавшийся величайшим уважением сограждан за свой пронзительный ум и несомненную неподкупность, управлял гражданами, не ограничивая их свободы, и не столько поддавался настроениям народной массы, сколько сам руководил народом. Не стремясь к власти неподобающими средствами, он не потворствовал гражданам, а мог, опираясь на свой авторитет, и резко возразить им. Когда он видел, что афиняне несвоевременно затевают слишком дерзкие планы, то умел своими речами внушить осторожность, а если они неразумно впадали в уныние, поднять их бодрость. По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина. Из преемников Перикла ни один не выдавался как государственный деятель среди других, но каждый стремился к первенству и поэтому был готов, потакая народу, пожертвовать даже государственными интересами⁵¹.

Из приведенного текста видно, что задача демагога заключалась не столько в том, чтобы вести толпу, сколько в том, чтобы поддаться ей, угодать ее желаниям. Историк в дальнейшем повествовании осуждает в основном Клеона, Алкивиада и кое-кого из своих врагов. Клеон толкает афинян на то, чтобы осудить на смерть мятежных жителей

Митилены, о чем они впоследствии пожалеют, и подстрекает их продолжать осаду лакедемонян в Пилосе⁵². Алкивиад же яростно поддерживает план экспедиции на Сицилию, опять-таки угождая афинянам, которым не терпится начать кампанию⁵³. Деятельность демагогов, впрочем, ограничивалась в основном концом V в. до н.э., временем Пелопоннесской войны: не считая нескольких эпизодов, Собрание никаких решений не принимало.

Кроме того, имелись реальные ограничения власти политических деятелей, что неудивительно, поскольку греческие полисы в целом весьма враждебно относились к личной власти. В первую очередь следует отметить законодательные ограничения для должностных лиц. Должность стратега вверялась на один год, и лишь немногие, как Перикл, занимали ее подолгу. Власть имущие строго контролировались Народным собранием и Советом. Перед вступлением в должности все они проходили докимасию, испытание не на профессиональную пригодность, но на гражданские добродетели, нравственное поведение, безупречность личной жизни. Во время их пребывания в должности один раз в каждую пританию поднятием рук проводилось голосование о доверии. Наконец, при уходе с должности они должны были представить счета: десять аудиторов, десять защитников и десять проверяющих во всех подробностях исследовали их расходы и новые доходы, что ограничивало, хотя и не исключало полностью, возможность обогатиться на государственной службе и растратить казенные деньги. Кроме того, власть политического деятеля кончалась, если народ отказывал ему в доверии.

Как можно было добиться такой известности, чтобы тебя слушали? Вначале политическим влиянием обладали только знатные роды. Если в V в. до н.э. положение вещей и изменилось, сделать карьеру в одиночку все равно было очень сложно. Как мы видели, никому не известный чело-

век мог взять слово в Собрании и выразить свое мнение, но расстояние от выступления до внесения проекта указа и тем более до того, чтобы обеспечить его принятие, оставалось труднопреодолимым. Желая пробиться в политике должен был вращаться в окружении какого-нибудь влиятельного лица, что в Афинах не представляло особого труда, принимая во внимание малое количество граждан. Можно было заговаривать с ораторами после заседания Собрания или на агоре. Если тот, чьего покровительства искали, считал новоприбывшего достаточно одаренным, он мог, чтобы помочь тому на первых порах, попросить его поддержать в Собрании какой-либо указ, который не считал нужным поддерживать сам.

Эти объединения вокруг видного деятеля не были партиями в современном понимании, и индивидуум значил много больше, чем группа. Группы влияния, собственно говоря, формировались для защиты той или иной политики, но эти клики появлялись и распадались, не становясь политическими ячейками, организованными вокруг некоторого количества популярных идей.

Оказавшись на виду, общественный деятель должен был поддерживать определенный образ. Ввиду того, что было сказано о недоверии как афинян, так и греков в целом к единоличной власти, необходимо прежде всего избегать внешних признаков роскоши и блеска: не может быть и речи о том, чтобы ездить на красивой повозке или проводить время в пиршествах. Перикл, добившись известности, вел себя, согласно Плутарху, так:

Сейчас же после этого Перикл переменял и весь свой образ жизни. В городе его видели идущим лишь по одной дороге — на площадь и в Совет. Он отказался от приглашений на обеды и от всех такого рода дружеских, коротких отношений, так что во время своей долгой политической деятельности он не ходил ни

к кому из друзей на обед; только когда женился его родственник Евриптолем, он пробыл на пире до возлияния и тотчас потом встал из-за стола⁵⁴.

Как пишет тот же автор, сходным образом вел себя и Никий:

Итак, опасаясь доносчиков, Никий избегал и общих трапез и бесед с согражданами, да и вообще был далек от подобного времяпрепровождения. Когда он бывал занят делами управления, то просиживал до поздней ночи в стратегии и уходил последним из Совета, придя туда первым, а когда общественных дел не было, он становился необщителен, неразговорчив и сидел у себя взаперти. Друзья Никия встречали посетителей в дверях и просили извинить его, так как, по их словам, он и дома занят какими-то необходимыми для государства делами⁵⁵.

Кроме того, у Никия был собственный представитель и «консультант по связям с общественностью» в лице некоего Гиерона:

Чаше всего участвовал в этой игре и окружал громкой славой имя Никия его воспитанник Гиерон... Этот Гиерон устраивал Никию тайные свидания с гадателями и распускал в народе слухи о непомерных трудах Никия, живущего исключительно интересами своего города. «И в бане, и за обедом, — говорил Гиерон, — его постоянно беспокоит какое-нибудь государственное дело; забросив в заботах об общественном благе свои собственные дела, он едва успевает лечь, когда другие уже крепко спят... А другие и друзей приобретают, и себя обогащают, благоденствуют на общественный счет и плюют на интересы государства»⁵⁶.

Разумеется, не все ради сохранения собственной репутации вели суровую жизнь, которую Плутарх приписыва-

ет Периклу или Никию. Однако карьера власть имущих была довольно хрупкой, и многие кончили изгнанием или разорением.

Заметно, что афинский политический деятель не вел для достижения известности предвыборной кампании в современном смысле слова. Ему следовало предпринимать шаги в двух направлениях: зарекомендовать себя перед влиятельным лицом и выступать в Собрании непосредственно перед согражданами. Он представлял не программу, а меры, которые можно было принять немедленно. Поскольку убеждение было сердцем системы, он использовал новую технику коммуникации, разработанную софистами, — риторику.

СОФИСТИКА И РИТОРИКА В АФИНАХ

В афинском полисе с его системой функционирования умение красноречиво изъясняться было основополагающим. Без него индивидуум не мог проявить себя, внести предложение в Собрании, сделать политическую карьеру. И софисты, которым пришла в голову мысль, что этому можно научить, восполнили тем самым зияющий пробел: ведь ни в Афинах, ни в прочих полисах не существовало ничего подобного высшему образованию. Окончив школу, где он зубрил наизусть отрывки из Гомера, занимался чтением, музыкой и гимнастикой, юный афинянин не имел возможности учиться дальше. Этим и объясняется появление и успех софистов, предоставивших современникам отсутствовавшую ступень обучения.

Увлечение софистами быстро вызвало в Афинах волну критики, направленной сначала на них самих, а затем и на риторику, как таковую. Их упрекали за то, что они учат за деньги. Софисты и впрямь брали за уроки дорого, а

Протагор или Горгий были весьма и весьма богаты. Им ставили в вину чересчур амбициозную программу, сулившую в кратчайший срок превратить любого в прекрасного оратора. Именно поэтому Исократ и Платон считали, что софисты уделяли недостаточно внимания личным способностям, с одной стороны, и упражнениям и труду — с другой. Их упрекали в том, что они дают лишь рецепты, приемы, лишённые всякого содержания⁵⁷. Самая ожесточенная критика звучала из уст Платона, который отвергал риторiku, как таковую, считая, что она не занимается правильным и истинным, но является пустой формой, опасной потому, что позволяет придать ложному силу истинного. Послушаем одну из многочисленных инвектив философа:

...им [софистам] привиделось, будто вместо истины надо больше почитать вероятность; силою своего слова они заставляют малое казаться большим, а большое — малым, новое умеют подать по-древнему, а противоположное — по-новому, они изобрели сжатость речей и беспредельную их пространность - по лобому предмету⁵⁸.

И все же маховик был запущен. Бок о бок со знаменитыми софистами существовали риторы второго порядка, бравшие за уроки куда дешевле. Открывались школы риторики; параллельно обучению и устным выступлениям множились тексты об ораторском искусстве. То были образцы отдельных частей публичной речи — введения, заключения, — речи целиком, технические трактаты, даже теоретические работы.

Возникло обыкновение публиковать уже произнесенные и переработанные, или даже фиктивные, речи. Исократ, к примеру, произнес в своей жизни одну-единственную судебную речь и проиграл дело, но получил широкую изве-

стность благодаря писанию вымышленных речей, то бишь примеров выступлений в суде, не имевших ни малейшего касательства к реальным делам, или политических речей, которые никогда не произносились. Все эти тексты сохранились; напротив, имеются лишь косвенные свидетельства о существовании небольших технических трактатов, по всей видимости, лекционных курсов преподавателей риторики или записей их учеников⁵⁹. Если верить Платону, таких книг было очень много:

Ф е д р. Об этом очень много говорится, Сократ, в книгах, написанных об искусстве речи.

С о к р а т. Хорошо, что ты напомнил. По-моему, сперва, в начале речи должно быть вступление. Это ты считаешь, не правда ли, изощренностью искусства?⁶⁰

Эти труды, отражающие последние нововведения в соответствующей области, быстро устаревали и заменялись более современными, что, возможно, является одной из причин, по которым они до нас не дошли⁶¹.

С Аристотелем родилась наконец настоящая теория речи. Возражая всем критиковавшим риторiku, он оправдывает ее изучение и использует аргументы, часть которых и сегодня можно было бы противопоставить хулителям искусства красноречия. Во-первых, говорит Аристотель, истинное более убедительно, чем ложное, поэтому если тяжущиеся, на чьей стороне правда, проигрывают, то только по причине собственной технической безграмотности: их неправые противники оказываются более искусными или более ловкими⁶². Если отправную точку и можно оспорить — поскольку истина, если таковая имеется, не несет в себе заряда доказательности, — последующее умозаключение весьма убедительно. Во-вторых, по мнению философа,

...если бы мы располагали даже самой точной научной истиной, вовсе не легко убеждать людей, составляя речь на ее основании, потому что речь на основе знания требует обучения всех слушателей, а это невозможно, и поэтому нужно создавать убедительность речи общепонятными средствами, как мы говорили это и в «Топике» относительно обращения ко множеству людей 63.

Иными словами, Аристотель признает, что речь необходимо принаравливать к аудитории: специалист должен уметь — и мочь — выражаться языком, понятным неспециалистам.

В-третьих, опять-таки согласно Аристотелю, следует предвидеть аргументацию противника, чтобы быть в силах ее опровергнуть. Наконец,

...если позорно быть не в состоянии помочь себе своим телом, тем более позорно бессилие помочь себе словом, ибо пользование словом более присуще человеку, чем пользование телом 64.

Аристотель полагает, что риторика не столько искусство убеждать, сколько искусство «в каждом данном случае находить существующие способы убеждения»⁶⁵. После такой преамбулы философ приступает к настоящей теории риторики, разбирать которую здесь не место: определению доказательств, средств убеждения, общих мест, различных видов речей.

Во всем этом виден явственный интерес к языку. Но афиняне, по крайней мере в сохранившихся текстах, пожалуй, куда меньше, чем римляне, уделяли внимание стилю речи и жестикуляции. Аристотель о них говорит всего несколько слов. Эсхин в речи против Тимарха ставит новым ораторам в упрек то, что они во всех смыслах возбуждаются, что противоречит сдержанности древних:

Обратите же внимание, граждане афиняне, насколько Солон и те мужи, о которых я упомянул немного ранее, отличались от Тимарха. Ведь они стыдились даже руку держать снаружи при выступлении, а этот не когда-то там раньше, а буквально на днях, сбросив плащ, голый, словно борец, бесновался в Народном собрании 66.

Однако из нескольких источников известно, что манера говорить была важна. Если Исократ не принимал участие в судебных процессах, то единственно по причине чрезмерной робости и слабого голоса. Что до Демосфена, то

...первое его выступление народ встретил недовольными выкриками и насмешками над нелепым построением речи: ее периоды казались запутанными, а доказательства — неестественными и натянутыми. К этому добавлялись некоторая слабость голоса, неясное произношение и прерывистое дыхание, создававшее паузы между периодами и затемнявшее смысл произносимого 67.

Встретив актера Сатира, который продекламировал ему отрывок то ли из Еврипида, то ли из Софокла,

убедившись, сколько красоты и изящества придает речи такая игра, он понял, что упражнения мало что дают или даже вовсе бесполезны тому, кто пренебрегает произношением и мастерством исполнения 68.

После этого Демосфен устроил себе под землей особое помещение, где ежедневно упражнялся в речи. Иногда он проводил там по два-три месяца подряд, наполовину обрив голову, чтобы не было соблазна показаться на люди⁶⁹. Кроме того,

невнятный, шепелявый выговор⁷⁰ он пытался исправить тем, что, набравши в рот камешков, старался ясно и отчетливо читать

отрывки из поэтов; голос укреплял тем, что разговаривал на бегу или, поднимаясь в гору, произносил, не переводя дыхания, стихи или какие-нибудь длинные фразы. Дома у него было большое зеркало, стоя перед которым он упражнялся в декламации⁷¹.

Можно также предположить, что логографы, отдавая речь тяжущемуся, учили его произносить подготовленный текст: как видно на примере Демосфена, это было необходимо для того, чтобы заставить себя слушать. Одним словом, существовало множество частных рекомендаций, но, насколько можно судить, ничто в данной области еще не было кодифицировано — возможно, потому, что не считалось достойным такой чести.

ДИФФАМАЦИЯ, АГИТАЦИЯ И ВЫРАЖЕНИЕ НЕДОВЕРИЯ

Как мы видели в главе о судах, в Афинах осуществлять прокурорский надзор мог любой гражданин. Кое-кто себе в этом не отказывал, и именно так образовался целый класс профессиональных обвинителей, сикофантов, которые в погоне за наживой зачастую прибегали к шантажу.

Происхождение их наименования, образованного от слова «смоква» (*sykori*) и корня со значением «показывать, обличать», было непонятно уже в древности. Согласно Плутарху, во времена Солона этим словом обозначали тех, кто доносил на вывозящих запрещенные к продаже за границу смоквы⁷². Больше ни в одном тексте, однако, о таком запрете не говорится. Современные комментаторы предпочитают думать, что сикофантами первоначально называли тех, кто указывал на смоквы в одеждах воришек⁷³ — короче говоря, обличителей хищений, и притом мелких, поскольку смоквы выращивались в изобилии и особой ценности не представляли⁷⁴.

В V в. до н.э. сикофанты кишмя кишели в Афинах. Вслушаемся в то, как в «Плутосе» Аристофана описывает сам себя сикофант, отвечая на вопросы, которые задает ему «честный человек»:

- Ты - гражданин примерный? — Как никто другой!
- Ответь тогда мне на вопросы. — Что тебе?
- Ты земледелец? — Разве я с ума сошел?
- Тогда купец? — Прикидываюсь им порой.
- Что ж? Ремеслу учился ты? — Клянусь, что нет.
- Так чем живешь ты, ничего не делая? — О всех делах — и частных и общественных — Забочусь я.
- Ты? А зачем? — Так хочется.
- Так в чем твоя примерность? Ненавидимый, Суешься ты, грабитель, не в свои дела!
- Ах ты, глупыш! Не должен ли заботиться По мере сил я о своем отечестве?
- Соваться всюду — значит ли заботиться?
- Да! Помогать законам установленным И преграждать пути их нарушителям!
- Не для того ли судьи в нашем городе Нарочно избраны? — А обвинитель кто?
- Кто пожелает. — Ну, так я — желающий!
- Настолько благо города мне дорого⁷⁵.

Но сикофанты не довольствовались обличением лихоимства и прочих противозаконных деяний. Они искали, иногда лихорадочно, кого бы им обвинить. На этот раз уже Демосфен рисует завораживающий портрет обвинителя Аристогитона:

Он проходит через рыночную площадь подобно змее или скорпиону, подняв жало, озираясь по сторонам и выбирая, кого бы оклеветать, кому бы причинить горе или какое-либо другое зло, кого ввергнуть в страх, у кого выманить деньги⁷⁶.

Как видно из текста, агора была одним из любимых мест сикофантов, а одним из применявшихся ими средств был роспуск слухов, правдивых или ложных, среди группок, заходящих на площадь или в близлежащие лавки: в этом случае они многократно повторяли свои обвинения перед ограниченным числом людей. Но были у них и другие способы действия. Они могли выступить в полный голос перед всеми в Собрании, либо формулируя обвинения, либо изрыгая ругательства против кого-либо. Могли они и возбуждать дела в суде.

Эти персонажи были зачастую шантажистами, чему в большой степени и были обязаны дурной репутацией, и продавали тем, кого преследовали, либо свое молчание на агоре или в Собрании, либо отказ от иска в суде. Демосфен хорошо показывает, как Аристогитон отозвал большую часть своих жалоб:

Вспомни, как он устроил обвинение против Гегемона и как он прекратил обвинение против Демада, вспомни, как он обвинил торговца оливами Агафона (это ведь дело недавнее), как он вопил и кричал «о горе, горе!», как делал все в Народном собрании, чтобы доказать, что Агафона необходимо-де подвергнуть пытке. Но, получив взятку, молчал, когда того оправдали в его присутствии⁷⁷.

Распространители слухов, сикофанты могли возбудить ложное обвинение с той же легкостью, что и обоснованное. Те, кого они разоблачали, вовсе не обязательно были виновны. Опять-таки Аристофан демонстрирует, как обвинители цеплялись к первому встречному:

Дик е о п о л ь . Вот кстати и Никарх идет на промысел.

Беотиец . Как мал он ростом!

Дик е о п о л ь . Весь дерьмо чистейшее.

Ник а р х . Чьи здесь товары?

Беотиец . Все мои, фиванские,

Свидетель Зевс.

Ник а р х . Я донесу, что прибыл ты

С военной контрабандой.

Бе о т и е ц . Ты сума сошел!

Ведь ты же воевать задумал с птицами.

Ник а р х . Ты тоже пострадаешь!

Беотиец . Что же сделал я?⁷⁸

Картина, разумеется, утрирована, что неудивительно, поскольку это отрывок из комедии. Но кому-то не хотелось, чтобы стало известно о его происхождении, кому-то - о его частной жизни. Сикофанты в некоторой степени исполняли роль нашей желтой прессы, с той лишь разницей, что в Афинах слух, пусть ложный, мог нанести чувствительный урон карьере государственных деятелей, строго контролировавшихся Народным собранием. Некоторые, боясь сикофантов, держались как можно незаметнее.

Сикофанты считались неизбежным злом афинской демократии, поскольку система в том виде, в каком она была задумана, требовала существования людей, не отягощенных угрызениями совести, для разоблачения злоупотреблений. Но многие из них воспользовались предоставившимися возможностями и ради денег стали разоблачать

все и вся. По крайней мере, все происходило открыто: когда в Народном собрании или в суде возбуждался процесс, граждане могли сказать свое слово. Знаменательно, что в периоды олигархического правления, коих в истории Афин было два, сикофанты исчезали. Их место занимали классические процедуры разоблачения, характерные для авторитарных режимов: утверждение в строжайшей тайне несколькими стоящими у власти лицами списков «виновных», которых затем самоуправно арестовывали и приговаривали к наказанию.

Если диффамация при наличии сикофантов была обычной практикой, агитация внутри полиса использовалась куда реже. Существовала она прежде всего в смутные времена афинской истории. В разгар Пелопоннесской войны, например, после Аргинусского морского сражения стратеги поручили триерархам Ферамену и Фрасибулу подобрать терпящих бедствие. Спасательным действиям помешала внезапно разразившаяся буря. По возвращении в Афины не кто-нибудь, а именно те, кому было дано задание подобрать выживших, предъявили флотоводцам обвинение. Тем пришлось предстать перед Народным собранием. Читателю представляется возможность увидеть, какие хитроумные махинации привели к их осуждению на смерть.

Прежде всего, им урезали предусмотренное законом время на защитительную речь⁷⁹. Им все же удалось сказать, что они поручили своим подчиненным подобрать пострадавших в бою, и когда народ уже готов был им поверить, разбор отложили до следующего Собрания⁸⁰. Тут-то Ферамен и подготовил неуклюжий маскарад:

Затем наступил праздник Апатурий, в который отцы и сородичи семейств сходятся вместе. На этом празднике пособники Ферамена убедили большую массу людей, одетых в черную траурную одежду и остриженных в знак траура наголо, чтобы они

СЛУЧАЙ АФИН

предстали перед народным собранием как сородичи убитых, а также склонили Калликсена к тому, чтобы он выступил в Совете с обвинением против стратегов 81.

Во время разбирательства в Собрании выступил свидетель, заявивший, что он спасся на бочке⁸² с мукой, а стратеги не исполнили свой долг⁸³. Калликсен, как и было задумано, обвинил стратегов и предложил голосовать за их осуждение списком, а не порознь, что было противозаконно⁸⁴; под давлением возбужденной толпы, обманутой театральным действием, пританы Совета уступили — все, кроме Сократа⁸⁵. После разных перипетий Собрание осудило стратегов на смерть.

По этому эпизоду видно, как легко было манипулировать экклезией с помощью лжесвидетелей, — ряженных и псевдоспасшихся, высосанного из пальца обвинения, организации незаконной судебной процедуры — смертного приговора огулом, отказа предоставить обычное время для защитительной речи. Афинский народ одурачила маленькая группка, и он раскаялся в своем решении, но слишком поздно⁸⁶.

Если агитация и пропаганда внутри Афин не играла особой роли, она существовала в отношении других полисов: скажем, мы видели эффектное дефиле приносящих дань во время театральных представлений, призванное показать всей Греции могущество великого города.

Как же, наконец, обстояло дело с цензурой? Поскольку переписывание произведений было результатом разрозненных индивидуальных усилий, не регулируемых никаким специальным органом, предварительной цензуры не существовало. Согласно дошедшим до нас текстам, свобода слова осуществлялась в весьма широких пределах и касалась прежде всего комедии. Там критика и политическая сатира были делом привычным: Аристофан выставляет на

посмешище самых видных общественных деятелей, например стратега Клеона, «перед которым несчастный народ пускает со страху ветры^{87 88}». Во «Всадниках» предводитель хора (точнее, полухория) приказывает колбаснику, который заменит Клеона, бить его:

**Бейте, бейте негодяя, коневредного слепня,
Ненасытную Харибду, живоглота-паука!
Негодяя, негодяя! Дважды, трижды повторю:
Ведь не просто негодяй он, - дважды, трижды негодяй⁸⁹.**

И далее:

**Мерзкий, ненавистнейший, бесстыднейший
Крикун! Твоих дерзких дел
Белый свет полон весь, полон Пникс.
Все суды, все ряды,
Лавки все, рынки все.
Пугало горластое!
Город возмутил ты наш.
Все перевернул вверх дном.
Ты ведь светлые Афины ревом оглушил своим,
Дань союзников, как рыбу, стережешь ты со скалы⁹⁰.**

Одним словом, слов Аристофан не выбирает. Достается от него и современникам-интеллектуалам: Сократ в «Облаках» изображен комичным персонажем, которого окружают «негодяи бледнорожие, / Бахвалы, плуты, нечисть босоногая»⁹¹. В конце пьесы школа, придуманная для него комедиографом, его «мыслильня», сгорает вместе с ним, и все этому радуются. Не было в Афинах и нравственной цензуры: комедии того же Аристофана избилуют самыми разнообразными грубыми словечками.

Тем не менее известно три случая цензуры по отношению к Анаксагору, Протагору и Сократу. Первый, согласно

Диогену Лаэртию, передающему, в свою очередь, рассказ Сатира⁹², был обвинен с Клеоном в нечестии за то, что называл солнце раскаленной глыбой. Дело, однако, смахивает скорее на политическую месть, чем на настоящую цензуру: Анаксагор был близок к Периклу, врагу Клеона. Что же касается Протагора, его якобы осудили за один из его трудов, начало которого приводит Диоген Лаэртий:

«О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует такому знанию, — и вопрос темен, и людская жизнь коротка». За такое начало афиняне изгнали его из города, а книги его сожгли на площади, через глашатая отобрав их у всех, кто имел⁹³.

Позже, согласно тому же автору, Протагор был якобы обвинен Пифодором, одним из Четырехсот правителей⁹⁴, но сегодня ученые считают всю эту традицию легендарной⁹⁵.

Куда более серьезен случай Сократа. Даже если он ничего не написал, процесс над ним и вынесенный в 399 г. до н.э. приговор равнозначны цензуре того, что представляло собой его обучение в течение более чем двадцати лет. И осудили его не при олигархическом правлении, но, напротив, когда демократия была восстановлена.

Как и на любом суде, против Сократа выступали обвинители — Анит, Мелет и Ликон. Подлецами они не были, и двигала ими не личная месть. Этот печальный эпизод объясняется исключительно историческими обстоятельствами. Афины выходили из двадцатисемилетней гражданской войны, по окончании которой лишились могущества и славы. В моду вновь вошли древние ценности, и интеллектуалов, подвизавшихся в городе со второй половины V в. до н.э., сочли ответственными за нынешний упадок. Особенно досталось софистам. Сократ к их числу не принадлежал, но его к ним приравнивали. Упрекали его в первую

очередь в том, что он своим обучением развратил юношество, что и привело к поражению. Текст жалобы Мелета лаконичен:

Сократ... преступает закон тем, что развращает молодых людей и богов, которых признает город, не признает, а признает другие, новые божественные знамена. Требую для него смертного приговора⁹⁶.

Сократ, кроме того, был хорошо знаком с врагами существовавшего порядка, аристократами, которые хотели после поражения уничтожить демократию, такими, как Критий или Хармид. И потом, как хорошо показал Мозес Финли, нападки Аристофана в такой пьесе, как «Облака», пусть и поставленной за двадцать четыре года до описываемых событий, тоже сыграли свою роль в формировании образа философа⁹⁷. Без совместной инициативы Анита, Мелета и Ликона, руководствовавшихся неизвестными нам побуждениями, его могли бы и не обвинить; однако его могли бы и не осудить: из 501 судьи 281 счел его виновным, а 220 высказались за оправдание.

Суд над Сократом, пусть он и является единичным случаем, остается одной из осечек афинской демократии, и в древности имел большое символическое значение. Чтение таких диалогов, как «Федон» или «Критон» показывает, как отозвалось его осуждение в других греческих полисах. Так трагедия индивидуума приводит нас к общей проблеме — обмену информацией между полисами.

КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ПОЛИСАМИ

Маленькие самостоятельные полисы были частью одного целого, Греции, и часто сносились между собой. В каждой области говорили на особом диалекте, но особых проблем для взаимопонимания это не создавало. Акцент собеседника определялся легко, но общению не мешал. Какими же были отношения между полисами? С одной стороны, происходил обмен людьми и информацией, которым мы займемся в первую очередь. С другой — маленькие государства ради торговых и военных нужд стремились к объединению в рамках различных структур. Возможны ли были такие союзы? Именно в этом и заключалась одна из самых острых проблем коммуникации в Греции.

СРЕДСТВА И ПУТИ КОММУНИКАЦИИ

У грека, пожелавшего отправиться из одного полиса в другой, было в зависимости от места, где он находился, и расстояния, которое должен был покрыть, две возможности: путешествие по суше и морское плавание.

Дорожная сеть и средства передвижения

Для путешествия из полиса в полис можно было использовать сеть дорог. Последние, впрочем, часто пред-

ставляли собой тропки, плохо приспособленные для повозок, и передвигаться по ним было предпочтительнее пешком. Страбон признает бесспорное превосходство римлян над греками в этом отношении:

...если греки при основании городов особенно удачно достигали цели стремлением к красоте, неприступности, наличию гаваней и плодородной почвы, то римляне как раз заботились о том, на что греки не обращали внимания: о постройке дорог, водопроводов, клоак... Они построили также дороги по стране, срывая холмы и устраивая насыпи в лощинах, так что их повозки могут принимать грузы купеческих судов¹.

Нельзя отрицать, что очертания Греции, часть территории которой занимают горы, затрудняют передвижение из пункта в пункт. Дороги, впрочем, редко пересекали горные районы, а когда это происходило, они превращались в тропинки на склонах гор, иногда с вырубленными прямо в скале ступеньками². Но по большей части они обходили горы и пролегли по долинам рек или вдоль морских берегов, следуя хотя и окольными, но во всех отношениях более удобными путями. Этим объясняется тот факт, что еще в IV в. до н.э. путешествие из Афин в Олимпию — на расстояние 324 километров — считалось настоящим походом. Сократу, согласно Ксенофону, пришлось обнадеживать человека, опасавшегося пускаться в такое предприятие:

Что ты боишься этого путешествия? — спросил Сократ. — Разве ты и дома не гуляешь почти целый день? И во время пути туда ты, прогулявшись, пообедаешь; прогулявшись, поужинаешь и отдохнешь. Разве ты не понимаешь, что если бы ты растянул в одну линию свои прогулки в течение пяти или шести дней, то ты легко дошел бы из Афин в Олимпию?³

На таких дорогах повозкам было трудно разъехаться. Здесь необходимо упомянуть хорошо известный эпизод из греческой мифологии, когда Эдип убивает на перекрестке человека, который, как он слишком поздно узнает, окажется его отцом⁴:

**Когда пришел я к встрече трех дорог,
Глашатай и старик, как ты сказала,
В повозке, запряженной лошадьми,
Мне встретились. Возница и старик
Меня сгонять с дороги стали силой.
Тогда возницу, что толкал меня,
Ударил я в сердцах. Старик меж тем,
Как только поравнялся я с повозкой,
Меня стрекалом в темя поразил.
С лихвой им оплатил я. В тот же миг
Старик, моей дубиной пораженный,
Упал, свалившись наземь, из повозки.
И всех я умервил...⁵**

Текст, даже при том, что действие происходит в глубокой древности, отражает реальность, знакомую грекам классического периода, во всяком случае, по части сложности, связанных с попыткой разойтись на узкой дороге. Об узости дорог говорят и другие античные авторы: еще во II в. н.э. Павсаний, заядлый путешественник, упоминает, что дорога, по которой он шел по холмам, была «вследствие своей узости недоступна для проезда на телегах»⁶. Даже главная дорога, ведущая в Дельфы, становилась, по мере приближения к городу, «более тяжелой даже для пешехода налегке»⁷.

Только большие дороги к главным религиозным центрам Греции, вроде Элевсина, поддерживались в порядке и по возможности проходимыми для повозок, поскольку

именно на них во время религиозных шествий должны были передвигаться женщины. Элевсин, к примеру, в классическую эпоху был связан с Афинами удобной дорожной сетью. Павсаний пишет, что главную из этих дорог, называемую священной, украшали разные памятники, в основном гробницы или святилища⁸. Другие очень древние дороги вели из Афин в Олимпию и Дельфы. В последний город, ввиду его географического положения, было особенно трудно добраться. В порядке поддерживались и дороги, по которым свозили с гор в город или порты древесину для погрузки на суда, так же, как и любые подъезды к портам.

На лучше всего обустроенных дорогах предусматривались усовершенствования для удобства проезда или разъезда повозок: в земле пролагали колеи глубиной в несколько сантиметров, чтобы сделать менее опасной езду по обнажающимся скалам. Для разъезда повозок устраивали иногда две параллельных дороги или, если дорога была одна, специальные расширения в отдельных местах.

Остановить путешественника могло и то обстоятельство, что дороги далеко не всегда были безопасны⁹, что хорошо засвидетельствовано для архаической эпохи¹⁰. Тезей, который, согласно Плутарху¹⁰, пешком прошел путь из Трезены в Афины, встретил четырех противников, наводивших страх на путешественников: Перифета¹¹, вооруженного палицей, Сенида, «сгибателя сосен»¹¹, Кроммионскую дикую свинью, «опасного и злого зверя, с которым было трудно справиться», и разбойника Скирона¹². Еще в классическую эпоху о некоторых народах говорили, что они живут грабежом.

Если дороги позволяли, путешественник мог ехать в повозке, но в большинстве случаев, принимая во внимание состояние путей сообщения, передвижение пешком оказывалось предпочтительнее. В целом расстояния были не столь уж большими, и можно было пересечь всю Грецию, от моря до моря, за несколько дней. В путь отправлялись

с узелком на плече или в сопровождении одного-двух рабов и вьючных животных, ослов или мулов, для перевозки багажа. Реже греки путешествовали верхом на ослах и мулах, еще реже — в носилках, которые в их глазах были прискорбным свидетельством чванливости: Демосфен многих шокировал, отправившись в таком экипаже из Афин в Пирей. При переходах сложно было найти затененные места или укрыться от солнца. Вечеру останавливались в чистом поле, просились на ночлег в какой-нибудь дом или харчевню, которая, судя по всему, могла оказаться и весьма низкопробной. Так, Дионис, отправляющийся в преисподнюю, спрашивает Геракла, где ему найти «бардачки, гостиницы — / Там, где клопов поменьше»¹³.

Кто же ремонтировал дороги? Каждое государство заботилось о тех из них, что проходили по его территории. Но Греция была разделена на множество маленьких полисов, у которых не было достаточных средств для поддержания дорог в таком состоянии, в каком находились персидские, а позже римские пути сообщения. Постоянные войны между соседними государствами тем более не способствовали созданию сколько-нибудь протяженной дорожной сети. Кроме того, немногочисленные греческие войска могли двигаться по небольшим дорогам или горным тропам. Большую часть груза, особенно личные вещи, несли сопровождавшие воинов рабы, так что армии были в состоянии пройти всюду, а ведь известно, что движущей силой строительства дорог в великих империях была необходимость переброски крупных армий.

Морские пути и суда

Хотя сухопутное сообщение и было интенсивным, греки, несмотря ни на что, предпочитали перемещаться по морю. Очертания берегов, близость островов Эгейского

моря, образывавших почти что мост между Грецией и Малой Азией, делали морские путешествия более легкими.

Важность кораблей подчеркивается с самых первых текстов: именно мощный флот позволил грекам предпринять поход против Трои, и Гомер в подробностях описывает их суда. Это легкие десяти- или двадцатипятивесельные корабли длиной, соответственно, примерно двенадцать или двадцать семь метров. Палуб у них нет, и они настолько легки, что Улисс, только что поспешно отплывший от острова Циклопов, но отброшенный к берегу волнами, поднятыми утесом, который метнул Полифем, направляет корабль обратно в море одним взмахом весла¹⁴. Они описаны черными, просмоленными, с цветными носами. Ходили на них либо на веслах, либо, если ветер благоприятствовал, под единственным большим парусом.

Постепенно появлялись нововведения. Увеличивались размеры и водоизмещение судов, они становились разнообразнее. Основным изобретением рубежа архаического и классического периодов была триера — корабль с тремя рядами весел, мощный, легкий и быстрый. Когда были задействованы все три яруса весел, триера развивала скорость до семи узлов, что делало ее самым совершенным кораблем классической эпохи.

Триера была прежде всего боевым кораблем, предназначенным для морских сражений, но не только: ее можно было использовать и для переброски войск или коней. Она сопровождала торговые суда, защищая их от врагов и пиратов. Наконец, благодаря скоростным качествам триеры ее использовали для передачи известий и как средство передвижения важных лиц: именно эту роль исполняли «Парал» и «Саламиния», самые быстроходные корабли афинского флота. Однако из-за недостатка места и слишком легкого корпуса триера не годилась для перевозки товаров, которые доставляли на крупных судах с одним парусом,

средней вместимостью в двадцать четыре тонны¹⁵, а также на судах меньшего тоннажа.

Крупные военные и торговые корабли предпочитали каботажное плавание: на борту не хватало места для запасов воды и продовольствия, да и команда предпочитала ночлег на земле сну в неудобном трюме. Корабль вытаскивали на берег или, если до того было трудно добраться, бросали на мелком и укрытом от стихии месте каменный якорь. Небольшие же суда, не колеблясь, шли в открытое море, при каждом удобном случае приставая к многочисленным островам Эгейского моря.

Как греческие мореплаватели определяли свое местоположение? Днем приходилось полагаться на береговые ориентиры, направление ветров и собственное чутье; задача упростилась к середине IV в. до н.э., с появлением первого «перипла» (лоции), составленного географом Скилаком. В нем описывались контуры Средиземного моря, очертания берегов, расстояния, названия портов и рек. Ночью ориентировались по звездам. Вдоль берегов существовала световая сигнализация: сначала простейшая, в виде костров, зажигавшихся на прибрежных мысах, затем в виде башен при входе в порт, на вершинах которых горел огонь. В эллинистическую эпоху на острове Фарос — откуда французское *phare* (маяк) * — был сооружен Александрийский маяк, куда более внушительный, чем существовавшие прежде башни, — трехэтажный, высотой 120 метров¹⁶.

Круглогодичная навигация была невозможна: с поздней осени до весны морские перевозки сводились до минимума. В море выходили только суда, перевозившие продукты первой необходимости, и военные корабли: так, Фукидид упоминает о зимних морских переходах во время Пелопоннесской войны¹⁷. Но то были все-таки чрезвычайные случаи. Основным препятствием мореплаванию в пло-

* Ср. также русское «фара». - Прим. пер.

хую погоду, помимо ветров, была плохая видимость, тогда как компасы и надежные морские карты в то время отсутствовали.

Отправиться в море означало отдаться на волю ветров: если попутного ветра не было, мореплавателям приходилось сидеть на одном месте по многу дней, и даже целые месяцы... Именно противные ветры, мешавшие отплыть под Трою, вынудили Агамемнона принести, по приказу Артемиды, в жертву свою дочь Ифигению. В «Агамемноне» Эсхила хор старейшин Микен, родины царя царей, описывает ожидание на берегах Авлиды:

А отплыть ахейцам не давал
 Встречный ветер. Голод стал томить
 Воинство, засевшее в Авлиде,
 У стены дыбящихся валов.
 Потянули ветры от Стримона,
 Голодом, досугом, беспокойством
 Изводя людей.
 С якорей суда срывала буря,
 Что ни день, то новая помеха,¹⁸
 Изошел тоскою цвет аргосский¹⁸.

Если налетает буря, нужно скорее пристать к любому ближайшему берегу¹⁹. Очевидно, что скорость плавания в большой степени зависела от ветров: она составляла от четырех до шести узлов при попутном ветре до примерно двух узлов при встречном. Время плавания туда и обратно сильно разнилось, но, несмотря ни на что, можно было подсчитать средние цифры: примерно три недели на то, чтобы сходить в Египет или Крым и обратно, две недели на путешествие на Сицилию.

Как же перемещались обычные путешественники? Для коротких маршрутов существовала система челночных перевозок: Эсхин, скажем, упоминает регулярное пасса-

жирское сообщение между Саламином и Пиреем²⁰. Платон в «Горгии» тоже говорит о перевозке пассажиров между Афинами и Эгиной в словах, которые заставляют думать о челночной системе, где проезд стоил два обола²¹.

Если речь шла о более далеких расстояниях, нужно было нанимать торговые суда: количество путешественников было недостаточным для того, чтобы оправдать строительство и эксплуатацию специализированных пассажирских судов. Отъезжающему, соответственно, приходилось терпеть неприспособленность корабля, отклонения от курса, задержки, иногда испытывать на себе коварство кормчего. Свидетельство последнего — несчастье, приключившееся с Арионом. Знаменитый поэт и музыкант, он хотел вернуться из Италии, где сколотил состояние, в Коринф, город, где он жил постоянно:

Он отправился в путь из Таранта и, так как никому не доверял больше коринфян, нанял корабль у коринфских мореходов. А корабельщики задумали [злое дело]: в открытом море выбросить Ариона в море и завладеть его сокровищами. Арион же, догадавшись об их умысле, стал умолять сохранить ему жизнь, предлагая отдать все свои сокровища. Однако ему не удалось смягчить корабельщиков. Они велели Ариону либо самому лишиться себя жизни, чтобы быть погребенным в земле, либо сейчас же броситься в море. В таком отчаянном положении Арион все же упрямился корабельщиков (раз уж таково их решение) по крайней мере позволить ему спеть в полном наряде певца, став на скамью гребцов. Он обещал, что, пропев свою песнь, сам лишит себя жизни²².

Ариона, по легенде, подхватил на спину дельфин, который доставил его к берегам Греции, где кифаред привел в смятение коринфских корабельщиков.

Одной из самых грозных опасностей на море были наводнявшие моря пираты, с которыми удалось покончить только в римскую эпоху, усилиями Помпея и Цезаря. Пи-

ратство хотя и внушало страх, считалось в древности ремеслом среди прочих. Улисс, высадившись на Итаке после двадцати лет войны и скитаний по морям, не хочет, чтобы его сразу узнали, и выдумывает себе другую жизнь, представляясь как раз пиратом²⁵.

Пираты занимались в основном торговлей рабами, которых они захватывали больше при набегах на прибрежные районы, чем в открытом море, поэтому население, стремясь избежать этого бича, вначале селилось подальше от берегов.

Гонцы и посланники

Заходила ли речь о передаче сведений или о переговорах с другим полисом, возникала необходимость в людском посредстве. Обмен письмами производился через одно и то же лицо, которое передавало отправителю первого письма устный или письменный ответ. Кем же были эти лица, гонцами или посланниками? Как первые передавали хранимую ими информацию? Как вторые вели переговоры?

Гонцы

Договоримся различать два типа информаторов: те, кто, не будучи никем уполномочены, распространяют услышанную ими новость или рассказ о событии, при котором присутствовали, и те, кого уполномочил полис или частное лицо, выполняющие эксплицитно порученное им дело.

Естественно, участники того или иного события чаще всего отчитываются о нем в своем городе. Когда Эдип, сын и убийца Лая, царя Фив, еще не подозревая об этом, хочет

знать, как тот погиб, он инстинктивно спрашивает, не присутствовал ли при трагедии кто-нибудь, попутчик или гонец, кто мог бы поведать о ней фиванцам²⁴. При вооруженном столкновении об исходе сражений обычно сообщает полису стратег или кто-то из его заместителей²⁵.

Информатор может быть сторонним наблюдателем, лично не участвовавшим в событиях, но знающим о них достаточно, чтобы рассказать в своем городе о новостях другого полиса. Практически всегда, когда затевается что-то важное, на месте оказывается некто, передающий собранную информацию соотечественникам. Когда афиняне во время Пелопоннесской войны решают напасть на Митилену²⁶ и избирают для этого день, когда все обитатели города выходят за его стены на празднество, то, несмотря на все предосторожности, происходит «утечка»:

Однако какой-то человек из Афин предупредил митиленцев о выходе эскадры. Он переправился на Эвбею и по суше прибыл в Герест. Здесь он нашел выходящий в море грузовой корабль и, продолжая на нем путешествие, на третий день прибыл из Афин в Митилену и сообщил о приближении афинской эскадры²⁷.

Здесь мы имеем дело с анонимом, о котором ничего не сообщается. Многих информаторов, однако, можно отождествить. Так, важным источником сведений были многочисленные купцы, бороздившие моря: например, торговцы, имевшие дело с Десятью тысячами, узнали, что Ксенофонт планирует расквартировать свои войска по берегам Черного моря, и сообщили об этом в свои города²⁸. Ликург повествует, что некто Леократ сеял лживые слухи среди сограждан*, «которые, бывая по своим делам во всех

* На самом деле, согласно Ликургу, — среди родосцев и проживавших на Родосе купцов. Ввести самих афинян в заблуждение относительно положения в Афинах было бы затруднительно. — *Прим. пер.*

странах, в свою очередь рассказывали о нашем городе то, что они слышали от Леократа»²⁹. «Парал» и «Саламиния», уже упомянутые священные корабли, доставлявшие афинских представителей на празднества в Дельфах, Олимпии или Делосе, были одновременно бесценными средствами передачи информации³⁰.

Помимо этих категорий информаторов существовали люди, передававшие новости в надежде получить мзду: такое часто встречается в трагедиях.

Чтобы получить вознаграждение, нужно было принести хорошую новость или, по крайней мере, такую, которая могла бы удовлетворить заинтересованное лицо. Носители дурных вестей отдавали себе отчет в том, что задача их неблагодарна и риск столкнуться с плохим приемом очень велик. Именно это отражают фаталистические слова стражника из Софокловой «Антигоны», которому поручают сообщить царю, что, вопреки его приказу, Полиник был погребен:

На эту долю я судьбою послан.

Явился я незванным, не охотой:

Не мил гонец с известием плохим³¹.

В исключительных случаях принесшего горестные вести ждала смерть. Геродот в V книге «Истории» рассказывает об ужасной участи единственного оставшегося в живых афинского участника кровавой стычки между афинянами и эгинцами. Когда он прибыл в Афины с известием о несчастье, жены погибших кинулись на него и до смерти искололи несчастного застегками одежд³².

Все такого рода гонцы — «любители», сообщающие важную весть единственный раз в жизни, но наряду со спонтанной информацией существует и другая, организованная и контролируемая, которую распространяют глашатаи и гонцы (*angeloi*). И те и другие суть просто каналы

этой информации. Различие между двумя категориями посланников в греческих текстах не всегда проводится четко: чаще всего, глашатаи — официальные информаторы, уполномоченные государством или общественным органом, что не обязательно для гонцов.

От глашатаев и гонцов ждали, что они повторят слово в слово то, что им поручено сказать, и они явно выучивали послание наизусть. Горе тому, кто осмеливался изменить доверенное ему сообщение: упоминаемые Геродотом послы, решившие говорить по-своему, подверглись суровому осуждению сограждан³³.

Глашатаи во время Гомера играли важную роль и пользовались высоким авторитетом, что в классическую эпоху случалось далеко не всегда. Единственная оставшаяся у них к тому времени законная привилегия — неприкосновенность; с древних пор никто не смел напасть на глашатая, тогда как простой гонец или даже посол не мог чувствовать себя в безопасности.

Не считая этого преимущества, которым пользовались только глашатаи, к официальным вестникам в полисе относились, скорее, плохо: то были второстепенные персонажи, что неудивительно, принимая во внимание роль слова в греческом полисе. Тот, кто мог лишь повторять чужие слова или приказы, не считался причастным главному достижению индивидуума, а именно свободной, искусно построенной речи. Иногда гонцам так мало доверяли, что давали им письменный текст в подкрепление слов. В этом отношении знаменательна приводимая Фукидидом мысль Никия. Последний, завязнув в тяжелом сицилийском походе, хотел связаться с Афинами, но

опасаясь, что посланцы то ли по неумению говорить, то ли еще и по забывчивости или, наконец, в угоду толпе, могут неверно изобразить положение, Никий отправил письменное донесение: он рассчитывал, что в этом случае афиняне, узнав его подлинное

мнение, не искаженное при передаче, смогут лучше всего обсудить истинное положение дел 34.

Чтобы новость дошла вовремя, важно, чтобы гонец передвигался быстро: еще с Гомера этому качеству посланцев, как людских, так и божественных, уделялось особое внимание. Зевс отправляет с вестью «Ириду крылатую»³⁵, Евмей говорит Телемаху о «быстром» посланце 36 и т.п. В классическую эпоху эта тема становится общим местом, и гонцов часто описывают спешащими 37, поспешно шагающими³⁸ или бегущими³⁹. В «Птицах» Аристофана гонец прибывает настолько запыхавшимся, что не может без запинки спросить, где находится тот, к кому он послан:

**Ку-ку-ку-ку-ку-ку-куда пошел
Начальник Писфетер? 40**

Знаменитого марафонского бегуна упоминают Геродот и Лукиан: согласно историку, перед самой Марафонской битвой, в 490 г. до н.э., афинские стратеги послали к лакедемонянам некоего Филиппида*, чтобы как можно скорее призвать тех на подмогу. Гонец якобы покрыл расстояние от Афин до Спарты, 220 километров, за одни сутки⁴¹. Эта версия, рассказанная вскоре после описываемых событий, заслуживает наибольшего доверия. Пятью веками позже Лукиан поведал куда более известную в наши дни, но явно выдуманную с начала и до конца историю: Филиппид якобы умер, возвещая афинянам о победе под Марафоном, пробежав перед этим почти сорок три километра, отделяющие Марафон от Афин⁴². Если в рассказе Лукиана достижение не столь значимо — 42,95 км вместо 220, — оно воспринимается ярче как потому, что гонец сообщает важ-

* На самом деле у Геродота этот персонаж назван Фидиппидом. Форма «Филиппид» приведена у Лукиана. — *Прим. пер.*

ную весть, так и потому, что он умирает с этой вестью на устах. Неудивительно, что в памяти людей осталась именно выдуманная версия, давшая впоследствии название марафонскому бегу.

По самым разным причинам — плохая погода, трудности с транспортом, лень гонца — весть могла запоздать. Поскольку путешествия совершались чаще всего морем, их продолжительность зависела от ветров и климатических условий. Фукидид жалуется, что зимой связь между Афинами и Сицилией практически прерывалась. Иногда такая ненадежность сообщения оказывалась во благо: историограф Пелопоннесской войны рассказывает в третьей книге, что после захвата восставшей Митилены афиняне в Народном собрании решили казнить всех ее обитателей и отправили триеру с соответствующим приказом к своим войскам на Лесбосе⁴³. На следующий день они одумались, пересмотрели решение и, сочтя его слишком жестоким, отправили в Митилену другой корабль с отменой прежнего приказа⁴⁴. Аргюги было мало шансов на то, что вторая триера, отправившаяся днем позже, доберется до места назначения раньше первой. Тем не менее благоприятные погодные условия и необычайная ретивость экипажа сотворили чудо:

Митиленские послы приготовили запасы вина и ячменной муки для экипажа триеры и обещали гребцам щедрую награду, если те придут на остров раньше первого корабля. Поэтому афинские гребцы выказали во время плавания такое рвение, что питались во время гребли ячменной мукой, замешанной на вине и масле, и пока одни спали, другие гребли. На счастье в море совсем не было противного ветра, а первая триера не торопилась передать свой смертоносный приказ. Как ни спешила вторая, первая все-таки опередила ее настолько, что Пахет успел прочесть решение Народного собрания и собирался уже выполнить приказ, когда прибыла вторая и спасла город⁴⁵.

Фукидид далее справедливо замечает, что жители Митилены находились на волосок от гибели.

Известие могли и намеренно перехватить лазутчики или выследившие гонца враги. Для защиты от такой формы шпионажа существовали самые разные уловки. Один из наиболее известных способов — применявшаяся спартиатами тайнопись скитала, хорошо описанная Плутархом:

Вот что такое скитала. Отправляя к месту службы начальника флота или сухопутного войска, эфоры берут две круглые палки совершенно одинаковой длины и толщины. Одну они оставляют себе, другую передают отъезжающему. Эти палки и называют скиталами. Когда эфорам нужно сообщить какую-нибудь важную тайну, они вырезают длинную и узкую, вроде ремня, полосу папируса, наматывают ее на свою скиталу, не оставляя на ней ни одного промежутка, так чтобы вся поверхность палки была охвачена этой полосой. Затем, оставляя папирус на скитале в том виде, как он есть, они пишут на нем то, что нужно, а написав, снимают полосу и без палки отправляют ее военачальнику. Так как буквы на ней стоят без всякой связи, но разбросаны в беспорядке, прочитать написанное он может, только взяв свою скиталу и намотав на нее вырезанную полосу, располагая ее извивы в прежнем порядке, чтобы,водя глазами вокруг палки и переходя от предыдущего к последующему, иметь перед собой связанное сообщение. Полоса папируса называется, как и деревянная палка, скиталой...⁴⁶

Были и другие хитроумные приспособления, призванные зашифровать послание, но все они — по крайней мере, в классическую эпоху — оставались изолированными случаями. Большинство их приводится Геродотом, часто в контексте того, что некий грек, находясь в руках у персов (или под их наблюдением), хочет передать послание в свой родной полис. Так Гистией, находясь в Сузах, собирался отправить Аристагору, правителю Милета, послание с призывом

к ионийским городам восстать против великого царя. Поскольку дороги тщательно охраняли, ему оставалось только прибегнуть к хитрости...

Тогда Гистией велел обрить голову своему верному слуге, наколот на голове татуировкой знаки, а затем, подождав, пока волосы отрастут, отослал его в Милет... Гистией дал слуге только одно поручение: прибыв в Милет, просить Аристагора обрить ему волосы и осмотреть голову⁴⁷.

Спартанец Демарат, тоже находившийся в Сузах, намеревался сообщить своим согражданам, что Ксеркс готовит поход против Греции. Он взял табличку для письма, соскоблил с нее воск, вырезал письмо на дереве, потом снова залил написанное воском⁴⁸. Тот же Геродот сообщает о посланиях, вложенных в живот убитого зайца⁴⁹ или обернутых вокруг стрелы⁵⁰.

Во всех приведенных примерах послание пишут на понятном языке и просто прячут. Только случай со скиталой несколько сложнее, поскольку предполагает договоренность между тем, кто посылает информацию, и тем, кто ее получает. Но в классическую эпоху еще не существует настоящего зашифрованных донесений, для которых отправитель и адресат вырабатывают общий код, применяющийся и при написании, и при дешифровке⁵¹. Только Эней Тактик в IV в. до н.э. приводит два примера зашифрованной информации, но это, возможно, просто вымысел, не имеющий никакого отношения к реальной действительности⁵². В одном случае речь идет о куске дерева, в котором просверлены двадцать четыре дырки, соответствующие по порядку двадцати четырем буквам алфавита. Чтобы написать слово, в дыры, обозначающие нужные буквы, продевается нить⁵³. Надо полагать, в таких условиях передать длинное послание трудно... Второе изобретение состо-

ит в том, что кодируются только гласные, каждая из которых заменяется определенным количеством точек, соответствующим ее месту в алфавите: так, альфе соответствует одна точка, эpsilon — две и т.п. Согласные остаются неизменными⁵⁴.

Вернемся к проблемам и приключениям, с которыми могли столкнуться гонцы с незашифрованными посланиями. В некоторых случаях — надо признать, редких — письма перехватывают ненамеренно. Плутарх рассказывает на этот счет анекдот, который, благодаря его комичности, стоит привести целиком.

Что же касается гонца, отправленного Тимократом, с ним произошло необычайное приключение. Пройдя Италию и земли Регия, он спешил в Кавлонию, где находился Дионисий, когда ему встретился один из его друзей, несший только что заколотую жертву; получив кусок жертвенного мяса, он отправился дальше. Но поскольку он шел часть ночи, усталость сморила его, и он прилег в лесу у дороги. Подкрался привлеченный запахом волк, схватил мясо, привязанное к сумке, и убежал, унося и сумку с письмом. Когда тот, проснувшись, заметил пропажу, он долго бродил по окрестностям, ища письмо, но ничего не нашел. Тогда он решил не идти дальше, боясь предстать перед тираном без письма, но бежать и скрыться⁵⁵.

Если информация доходила до места назначения, адресат мог и не поверить ей — например, потому, что не доверял ее источнику. Среди упоминавшихся выше информаторов некоторые заведомо считались более надежными: официальные гонцы, два священных корабля, а также частные лица, если они были известны и пользовались доверием. Напротив, наблюдалась тенденция остерегаться торговцев и неизвестных источников — первых потому, что (ложное) объявление о катастрофе могло вздуть цены на

их товары. Что же касается вторых, то им тем более не верили, если они приносили дурную весть, в которую народ отказывался верить. Знаменателен в этом отношении другой текст Плутарха, где речь идет о поражении в Сицилии, весть о котором пришла однажды в Афины.

В Афинах, как рассказывают, не поверили вести о беде, главным образом из-за того, кто эту весть принес. По-видимому, какой-то чужеземец сошел на берег в Пирее и, сидя у цирюльника, заговорил о случившемся, как о чем-то для афинян хорошо известном. Выслушав его, цирюльник, пока еще никто ничего не узнал, помчался в город и, прибежав к архонтам, прямо на площади пересказал им слова чужеземца. Как и следовало ожидать, все были испуганы и смущены, архонты созвали Народное собрание и пригласили цирюльника. Он не смог ответить вразумительно на вопрос, кто сообщил ему эту новость. Его сочли выдумщиком и смутьяном и долго пытали, привязав к колесу, пока не прибыли люди, во всех подробностях поведавшие о несчастье. Лишь тогда афиняне поверили, что Никий на себе испытал то, о чем так часто их предупреждал⁵⁶.

Случалось, что сведения оказывались ложными, поскольку информатор намеренно лгал. Ложные сообщения, практиковавшиеся в военное время с целью дезинформировать противника, считались вполне законным средством. Кроме того, донесение могло быть многократно искажено: так, некий Леоократ, афинский гражданин, впал в смятение после поражения при Херонее. Он собрал все свои деньги и ночью отправился со своей любовницей на корабль, который доставил его на Родос. Оказавшись там, он заявил, что Афины взяты, Пирей осажден, а ему единственному удалось ускользнуть. В мотивах, которыми руководствовался этот персонаж, разобраться сложно: обычно распространять ложные известия человека побуждает лич-

ная выгода или намерение кого-то оклеветать. Согласно Лисию, торговцы зерном выдумывали разные несчастья, поскольку это повышало цену на их товар.

Если информацию не сообщает непреднамеренно кто-то третий, будь то частное лицо или общественный институт, получить ее труднее. В отсутствие информаторов на месте или постоянных послов невозможно иногда получить необходимые разъяснения. Такие лакуны в передаче информации иногда весьма чувствительны: во время злополучной экспедиции на Сицилию афинянам было бы необходимо знать, на какую поддержку они смогут рассчитывать на месте. Несмотря на все усилия, соответствующие сведения до них так и не дошли. Уже затеяв экспедицию, они обнаружили, насколько ничтожны силы их сицилийских сторонников⁵⁷.

Послы и переговоры

Когда речь заходит не просто о передаче информации, а о том, чтобы вести переговоры, отправляются послы. Они не находятся на службе, и их функции заканчиваются с завершением миссии. Посланникам поручается множество дел, связанных с политической жизнью: предложение и заключение перемирий, мирных договоров, союзов, отправка даров, знаков отличия, всякого рода благодарностей. Иногда им вменяется в обязанность задать один-единственный простой вопрос: например, беотийские послы были отправлены к спартанскому царю Агесилаю, чтобы спросить «об условиях мира»⁵⁸. В военное время послов сопровождал глашатай, который только и пользовался правом неприкосновенности.

Поручения, дававшиеся послам, были, как мы видели, временными и специализированными. Как правило, одно

посольство дела не решало: чтобы достичь соглашения, приходилось посылать множество миссий. Постановление Народного собрания определяло, что должны сделать послы, которым предоставлялась полная свобода действий в рамках полученных инструкций. Эсхин, например, сообщает, что когда он вместе с прочими был отправлен послом к Филиппу Македонскому, постановление гласило:

«И в остальном послам добиваться наилучшего, чего только смогут»⁵⁹.

Оратор не упустил случая покритиковать эту неопределенность и двусмысленности, причиной которых она может явиться⁶⁰.

Послы отправляются государством и избираются Народным собранием. От них не требуется высокий ранг или имущественный ценз, и только занятие проституцией, долги или общепризнанная безнравственность могут помешать гражданину быть избранным посланником. На деле, однако, выдвинутые в большинстве случаев принадлежат к числу известных политических деятелей⁶¹, а также, по мере возможности, хороших ораторов. Именно по этим соображениям леонтийцы в 427 г. до н.э. послали в Афины Горгия, «который явно превосходил современников красноречием»⁶².

Количество посланников менялось в зависимости от миссии; чаще всего встречаются цифры три, пять или десять человек, а в одной афинской надписи упоминаются даже двадцать членов посольства. Только миссии спартанцев, по-видимому, неизменно включали троих, что, впрочем, было наиболее популярным числом и в других полисах еще с гомеровского времени.

После того как постановление народного собрания в общих чертах определяло поручение посольству, его учас-

тники были свободны в выборе средств для достижения поставленной цели. Ценнейшими источниками информации на сей счет являются тексты Эсхина и Демосфена о посольствах, отправлявшихся из Афин к Филиппу Македонскому. Послы во время пути обсуждали, что им говорить, порядок выступлений, способ построения аргументации:

...когда мы обсуждали, что нужно говорить, и Кимон высказал опасение, как бы в споре о правах Филипп не взял верх, [Демосфен] обещал нам, что отверзнет неиссякаемые источники красноречия и скажет о правах на Амфиполь и о начале войны так, чтобы сразу закрыть Филиппу рот...63

Можно было обсуждать и само постановление. Как раз по поводу содержащихся в нем положений и возникали иногда самые большие расхождения:

...было прочитано постановление, по которому нас отправили послами, а пересчитано все, что предписывалось нам помимо принятия клятв, и так как никто не помянул о главном, но беседе вели о делах менее важных, я сказал слова, которые необходимо пересказать вам⁴.

Эти примеры показывают, что «главы» делегации, как такового, не существовало, во всяком случае, в классическую эпоху. Тем не менее зачастую тот или иной посланник обладал особой аурой, предоставлявшей ему преимущественные права на переговорах. В последующую эпоху руководителя посольства обычно назначали.

Опять-таки в более позднее время посланцы оказались связаны буквой постановления о посылке их миссии: послов хвалили за строгое следование в речах формулировкам этого постановления. В римскую эпоху вошло в обычное дело писать письма, и послы оказались простыми почтальонами, а дипломатия утратила свою специфику.

Прибыв на место, посланники представляли перед официальными учреждениями полиса или государства, в которое были направлены: перед Советом и Собранием в Афинах, перед собраниями различных полисов, перед эфорами в Спарте и непосредственно перед монархами или тиранами в недемократических государствах; если же они собирались говорить о проблемах чрезвычайно важных и интересующих эллинов в целом, они могли явиться на Олимпийские празднества, где собирались греки из всех полисов⁵. Послы определяли не только порядок выступлений и аргументацию, но и одежду, которую наденут. Геродот рассказывает о посольстве ионийцев и эолийцев в Спарту. Выступить было поручено фокейскому представителю по имени Пиферм.

Тот надел на себя пурпурное одеяние, чтобы спартанцев, если они услышат об этом, собралось бы как можно больше. Затем он выступил с длинной речью, прося помощи⁶⁶.

Возвратившись домой, послы должны были дать устный отчет о своей миссии — сначала перед Советом, потом перед Народным собранием. Если первый отчет был обычно довольно кратким, во втором излагались все подробности посольства. Выступали по очереди все участники:

Далее, когда мы докладывали о посольстве народу, первым из нас выступил как старший возрастом Ктесифонт и среди прочего говорил о том, о чем условился сказать с Демосфеном: о Филипповом обхождении, о его наружности и веселости за вином. После него коротко говорили Филократ и Деркил, потом выступил я⁶⁷.

Эсхин, когда наступил его черед, тоже произнес странную речь⁸.

Именно второй отчет, если верить Демосфену, а не Эсхину, мог исказить истинное положение вещей. Первый

рассказывает о том, что произошло после возвращения посольства. Эсхин вначале достаточно объективно выступил перед Советом, но поставил все с ног на голову перед Народным собранием:

А когда сошлось Народное собрание и надо было говорить перед вами, тогда он, Эсхин, выступил первым из всех нас... и не стал ни докладывать о посольстве, ни упоминать, о чем говорилось в Совете... зато произнес такие речи о столь многих и великих выгодах, что ушел, всех вас увлекши...⁶⁹ Снискав этим заслуженное одобрение, Эсхин, который всем показался и превосходным оратором, и достойным восхищения человеком, окончил речь и ушел весьма торжественно⁷⁰.

В ответ Демосфен поднялся, хотел взять слово, но Эсхин и Филократ стали кричать и издеваться над ним, а Собрание отказалось его выслушать.

В случае с отчетами послов мы видим ту же реакцию народа, что и на любую другую информацию, но здесь положение усугублялось тем, что рядовые граждане мало что понимали в международных делах.

Несмотря на контроль со стороны Совета и Народного собрания, посольства не всегда достигали своей цели: они могли возвратиться ни с чем даже после долгих месяцев пребывания в чужой стране. Крайний случай — посольство, отправленное к Филиппу Македонскому после заключения в 346 г. до н.э. Филократова мира между Македонией и Грецией. Посольство, участником которого был Демосфен, должно было принять присягу македонского царя и условиться с ним об установлении мира. Посланцы отправились в путь по суше и добрались до македонской столицы Пеллы только через три недели, хотя обычно это занимало куда меньше времени. Оказавшись на месте, послы еще двадцать семь дней дожидались отсутствовавшего

Филиппа, затем, по его возвращении, вместо того, чтобы потребовать от него присяги, сопровождали его в путешествии по Фессалии. Всего посольство отсутствовало больше двух месяцев и вернулось не солоно хлебавши. Его затянутость так и осталась необъяснимой, поскольку участвовавшие в нем Демосфен и Эсхин избегают каких бы то ни было комментариев по этому поводу.

Посольство могло оказаться рискованным предприятием; поскольку дипломатические представители не пользовались иммунитетом, с ними, особенно в военное время, могло случиться все, что угодно. Так, в 430—429 гг. до н.э. афиняне схватили и убили шестерых посланников, в том числе троих спартанцев, направлявшихся в Персию⁷¹. В 396–395 гг. до н.э. спартанский военачальник Фарак захватил и казнил афинское посольство, державшее путь в Персию⁷². Могли послов и посадить под замок на неопределенное время. Не следует, однако, преувеличивать значение этих злоключений: подавляющее большинство посольств завершалось благополучно.

НЕВОЗМОЖНОЕ СОЖИТЕЛЬСТВО

Небольшие греческие полисы, независимые и ревниво относившиеся к собственной самостоятельности, тем не менее ощущали необходимость в объединении, и их союзы могли принимать различные формы: религиозные союзы вокруг святилищ, или амфиктионии, оборонительные союзы, или симмахии, — против общего врага или для защиты своей территории, наконец, настоящие федеративные образования. Устоявшейся терминологии для обозначения этих союзов в греческом не было, тем более что международное право в ту эпоху только формировалось, используя прошлый опыт. Собственно, в тот самый момент, когда по-

лисы нащупали подлинную систему международных отношений, рассматриваемая здесь система стала бесполезной, поскольку дублировала институты, обладавшие реальной властью, — институты эллинистической монархии или Римской империи. Древнегреческие союзы, кроме того, отличались различной продолжительностью жизни: одни восходили к греческой предыстории, до появления эллинов в Греции, другие, как известный Делосский союз, прожили всего полвека. Объединений греческих полисов было слишком много, чтобы подробно их анализировать, поэтому основное внимание мы уделим их разнообразию, значимости, причинам успехов или неудач.

Древнейшими союзами явились амфикионии — содружества племен, живших в окрестностях одного и того же святилища и объединенных общностью происхождения или интересов. В наиболее известных из них, группировавшихся вокруг храма Деметры в Фермопилах и храма Аполлона Пифийского в Дельфах, насчитывалось по двенадцать членов. В дельфийской амфикионии имелось Собрание, или Синедрион, составленный как из постоянных представителей, или иеромнемонов, определявшихся жребием и имевших право голоса, так и из пилаторов, избравшихся и не имевших права голоса. Каждое из племен-участниц, вне зависимости от численности, имело два голоса.

Эсхин в речи о предательском посольстве перечислил клятвы, связывавшие членов Дельфийского союза:

...амфикионы прежних времен клялись не разорять ни единого города из их числа, не лишать его воды ни в дни войны, ни в дни мира, а кто преступит запрет, на того идти походом и поднять города, а кто разграбит достояние бога или станет в чем соучастником или замыслит против святилища зло, того наказывать оружием, походом, словом и всяческой силой; к клятве этой присовокуплялось грозное проклятие⁷³.

Помимо того, что союз был оборонительным, в его ведении находилось и снабжение Дельфийского храма, и организация Пифийских игр в честь Аполлона. Ему вменялось в обязанность заботиться о собственно храме — например, руководить работами по восстановлению здания после пожара 548 г. до н.э., следить за окружающей священной территорией, на которой никому не разрешалось селиться, наконец, распоряжаться сокровищницей богов. Что касается второго аспекта полномочий, Собрание организовывало Пифийские игры и руководило ими, а также занималось поддержанием в порядке дорог, по которым должны были следовать теории, т.е. священные посольства, посылавшиеся на празднества различными городами.

Суверенная власть Дельфийской амфикионии во всех этих вопросах признавалась всем сообществом полисов. В принципе она осуществляла также верховную юрисдикцию над всеми входившими в конфедерацию городами, но ее решениям в данной области практически никогда не подчинялись — если только они не были выгодны какому-нибудь мощному полису. Ведь в амфикионию входили не все греки, а внутри нее большинство составляли племена, не обладавшие политическим весом, вроде фессалийцев, тогда как у Спарты и Афин было всего по два голоса. На важных переломах греческой истории Дельфийский союз не мог объединить эллинов вокруг общего дела. К примеру, во время второй персидской войны половина составлявших его племен присоединилась к армии Ксеркса.

Позже фиванцы и фессалийцы, доминировавшие в Союзе, заставили лакедемонян и фокейцев, своих врагов, уплатить значительную пеню по случаю длившейся десять лет Священной войны (356—346 гг. до н.э.). Дельфийская амфикиония просуществовала до римской эпохи, и упоминания о ней прекращаются только при Антонинах (II в. н.э.).

Симмахии представляли собой второй тип союзов. В них могли входить многие государства, расположенные на обширной площади, и были они изначально оборонительными союзами, созданными либо для защиты от общего врага, либо для охраны целостности своей территории от возможных вторжений.

Внутри симмахий всегда находился полис-гегемон, управлявший союзом. Гегемония зависела от искушенности того или иного государства в военном деле, и для ее обретения и сохранения необходимо было постоянно подтверждать свою доблесть в глазах союзников. Так, поражение при Сфактерии⁷⁴ во время Пелопоннесской войны нанесло Спарте удар, от которого она с трудом оправилась⁷⁵.

Важнейшими военными союзами были Пелопоннесская симмахия, возглавлявшаяся Спартой, и Афинский, или Делосский, морской союз, созданный по инициативе афинян во время персидских войн.

Первый из них, возникший в VI в. до н.э. и называвшийся обычно «лакедемоняне и их союзники», был самой древней симмахией. О происхождении его известно мало. Он явно был плодом желания Спарты, ставшей к тому времени влиятельным полисом, поддерживать целостность захваченной ею территории. С этой целью она заключила с возможно большим числом полисов соглашение, по которому каждый из них брал обязательство гарантировать неприкосновенность существующих границ и «совместно противостоять любому внешнему вмешательству, угрожающему спокойствию на Пелопоннесе»⁷⁶. Симмахия, просуществовавшая по меньшей мере двести лет, проявлялась эпизодически. Спарта не требовала от союзников дани, а те не ощущали над собой притесняющей власти. Основной проблемой союза с весьма рыхлыми структурами была инерция, дававшая о себе знать в моменты, когда нужно было действовать, что особенно проявилось в начале Пелопон-

несской войны. В самом деле, у симмахии не было никакого постоянного органа, никакого федерального института, если не считать синода и периодических собраний, так что, когда полисы, отвергнув афинский экспансионизм, решились действовать, все происходило на уровне импровизации. В отсутствие организованных способов финансирования лакедемонянам и их союзникам оказалось очень сложно создать флот, который мог бы противостоять сотням афинских триер.

Делосский же союз был создан после второй греко-персидской войны для борьбы против персов и чтобы предотвратить их возможное возвращение, чего он с успехом и добился в 465 г. до н.э. Союз стремился стать общеэллинским и объединял все полисы, отказавшиеся подчиниться Ксерксу. Очень скоро явное превосходство Афин на морях привело к их гегемонии. В отличие от Пелопоннесской симмахии, этот союз быстро наладил организацию: финансовой столицей был определен Делос, и Афины постановили, что каждый союзный полис должен делать взносы, будь то в снаряженных кораблях или в денежной форме, на строительство флота. Постепенно Делосский союз сконцентрировался вокруг Афин, которые стали единственным государством, извлекавшим из него пользу: снаряженным флотом управляли афиняне, афинянами были все командиры, а участие большинства союзников ограничивалось в первую очередь финансовой поддержкой. Существовал, конечно, совет, представлявший союзников, но вскоре афинское Собрание начало принимать решения, не советуясь с прочими полисами, а договоры стали единолично подписывать Афины. Как подчеркивает Фукидид, то был переход от добровольно признанной гегемонии к *архэ*, власти.

Понятно, что подобная система, в которой вся власть принадлежала Афинам, требовавшим с союзников часто

весьма внушительных денежных взносов, не пришлось по вкусу их партнерам и сыграла немаловажную роль в развязывании Пелопоннесской войны.

Ведь обычным состоянием отношений между полисами, не способными объединиться, была война. С начала V в. до н.э. до 338 г. до н.э. из ста шестидесяти четырех лет Афины воевали сто двадцать, т.е. больше двух лет из каждых трех, и мир ни разу не продолжался свыше десяти лет.

На этом фоне почти постоянных раздоров регулярно, хотя и с перерывами, объединять полисы могло только одно занятие: большие общеэллинские празднества, куда собирались все греки.

БОЛЬШИЕ ПАНЭЛЛИНСКИЕ ИГРЫ

Среди панэллинских празднеств, собиравших всех греков вокруг больших святилищ, наиболее известны игры, в количестве четырех: Олимпийские игры вокруг святилищ Олимпии; Пифийские у подножья горы Парнас, в Дельфах; Немейские, в Немейской долине; наконец, Истмийские игры, проводившиеся на Коринфском перешейке (Истме). Первые два состязания из этого списка проводились раз в четыре года, вторые — раз в два года. Мы не станем подробно описывать игры, как таковые, а постараемся выдвинуть на передний план то, что касается коммуникации, а именно оповещение об играх и подготовку к ним, посещавшую их публику, награды и почести, предназначенные атлетам. Наконец, мы попробуем понять, какое значение имели игры в греческой цивилизации.

Эти четыре масштабных предприятия являлись не только спортивными и, как в Дельфах, Немее, на Истме, музыкальными состязаниями, но и религиозными празднествами, не случайно проводившимися в непосредственной

близости от величайших греческих святилищ. Первый и последний дни игр были целиком отданы священным обрядам, атлеты приносили клятву богам. Изначально то были погребальные состязания, кровавые схватки вокруг могилы, чем, в частности, объясняется вручение победителю венка из дикого сельдерея, знака траура, а также то обстоятельство, что судьи на Немейских играх облачались в траурные одежды. Все это придавало состязаниям торжественный характер.

То были не международные соревнования, а панэллинские празднества для всех греков. Иностранцы могли на них присутствовать, но не состязаться.

Игры, собиравшие вначале местных жителей, очень быстро, с VI в. до н.э., стали центром притяжения всего Пелопоннеса, а затем и греческого мира в целом. Таким образом, о сроках игр приходилось оповещать тысячи, а затем и десятки тысяч людей.

Время проведения игр было временем священного перемирия, поэтому перед их открытием повсюду рассылались глашатаи-вестники. На Олимпийских играх этих глашатаев называли носителями перемирия (*spondophoroi*). В классическую эпоху они, несомненно, путешествовали с многочисленной свитой, а в полисах, через которые они проезжали, их принимали со всеми почестями. Одновременно с объявлением перемирия они сообщали о сроках проведения игр, что являлось весьма ценной информацией: даты из года в год менялись, да и греческие календари не были унифицированы. Традиция глашатаев, объявлявших о перемирии, сохранилась и в эллинистическую эпоху, когда игры стали проводиться во все большем количестве полисов.

Что же представляло собой священное перемирие? Оно требовало приостановления военных действий во всех греческих государствах на время игр. На деле чудес-

ным образом остановить войну по случаю перемирия не представлялось возможным. Последнее было призвано не допустить, чтобы сражения нарушили ход игр, и обеспечить безопасность паломников, отправлявшихся в Олимпию, Дельфы, на перешеек или в Немею. Именно по этой причине перемирия длились по нескольку месяцев — время, необходимое обитателю окраин греческого мира для того, чтобы добраться на игры, а затем возвратиться назад. Перемирие обеспечивало также мир в окрестностях святилища, где проводились торжества. Всякий, попытавшийся напасть на Элиду, ближайший к Олимпии город, или на паломника, бывал сурово наказан, обычно солидной пеней. Не уплатившему пени был закрыт доступ на игры, и обычно ее платили безропотно, хотя иногда и с неохотой: некоторые выжидали вплоть до того, пока им не приказывал подчиниться оракул.

Перемирие, впрочем, часто пытались использовать в своих целях: по словам Ксенофонта, аргивяне, которым угрожали Афины, всякий раз ссылались на священное перемирие, даже когда оно на самом деле не имело места. Раздоры могли возникать из-за даты объявления священного перемирия: начинается ли оно в тот момент, когда глашатаи возвещают о нем в городе, где проводятся игры, или же оно вступает в силу, когда вестники провозглашают его в данном пункте, т.е. заведомо позже и в разное время в зависимости от полиса?

Многочисленная публика собиралась на игры со всех уголков греческого мира. Представители всех слоев общества прибывали с Сицилии, из Великой Греции⁷⁷, с побережья Малой Азии и с островов. Помимо записных зрителей и простых зевак, игры посещало множество других персонажей: торговцы провизией, поскольку требовалось накормить тысячи паломников, и всеми прочими товарами. Нужно представить себе и истинно ярмарочную атмосферу с фокусниками и акробатами, и одновременно интеллекту-

альную обстановку: поэты и историки читали свои произведения, ораторы выступали, софисты обучали или произносили речи; там же декламировали стихи Гомера. Что касается зрителей, прийти полюбоваться могли и рабы, и варвары, иногда не допускали только женщин. Так, во время игр замужним, под угрозой свержения с ближайшей горы, Типейона, был запрещен доступ в Олимпию: нельзя было даже переправляться через Алфей, окружавшую Олимпию реку. Лишь одна женщина, по имени Ференика (или Каллипатера), отважилась пренебречь запретом:

Так как ее муж умер еще раньше, то она, приняв во всем вид настоящего учителя гимнастики, привела на состязания в Олимпию своего сына. Когда Пейсирод, ее сын, оказался победителем, то Каллипатера перескочила через тот барьер, который отделял учителей гимнастики от арены, и при этом обнаружила свой пол 78.

Хотя обман раскрылся, Ференику-Каллипатеру простили за победы, что одерживали на играх ее сын, брат и отец. Решили просто на будущее обязать всех тренеров появляться на состязаниях нагими, подобно атлетам.

Оказавшись на месте, зрители устраивались на постой как могли: наиболее привилегированные имели возможность отправиться к проксенам⁷⁹ или в специально предназначенное общественное здание, если таковое имелось, как было, например, в Дельфах и в Олимпии. Однако, как подчеркивает М. Финли⁸⁰, вкладывать деньги в харчевню или постоянный двор в таких местах, как Немея или Коринф, куда ничто, кроме игр, не могло привлечь путешественников, было в высшей степени нерентабельно: игры продолжались примерно неделю раз в четыре года... Большинство паломников спало в палатках или под открытым небом на окрестных полях.

Победители крупнейших игр пользовались в Греции огромной славой и получали множество материальных выражений этой славы.

Непосредственно после победы глашатай провозглашал имена самого чемпиона и его отца, а также название его родного полиса. Один из судей увенчивал его лавровым венком в Олимпии, венком из дикого сельдерея на Истмийских играх (сбор листьев для венка обставлялся чрезвычайно торжественно: на Олимпийских и Пифийских играх их срезал серпом ребенок, отец и мать которого были живы). В то же самое время судья вкладывал в руку победителя пальмовую ветвь. Вечером того же дня проводилась торжественное шествие, или *homos*.

Греки гордились тем, что состязаются не ради богатства: достаточно увидеть изумление перса Тритантехма⁸¹, когда тот узнает, что на Олимпийских играх приз — венок, а не деньги:

**...он не мог удержаться и сказал перед всем собранием вот что:
«Увы, Мардоний! Против кого ты ведешь нас в бой? Ведь эти люди сражаются не ради денег, а ради доблести!»⁸²**

Но, несмотря ни на что, победители могли получать материальное вознаграждение: на Пифийских играх вплоть до VI в. до н.э. вручались призы в виде ценных подарков. Но в первую очередь почести чемпионам оказывали их родные полисы: так, в Афинах Солон установил вознаграждение в пятьсот драхм за победу на Олимпийских играх, и в двести драхм - на Истмийских⁸³. Ксенофан упоминает, что с VI в. до н.э. чемпионов кормили за счет казны и выдавали денежную сумму, достаточно большую для передачи по наследству⁸⁴. В некоторых полисах вознаграждение было скорее символическим: например, в Спарте победители игр получали почетное право сражаться рядом с царем⁸⁵.

По возвращении с игр победителя ждали новые празднества. На них юноши под звуки лиры или флейты распевали гимны, сопровождаемые танцами. Отсюда с VI в. до н.э. возник обычай просить известных поэтов писать по такому случаю гимны. Именно так родились стихотворения Пиндара, прославляющие победителей четырех великих игр Греции. Однако услуги этих поэтов обходились очень и очень дорого: только знатные роды могли позволить себе подобные гимны, или эпиникии.

Кроме венка, вознаграждения, процессий, празднеств, иногда эпиникий, победителям могли воздвигать памятники, большей частью статуи, либо в родном полисе, либо на том месте, где они одержали победу. Например, Алкивиад в V в. до н.э. заказал собственный живописный портрет, который поместил в пинакотеку Пропилей⁸⁶. Павсаний дает подробный перечень статуй, которые он во II в. до н.э. видел в святилище Олимпии. Сначала их делали из дерева, затем стали отливать в бронзе. Если верить Лукиану⁸⁷, статуи изготавливались в натуральную величину, но определенные археологические находки, например обнаружение высокого пьедестала, заставляют думать, что они могли быть и более внушительными. Изображение атлетов способствовало развитию скульптуры: стало возможным воспроизводить не застывшие типажи, как в архаическую эпоху, но тела, обладавшие сходством с оригиналом, иногда в движении.

На всех таких статуях были надписи, упоминавшие имена изображенного и его отца, название их полиса, иногда его прежние победы. Иногда их, как и эпиникии, писали поэты: например, некоторое количество принадлежит перу Симонида⁸⁸.

Кто же оплачивал эти памятники? Иногда город брал на себя расходы по воздвижению тех из них, что находились в его стенах. Что касается статуй в Олимпии, то бремя их установления ложилось исключительно на самого

победителя и обходилось очень дорого. Соответственно можно предполагать, что значительная часть победителей не была увековечена; иногда статую воздвигали лишь много позже, после соответствующего пророчества оракула⁸⁹.

Игры с VII в. до н.э. являлись одним из важных факторов объединения небольших греческих общин. Они предоставляли возможность всем: коринфянам, ионийцам из Малой Азии, спартамцам — не только собираться вместе и общаться, но и чувствовать, что они принадлежат к одному и тому же миру, к одной и той же культуре, что они находятся под покровительством одних и тех же божеств. Для маленьких общин, которые, как мы видели, чаще всего были враждебны друг другу, это было важно. Кроме того, перемирие, пусть даже оно и не всегда соблюдалось, заставляло хотя бы на время забыть о вражде, особенно на месте проведения игр. Еще в V в. до н.э. упоминание о том, что некто завоевал награду на одном из знаменитых состязаний, было знаком величайшего уважения. Наряду с этим, как мы уже упоминали, изображения победителей дали толчок развитию скульптуры и донесли до нас облик замечательных атлетов, которыми и сейчас можно любоваться.

ОТНОШЕНИЯ С НЕГРЕЧЕСКИМ МИРОМ

ИСКУССТВО ПУТЕШЕСТВОВАТЬ В ДОЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Посещаемые страны, причины путешествий

Микенцы перемещались много и далеко, и побудительной причиной их путешествий была торговля. Микенскую керамику находят по всему Средиземноморью. Она свидетельствует о пребывании ее изготовителей на Крите, Родосе, Косе, на анатолийском побережье (Троя, Милет и т.п.), на Кипре, в Египте, на Сицилии и в Южной Италии. Кроме того, они нуждались в металлах, меди и олове, для выплавки бронзы¹. Но в Средиземноморье олова не было: ближайшие доступные месторождения находились в современных Португалии, Бретани и Англии. Надо полагать, купцы покрывали весьма большие расстояния в погоне за этим необходимым им металлом. Однако же микенцы никогда не пытались основать колониальную империю и обосноваться на землях, до которых добирались.

Совсем другие причины влекли в путь путешественников последующей эпохи: в VIII в. до н.э. сложился обычай основывать колонии. Такая колонизация была специфична для Греции, поскольку эмигранты основывали новый, совершенно самостоятельный полис, полностью независимый от метрополии.

Основной причиной греческой колонизации явился недостаток земель в самой Греции: страна жестоко страдала от узости пространства (*stenochoria*), усугублявшейся несправедливым распределением плодородных почв, захваченных сильнейшими. К этому часто добавлялись и торговые интересы²: колония становилась для греков факторией, где они меняли вино, оливковое масло, предметы роскоши, которых у них было в изобилии, на продукты первой необходимости — зерно, строительную древесину, редкие или драгоценные металлы, которые им приходилось ввозить. Помимо перечисленных побудительных мотивов возникали и другие, более субъективные: полисы в архаическую эпоху раздирали междоусобная вражда, и у побежденных часто не было иного выбора, кроме как отправиться в изгнание.

Колонисты обычно отправлялись на новое место группами примерно в сто человек под водительством начальника экспедиции, который становился и основателем нового полиса, экистом. Они выбирали место и навязывали себя местному населению. У нас очень мало сведений об отношениях между греками и автохтонами, и современные исследования, по-видимому, показывают, что могли возникать самые разные ситуации, от доброго согласия до открытой вражды³. Колонисты делили землю на равные участки, возможно, по жребию, и формировали новый полис, копируя институты метрополии (откуда всегда брались боги и очаг), но пользовавшийся полной политической самостоятельностью.

Первая волна колонизации шла примерно в 775—680 гг. до н.э. в основном из Эвбеи на Халкидики⁴, Фракию, Южную Италию и Сицилию, где имелись плодородные земли. В Южной Италии это явление стало настолько массовым — в числе прочих были основаны Сибарис, Кротон, Тарент, Регий, Партеноп (Неаполь), — что область полу-

чила название Великой Греции. Затем, приблизительно в 680—550 гг. до н.э., началась вторая волна, которая одновременно шла из большего количества мест и захватывала новые территории: предпочтение по-прежнему отдавалось Южной Италии и Сицилии, но селились и в Пропонтиде (Мраморном море), в Причерноморье, в Крыму. Так, Милет, крупный ионийский полис, в архаическую эпоху основал на берегах Черного моря девяносто колоний. В Африке греки начали обосновываться с закладкой Кирены на ливийском берегу и Навкратиса в Египте. Последний город, первоначально всего лишь торговая фактория, с VI в. до н.э. и до персидского завоевания был одним из самых цветущих в греческой ойкумене, на стыке двух миров, до того не знавших друг о друге. Греки добирались до таких отдаленных стран, как Галлия, где фокейцы основали будущий Марсель.

Так расширялась область экспансии греческого мира: само собой разумеется, что купцы или основатели колоний могли в то же время быть и землепроходцами.

Колонизация прекращается к середине VI в. до н.э. В то время причины путешествий постепенно становятся разнообразнее: в другие страны начинают ездить учиться или совершенствовать образование. С того же века складывается обычай приписывать известным персонажам настоящие или вымышленные путешествия: так, Солон якобы отправился ко двору Креза в Лидию «для того, чтобы повидать чужие страны»⁵. Ликург, по преданию, побывал на Крите, Пифагор, Демокрит, Фалес — в Египте. Такого рода традиции часто имели целью сравнить соответствующую страну и Грецию или подчеркнуть значимость какого-то народа для эллинов. С развитием философских школ пребывание на чужбине стало важным элементом образования мудреца: популярности путешествий в Азию способствовали философские секты, испытавшие сильное восточное

влияние. В IV в. до н.э. поездки за пределы Греции становятся в биографиях общим местом.

В далекие путешествия пускались не только мудрецы: некоторые профессиональные группы в большей степени, чем другие, были вынуждены часто менять место жительства. Врачи очень рано начали практиковать свое искусство за тридевять земель, вплоть до двора персидского царя: для VI в. до н.э. имеется описание приключений кротонского врача Демокеда, который излечил Дария. Персидский царь страдал от вывиха ноги, которую не могли вправить, а его жена Атосса — от нарыва на груди. При персидском дворе таланты Демокеда оценили так высоко, что ему стоило огромных трудов вернуться на родину⁶. С середины V в. до н.э. по свету, обучая своему ремеслу, бродили софисты; художники иногда покидали родные места и находили приют при дворах могущественных властителей. В дальние страны приходилось иногда отправляться и послам.

Торговля, колонизация, открытие новых земель, путешествия с познавательными и профессиональными целями — таковы основные побудительные мотивы пребывания на чужбине. С VI в. до н.э. несколько первопроходцев кладут начало путешествиям, предпринимаемым ради того, чтобы посмотреть другие страны, то бишь туристическим поездкам. Этим отличались прежде всего ионийцы: первыми из известных нам великих путешественников были Гекатей и Геродот, оставившие записки об увиденном. Так, Геродот в V в. до н.э. объехал известный в его время мир, собирая всевозможные сведения о других народах с необычной для той эпохи любознательностью. Благодаря ему, малоизвестные страны вроде Египта — до той поры не слишком открытого для путешественников — приобрели огромную популярность.

Труд Геродота показателен на предмет того, что могло привлечь греческого туриста классической эпохи. В

отличие от нас, его, насколько можно судить, не интересовали ни красоты природы, ни произведения искусства. Геродот, проезжавший множество пейзажей, никогда их не описывает. Если он и останавливается на каком-либо памятнике или ценном предмете, то не для того, чтобы сформулировать эстетическое суждение, но чтобы оценить его размер или рыночную стоимость или рассказать его историю. О египетских пирамидах, к примеру, он упоминает только затем, чтобы показать, какой гигантский труд потребовался для их строительства; он описывает то или иное произведение искусства для того, чтобы читатель или слушатель составил представление о его стоимости или ценности материалов, из которых оно выполнено. Подобный интерес весьма характерен для той эпохи. Что, напротив, живо интересует Геродота, так это этнографическая реальность стран, которые он посещает, образ жизни их обитателей, их особенности, политический строй, история, а также все, что кажется замечательным или чудесным (*thaumasion*). В этом отношении менталитет современного туриста по существу остался точно таким же.

Эллинистическая эпоха знаменует поворот в греческом восприятии путешествия. С одной стороны, расширяется кругозор, а с другой — развивается то, что в предшествующую эпоху только намечалось, а именно индивидуальный туризм.

Кругозор не просто расширился — известная площадь обитаемой земли к тому времени удвоилась. У истоков этого стояли два великих первопроходца, Александр Македонский и куда менее известный Пифей Эгинский, мореход из Массалии (современный Марсель). Первый своими завоеваниями познакомил античный мир с Ираном и Индией, до той поры не исследованными. Он брал с собой в походы философов, ученых, инженеров, заранее изучавших страны, через которые предстояло пройти, и деливших

своими знаниями. Александр даже строил планы — позже воспринятые Селевком - исследовать берега Каспия и открыть на юге Африки причины разливов Нила.

Что же касается Пифея, то он в конце IV в. до н.э. предпринял путешествие, благодаря которому греки лучше узнали Запад, вплоть до берегов Северного моря. Он написал книгу, вызвавшую в свое время огромный интерес, но, к сожалению, утраченную.

Одновременно с расширением сферы географических исследований развивался индивидуальный туризм. Новым по сравнению с предшествующими периодами были частота и разнообразие путешествий, куда многие отправлялись далеко и надолго.

Крупнейшие полисы эллинистического мира — Родос, Эфес, Византий, Тарент, Сиракузы - привлекали все больше приезжих, желавших посмотреть местные достопримечательности. Знаменательно в этом плане обращение к услугам проводников и путеводителей. Организуются посещения знаменитых памятников и святилищ с участием экскурсовода (*hermeneus*). Все более развивается и жанр путевых записок, наследие Гекатея и Геродота.

Первые вехи

Что можно сказать о первых картах, о первых географических инструментах? Все изобретения в этой области были сделаны ионийцами, греками из Малой Азии. Ни континентальная Греция, ни Афины, которым мы обязаны столькими изобретениями, не приняли участия в упорядочении географических знаний.

Имелось два вида инструментов географических знаний: прежде всего карты, изобретение которых восходит к VI в. до н.э., а также периплы, или лоции, рассказы о путе-

шествиях с описанием берегов, где побывал мореход. Как гласит традиция, Анаксимандр из Милета «решился начертить первую карту»⁷. Он был философом, и карта имела непосредственное отношение к его представлению о мире. Предположительно земля была изображена в виде диска: ойкумену, или обитаемую землю, окружало море, что соответствовало мифологическим образам Гомера. Карта была построена симметрично: Европа занимала верхнюю часть, а Азия - нижнюю. Две известных в ту эпоху великих реки, Истр (Дунай) и Нил, были изображены симметрично, первая на севере, вторая на юге. Что касается Средиземноморья, оно несомненно было представлено в виде замкнутого бассейна. Можно себе представить, что путешествовать с помощью такой карты было бы непросто. То был, скорее, не утилитарный инструмент, а геометрическая модель. Однако по сравнению с неопределенным легендарным пространством Гомера «ограниченное, измеряемое, структурированное» пространство явилось масштабным нововведением. Впредь «благодаря схематичной миниатюризированной модели»⁸ стало возможным вместо мифических изображений представить воочию известный к тому времени мир.

После первой попытки появились и другие карты, составленные Гекатеем, Демокритом, Евдоксом: то были исправленные и дополненные варианты чертежа Анаксимандра, которые обычно принято именовать «ионийскими картами». Восходящий к IV в. до н.э. фрагмент Эфора, содержащий рисованное изображение мира, имеющее в основе ионийскую карту, позволяет уточнить облик этой последней. Внутри земного диска обитаемый мир представлен в виде прямоугольника, по четырем сторонам которого находятся, соответственно, скифы на севере, кельты на западе, индийцы на востоке и эфиопы на юге. Детали кар-

ты опирались не на точный чертеж, а на наброски маршрутов, где указывались только направления.

Карты распространились с конца VI в. до н.э. К 500 г. до н.э. Аристагор, тиран Милета, посетил в Спарте Клеомена, чтобы убедить того предпринять поход против Персии. С собой он привез «медную доску, где была вырезана карта всей земли, а также всякое море и реки»⁹, иными словами, карту. Говоря, он показывал по этой карте, где живет тот или иной народ, из чего явствует, что к тому времени картографическая наука вышла за рамки чистой умозрительности и взяла на себя практические функции по обслуживанию обычных путешественников. И в самом деле, в классическую эпоху использование географических карт было, видимо, хорошо известно¹⁰.

По мере того как карты входили в моду, нарастала и критика, о чем можно судить по тексту Геродота, где высмеиваются имевшие тогда хождение изображения мира:

Смешно видеть, как многие люди уже начертили карты земли, хотя никто из них даже не может правильно объяснить очертания земли. Они изображают Океан обтекающим землю, которая кругла, словно вычерчена циркулем. И Азию они считают по величине равной Европе 11.

Во времена Александра, несмотря на прогресс картографии, древние карты использовались по-прежнему. Именно ориентируясь по ним, завоеватель полагал, что Инд есть верхнее течение Нила...

На период расцвета ионийской картографии пришлось такое фундаментальное открытие, как обнаружение шарообразности земли. Некоторые свидетельства на сей счет можно обнаружить уже у Платона, но аргументацию разработал Аристотель. Однако только в следующем, III в. до н.э. Эратосфен использовал достигнутый результат в построении карт.

ОТНОШЕНИЯ С ИНОЗЕМЦАМИ

У Гомера негреки не наделены никакими специфическими особенностями. Либо они, как троянцы или феаки, во всем подобны эллинам, либо, подобно циклопам, принадлежат вымышленному миру. Гомеровское видение, когда по одну сторону находятся люди, а по другую — фантастические существа, исчезло не сразу: образ другого, иноземца, преобразовался в Греции только с появлением рассказов путешественников, описывавших другие народы с присущими им особенностями. Импульс шел не из собственно Греции, а из Ионии, от таких ученых, как Гекатей Милетский, написавший «Кругосветное путешествие» (*periodos ges*), к сожалению, бесследно исчезнувшее. Первое дошедшее до нас развернутое свидетельство такого рода — «История» Геродота, труд ионийца из Галикарнасса, ставшего одновременно географом, этнографом и историком.

Нужно отдавать себе отчет в том, что отличает Геродота от его предшественников: ведь после Гомера и до Геродота иноземцы периодически выводились в литературных произведениях. Но, с одной стороны, они были там редкими гостями: египтяне в «Просительницах» Эсхила — первые негреки, появившиеся на сцене. С другой стороны, их описание следует традиционным древним взглядам: Египет для этого автора — страна на краю земли, связанная со сказочной Эфиопией, но ее представители, прибывшие в Грецию, демонстрируют все отличительные признаки уроженцев Востока: пышные одежды¹², неумеренную наглость и самомнение...¹³

Совсем не таковы египтяне Геродота, посвятившего им целую книгу, вторую книгу своей «Истории»: как и для многих других народов, он описывает со множеством подробностей их обычаи, религию, основные черты. Несколько глав он посвящает изготовлению и бальзамированию

мумий; он интересуется географией страны, в особенности феноменом, весьма занимавшим его современников, а именно разливами Нила, которым пытается дать объяснение. Большинство сведений он собирал на месте, — он пробыл в Египте несколько месяцев, — проводя настоящее исследование, вглядываясь, расспрашивая, иногда обращаясь к архивам... Это и в самом деле начало этнографии. И притом Геродот, посетивший множество городов и стран — Кирену, Египет, Тир в Финикии, Вавилон, Понт Эвксинский, стремится выявить для каждого народа, о котором упоминает, его характерные черты. Он рисует не карикатурный образ неграка, но именно других во всем их разнообразии.

Разумеется, о достижении полной объективности не было и речи... В «Истории» есть «риторика инаковости», хорошо подчеркнутая Ф. Артогом¹⁴. Этот исследователь показывает, что Геродот, чтобы представить современникам иноземца, использует аналитическую сетку, и притом греческую: таким образом, он смотрит на другого глазами своих соплеменников, зачастую отталкиваясь, будь то по аналогии или от противоположного, от собственных обычаев. Если речь заходит о существенных сторонах жизни, вроде религии, брака или питания, он говорит, что другие поступают «как» или «не как» эллины, из чего в конце концов выводится целая система отклонений от греческой нормы. Например, описывая религию персов, Геродот утверждает, что они почитают «лишь» некоторых богов — иными словами, не обладают всем богатством греческого пантеона. Историк подчеркивает чуждость некоторых обычаев, отмечая, что они прямо противоположны греческим: кочевничество скифов, скажем, оседлыми современниками Геродота воспринимается как отклонение от нормы. А уж египтяне все делают не так, как другие люди...¹⁵

Но в то же время в этих текстах есть по-настоящему новое понимание других. В самом деле, «История» не пол-

ностью сосредоточена на Греции: автор нередко описывает самые странные в глазах своих соплеменников обычаи с большой объективностью. Он также стремится показать, что обычаи могут переходить от одного народа к другому: сами греки кое-что заимствовали у иноземцев, в том числе и у египтян. Еще ценнее то, что, описывая столь несхожие нравы, он пытается продемонстрировать современникам, что на самом деле все народы склонны считать не только собственные обычаи превосходными¹⁶, но иногда и самих себя чем-то вроде центра мироздания. Вот прекрасный пример «персоцентризма»:

Наибольшим почетом у персов пользуются (разумеется, после самих себя) ближайшие соседи, затем — более отдаленные, а потом уважением пользуются в зависимости от отдаленности. Менее же всего в почете у персов народы, наиболее от них отдаленные. Сами они, по их собственному мнению, во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете, остальные же люди, как они считают, обладают доблестью в зависимости от отдаленности: людей, живущих далее всего от них, они считают самыми негодными¹⁷.

Не для того ли это сказано, чтобы продемонстрировать своим читателям, для которых пуп земли суть Дельфы, их собственное непонимание по отношению к другим, отнесенность нравов и обычаев и необходимость изменить их манеру судить об иноземцах?

Геродот не единственный представлял таким образом иноземцев эллинам. Его современник Гиппократ, врач с Коса, систематизировал причины, могущие объяснить различия между народами. В своем трактате «О воздухе, воде и местности» он соотносит телосложение и характер жителей с климатом страны, где они обитают, с ее водами, почвами, сменой времен года, словом, с целым рядом фак-

торов, которые Геродот иногда упоминает, но не упорядочивает как систему объяснений.

На представление греков об иноземцах могли повлиять и другие обстоятельства: с одной стороны, греко-персидские войны, с другой — массовый приток рабов-«варваров».

Мидийские, или греко-персидские войны, ощущались как наступление всего «варварского» мира на Грецию, а победы эллинов при Марафоне и Саламине — как успех крохотных полисов в борьбе с несметными полчищами. Тем самым всякий чужеземец оказался окарикатурен и отождествлен с врагом, которому придали определенные черты — для начала традиционные, вроде привычки к роскоши и т.п. Затем «варварам» было вменено в вину подчинение авторитарному государственному строю, монархии, основанной на единоличной власти, — строю, который маленькие греческие полисы победили.

Удивительно то, что подобная тенденция проявилась даже у Геродота, самого что ни на есть терпимого автора. Историк рассказывает о индийских войнах в последних четырех книгах своего труда, и при том, что, как мы видели, его взгляд на иноземцев сильно отличается от общепринятого, с VI книги, то есть с начала повествования о войнах, противопоставивших варваров грекам, они становятся врагами. Показательно употребление слова «варвар» (*barbaros*). До Геродота и в большинстве его контекстов данный термин не имеет уничижительного значения: чаще всего это просто этнографическое или географическое указание. Этимологически варвар — тот, кто говорит «барбар», иными словами, тот, чью речь греки не понимают. Однако с мидийских войн слово приобретает пейоративный оттенок: различие в языке (язык обозначается словом *logos*) превращается в неодинаковую способность к разумному рассуждению (рассудок — это тоже *logos*), а варвар,

таким образом, становится интеллектуально низшим по отношению к грекам. При этом он еще и живет под авторитарной властью. Отсюда до мысли, что он от природы склонен к покорности, один шаг...¹⁸

Сделать такой шаг тем более просто, что в Грецию сотнями прибывают рабы-чужеземцы. В Афинах представители некоторых народов, например скифов, находятся исключительно в качестве рабов, и облыжно обвинить кого-то в принадлежности к этому племени — смертельное оскорбление. Эсхин, скажем, обвинял своего злейшего врага Демосфена в том, что его бабка была скифянкой...

Невозможно здесь даже в общих чертах набросать образ иноземца в греческой литературе VI—V вв. до н.э. Кроме того, такое предприятие было бы малоинтересным еще и потому, что в центре внимания опять-таки оказались бы Афины, поскольку тексты, повествующие об иноземцах, исходят, как и большинство писаний той эпохи, за исключением трудов Геродота и Гиппократ, именно из этого полиса.

Удовольствуемся лишь некоторыми замечаниями: во многих произведениях того времени, а иногда и у одного и того же автора¹⁹ мы находим две упомянутые выше тенденции: ксенофобию, подпитываемую индийскими войнами, и дух открытости навстречу другим, зачинателями которого явились ионийцы — Гекатей, Геродот, Гиппократ, а продолжателями — софисты. Возможно, не случайно никто из них не был афинянином... Несмотря ни на что, в общем представлении об иноземце, распространенном в V—IV вв. до н.э., можно все больше и больше различить одновременно и приятие даже самых странных обычаев, и отказ от ценностей, не являющихся греческими: это относится, в частности, к политическим концепциям, поскольку эллины, по крайней мере до завоеваний Александра, сохраняют приверженность своему идеалу, включающему жизнь в полисе, демократическое правление, вкус к свободе.

Хотя «варвар» и отличается от грека, это не исключает появления у некоторых авторов — особенно во второй половине V в. до н.э. — идеи единства человечества. Очень четко она выражена у Геродота, да и согласно Антифону «все мы от природы схожи, греки и варвары»; «и впрямь, все мы дышим ртом и ушами²⁰». Историк Фукидид строит свое историческое исследование на том, что человеческая природа одинакова повсюду²¹. Точно так же тексты Гиппократовой школы основываются на идее природы (*physis*), разумеется, меняющейся в соответствии с климатом и окружающей средой, но общей для всех людей.

Выше мы описали отношение к иноземцам «интеллектуалов». Оно могло, разумеется, либо влиять на мнение среднего грека, либо отражать более или менее четко выраженные тенденции, как в случае с театром или политическими и юридическими речами. Посмотрим теперь, что на самом деле происходило на уровне общественных установлений и в повседневной жизни. Хорошо ли принимали варвара в полисе? Легко ли он в него интегрировался?

Здесь мы опять-таки ограничимся несколькими замечаниями²². Прием, оказываемый чужаку, сильно отличался в зависимости от полиса. Например, в Спарте иноземцы не могли постоянно обосноваться в городе, а во время их временного там пребывания за ними следили эфоры²³, которые могли их выслать, объявив об этом через глашатая, без всяких дополнительных разбирательств, по своему усмотрению — такая процедура называлась ксенеласией²⁴. Но практика эта ограничивалась спартанским полисом. В большинстве прочих городов порядки были куда менее суровыми.

И все же начать надо с масштабного ограничения: полное и безоговорочное право гражданства даровалось чужакам лишь в очень редких случаях. Даже в архаическую эпоху, когда полисы были относительно открыты для ино-

земцев, греков и негреков, последним гражданство предоставлялось лишь изредка. Чтобы показать свое расположение к Крезу, осыпавшему приношениями святилище Аполлона, Дельфы решили предоставлять лидийцам, которые обратятся с соответствующей просьбой, гражданские права²⁵, но то был исключительный случай. В колониях эллинизированные чужеземцы почти никогда не входили в состав полиса. В классическую эпоху государства все больше и больше закрываются по отношению к грекам-иноземцам; можно предполагать, что варварам натурализоваться было еще труднее.

Существовали, однако, вполне комфортные статусы, например, статус метека, этимологически «живущего вместе». Метekom считался иноземец, постоянно проживающий в полисе и в целом достаточно хорошо в него интегрированный. Подобный статус существовал приблизительно в восьмидесяти полисах. В случае, если они с самого начала записывались в соответствующий список, платили налоги и работали в полисе, метеки получали значительную часть гражданских прав — за исключением политических. В целом с ними обращались хорошо; ремесленники и мелкие торговцы, они также часто занимались международной торговлей и становились менялами, что их сильно обогащало. Они могли участвовать в полисных празднествах, таких, как афинские панегии. В IV в. до н.э., когда число негреческих метеков увеличилось, они получили возможность молиться своим богам и возводить святилища. Постоянно проживающие иноземцы могли, в исключительных случаях, быть произведены в ранг исотела, «платящего те же налоги», что освобождало их от налогов на жилье, или получить разрешение на владение собственностью.

Особым статусом обладали проксены. Как и метеки, они могли быть греками и негреками. То были официаль-

ные «друзья гостя», имевшие тесные отношения с определенным полисом и обязанные принимать у себя греков из того полиса, который представляли: проксен Афин в Ольвии, например, должен был расквартировывать и водить по городу заезжих афинян, а также давать им необходимые разъяснения. Такие обязанности требовали времени и немалых средств: один агригентянин 26, по преданию, разместил у себя пятьсот всадников! Как ни странно, этого статуса добивались и предоставлялся он скупое. Нужно было оказать услуги полису, проксеном которого гражданин желал стать, составить письменное прошение, подать его Народному собранию, а часто и заручиться напоследок поддержкой какого-нибудь влиятельного политического деятеля.

Такая популярность объяснялась престижем и многочисленными привилегиями, которыми пользовались проксены. Прежде всего следует упомянуть об общественном признании дома и в полисе, интересы которого они представляли. Общественные гостеприимны не ограничивались приемом иноземцев. Их часто избирали послами, следовательно, то были влиятельные персоны, которые могли играть важную роль в международных отношениях. В понтийских городах афинские проксены занимали ведущее положение в торговле, за что их ценили в Афинах. Наконец, в тех частых случаях, когда они решали обосноваться в городах, интересы которых представляли, они пользовались преимуществами и там.

Разумеется, картина становится не столь радужной, если рассмотреть прочие категории чужеземцев: рабы, которые могли быть и эллинами, но часто оказывались негреками, захваченными на войне или попавшими в плен к пиратам, не имели никаких прав и подвергались жестокому обращению. Не баловали особой заботой и заезжих путешественников; они чаще всего размещались у городских ворот или в портах.

Интеграция негреков в полис была, таким образом, возможной, часто легкой, но никогда полной. Не будучи в состоянии участвовать в политике, они довольно мало интересовались тем, что составляло суть полисной жизни. Но, как вы могли заметить, подлинного различия между греческим и негреческим чужаком не существовало. Эта страна не знала проблем иммиграции, которые переживают наши общества, — отчасти, возможно, потому, что приток иностранцев всегда считался необходимым для развития полисов: в Афинах такой приток был вызван подъемом Пирея, повлекшим за собой экономический рост. Статус метеков никогда не ставили под сомнение даже самые консервативные авторы. Кроме того, статус иностранцев был договорным и индивидуальным, а не коллективным, поэтому они никогда не воспринимались как «масса», как некая неопределенная общность.

Проблема языка; переводчики

На каком же языке происходило общение с иноземцами? В полисе, как правило, на греческом. В архаическую и классическую эпохи смешение народов в городах позволяло всегда иметь под рукой кого-нибудь, кто говорил одновременно и на родном языке, и по-гречески: многочисленные рабы и метеки могли от случая к случаю или постоянно служить переводчиками, а уж второе поколение, дети новоприбывших, было по необходимости двуязычным.

Даже перевод письменных текстов, требующих более глубоких лингвистических познаний, чем устное общение, не представлял никаких сложностей, во всяком случае, в городах. Так, Фукидид рассказывает о послании, направленном персами спартанцам и перехваченном афинянами:

Следующей зимой Аристид, сын Архиппа... захватил в Эйоне на Стримоне перса Артаферна, направлявшегося от персидского царя в Лакедемон. Артаферна перевезли в Афины, где его послания перевели с ассирийского письма²⁷ и прочитали. Помимо прочего, содержание их в основном сводилось к следующему: царь не понимает, чего хотят лакедемоняне, так как все их послы, приезжавшие к нему, говорили разное; и вот, если они желают ясно объясниться, то должны с этим персом отправить к нему послов²⁸.

Из текста явствует, что и афиняне, и спартанцы могли во всех подробностях разобрать довольно длинное и сложное письмо на ассирийском или персидском. Формулировка Фукидида не оставляет сомнений в том, что письма переводились в два этапа: сначала их транскрибировали, затем переводили. Историк, однако же, не упоминает, кто был переводчиком (или переводчиками). Во всяком случае ясно, что найти таковых не составляло особого труда.

Надо думать, что при поездках в другие страны тем более можно было без особых хлопот обнаружить людей, говорящих по-гречески: повсюду, где существовали колонии, путешественник не мог не встретить либо греков, способных объясниться на местном наречии, либо, скорее, автохтонов, изучивших греческий для налаживания отношений с соответствующим полисом. В то же время мы видели, что плавания были в основном каботажными, так что было нетрудно, даже направляясь в еще не освоенную местность, во время одной из стоянок взять на борт на один или несколько дней импровизированного «проводника», говорящего и немного по-гречески, и на местном языке. Ну а в таких странах, как Персия или Египет, существовали профессиональные переводчики. Со дня основания греческого города Навкратиса правивший тогда Египтом фараон Псамметих вверил заботам обосновавшихся на его земле ионийцев и карийцев

...египетских юношей на обучение эллинскому языку. Эти египтяне — предки теперешних толмачей в Египте²⁹.

В великой Персидской империи недостатка в переводчиках не было. Опять-таки согласно Геродоту, Дарий сумел наладить общение между греками и индийцами, чтобы они через переводчика обсудили весьма серьезную проблему относительности обычаев³⁰.

У нас не так уж много сведений об этих толмачах, временных или постоянных, но в этом нет ничего удивительного. В архаическую и классическую эпохи они, видимо, не образовывали фиксированной профессиональной группы, поэтому говорить об их принадлежности к таковой не представляется возможным. Если древние авторы их и упоминают, то только в тот момент, когда необходимо наладить общение: тогда нужно искать переводчика, посылать его к имяреку и т.п. Поэтому в текстах, посвященных, подобно сочинениям Геродота или Ксенофонта, событиям за границей, часто упоминаются толмачи. Но как только коммуникация установлена — если она развивается успешно — они становятся невидимками. Два текста, написанные с интервалом в несколько десятков лет, в этом отношении особенно показательны.

В I книге «Истории» Геродота Крез захвачен Киром и возведен на костер. Поскольку он стонет и произносит имя Солона, Кир посылает переводчиков узнать, кого он призывает. Переводчики беседуют с Крезом и передают персидскому царю его слова: пленник взывал к Солону, вспомнив перед лицом смерти, что тот говорил о природе человека и о человеческом счастье. Слова эти заставляют Кира задуматься, и он решает потушить огонь. После снятия Креза с костра оба царя беседуют о том и о сем, не испытывая никаких затруднений со взаимопониманием. Дело не в том, что Крез вдруг начинает понимать

персидский или Кир — лидийский: просто после установления контакта историк более не считает нужным упоминать переводчиков³¹. Точно так же Ксенофонт в своем «Анабасисе», отправляясь на встречу с Севфом, царем Фракии, берет с собой переводчика, явно считая, что они с царем друг друга не поймут. Однако же приводимый далее диалог между греческим писателем и Севфом идет, как кажется, напрямую, без посредства переводчика³².

До сих общение налаживалось в основном на греческом. А были ли среди эллинов люди, свободно владевшие иностранными языками? Все зависело от места проживания: для грека из колонии, расположенной за пределами Пелопоннеса, в контакте с другими народами, явно было естественным хоть немного говорить на местном языке. Так, Гистией, когда

во время бегства какой-то персидский воин настиг его и хотел было уже заколоть... объявил ему по-персидски, что он — Гистией из Милета³³.

Этот пример никоим образом не доказывает, как иногда утверждается³⁴, что Гистией был двуязычен. В самом деле, нет ничего сложного в том, чтобы произнести на другом языке свое имя, даже сопроводив его фразой или подобием фразы...

Что же касается действительно двуязычных персонажей, они очень редки: Фемистокл, бежавший к царю царей, по собственной инициативе выучил язык за год и мог общаться с царем без переводчика³⁵. Этот случай, упомянутый многими античными авторами, исключителен. Поздний писатель Афиней сообщает, что и Алкивиад, как Фемистокл, выучил персидский, но его изучение другого языка представлено как отрицательный пример, поскольку имело целью добиться благосклонности Фарнабаза³⁶. У

эллинов в целом, похоже, не было вкуса к изучению других языков, и нет никаких следов того, что их образование предусматривало такую дисциплину.

После завоеваний Александра и установления эллинистических монархий преобразилась и лингвистическая ситуация: проблема языка, по крайней мере в одной из частей обитаемого мира, больше не возникала. Греческий стал языком не только канцелярий и управления, но и множества городов, особенно новых, вроде Александрии или Пергама. Распространившийся таким образом слегка упрощенный язык представляет собой смесь аттического и ионийского, и его обыкновенно называют «койне», буквально «общий [язык]». С этим наречием по всему Востоку, от бывшей Персидской державы до окраин Азии, распространились греческие культура и образ жизни.

КНИГИ СО ВСЕГО МИРА ПЕРЕВЕДЕННЫЕ НА ГРЕЧЕСКИЙ: АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Рождение библиотеки

В книге о коммуникации в Греции нельзя обойти молчанием Александрийский мусейон и библиотеку, чье создание стало первой попыткой собрать важнейшие письменные тексты из всех стран, во многом благодаря чему до нас дошли древние тексты.

Именно в Александрии, в царствование Птолемея I Сотера (322—283 гг. до н.э.), македонца, соратника Александра, родилась крупнейшая античная библиотека. Его сын, Птолемей Филадельф, продолжил дело отца, обогатив первоначальное собрание. Властитель Египта прежде создал мусейон, центр литературных и научных изысканий, сотрудники которого находились на государственном обеспе-

чении, не испытывая никаких материальных забот. Вскоре к мусейону присоединили библиотеку, развивавшуюся, согласно традиции, в соответствии с советами Деметрия Фалерского, ученика Аристотеля и Феофраста.

Целью Птолемея I, основателя Александрийской библиотеки, было собрать книги всех народов мира. Он написал всем земным властителям письмо, в котором просил присылать ему произведения всякого рода авторов, «поэтов и прозаиков, риторов и софистов, врачей и прорицателей, историков и всех прочих»³⁷.

На комплектование собрания были направлены колоссальные средства, как людские, так и денежные. Прежде всего необходимо было раздобыть тексты, и можно себе представить, что во все концы было отправлено множество гонцов для доставки книг в Александрию. Иногда, чтобы получить отсутствовавшие в библиотеке произведения, приходилось расставаться с крупными суммами, о чем свидетельствует текст, повествующий о приобретении пьес афинских трагиков. Афиняне согласились предоставить для копирования свой единственный экземпляр, критический текст которого был утвержден Ликургом, только под залог в пять талантов, что составляло гигантскую сумму.

Чтобы облегчить комплектование, случайно попавшие в Александрию книги конфисковывались: если верить Галену, автору II в. н.э., все корабли, бросавшие якорь в порту этого города, должны были сдать все перевозимые тексты. Их копировали, после чего копии отдавались владельцам, а оригиналы поступали в библиотеку.

Итак, после поступления текстов их было необходимо скопировать, поскольку произведение часто существовало в одном экземпляре. Опять-таки количество книг заставляет предполагать наличие внушительного штата переписчиков, пусть и исключительно для работы с книгами, которые привозили останавливавшиеся в Александрии суда.

Но библиотека мусейона была не просто огромным собранием книг, но и местом, где начался перевод текстов со всего мира. В самом деле, Птолемей решил перевести на греческий книги всех народов. Можно представить, какие средства потребовались для подобного предприятия: во всех странах были отобраны ученые, в дополнение к прекрасному знанию родного языка великолепно владевшие греческим.

По влиянию на последующую культуру самым важным оказался перевод Ветхого Завета с еврейского на греческий. Согласно традиции, Птолемей поручил некоему Аристею, иудею из диаспоры, отправиться в Израиль и отыскать там достаточное количество ученых, способных перевести священный текст. В результате в Александрию прибыло семьдесят два знатока, по шесть от каждого из колен израильских. Именно по их числу и была названа Септуагинта, или перевод семидесяти двух толковников — греческий текст Библии. Они обосновались в Фаросе и, по преданию, завершили перевод за семьдесят два дня.

Септуагинта — первый великий перевод Библии. Она стала определяющей в процессе эллинизации иудейского монотеизма. Для христианской церкви она стала каноническим текстом Ветхого Завета, пока в IV в. ее не сменил в этом качестве латинский перевод св. Иеронима. Наконец, она дала возможность иудеям диаспоры, не знавшим еврейского, получить доступ к Библии. Другим памятным переводом явилось переложение иранских текстов, приписываемых Зороастру, — всего более двух миллионов стихов³⁸.

Когда тексты были собраны, скопированы, при необходимости переведены, их следовало классифицировать... Прежде чем посмотреть, как выполнялась эта работа, попробуем определить количество книг в библиотеке мусейона.

Такого рода подсчеты представляют определенную сложность, поскольку цифры, приводимые античными

авторами, весьма разнятся. Согласно Иоанну Цецу, писателю XII в. н.э., который, видимо, пользовался эллинистическими источниками, в библиотеке при Птолемеи Филадельфе было якобы 400 000 смешанных книг (*symmigeis*) и 90 000 несмешанных (*amigeis*). Этим загадочным определениям современные ученые предлагали разные объяснения; согласно наиболее правдоподобию, «смешанные» книги суть произведения, образованные соединением нескольких свитков, тогда как «несмешанные» написаны на одном свитке. Таким образом, свиток, как правило, представляет собой не целую книгу, а, если хотите, «тетрадь». Этим и объясняется внушительное количество цитируемых древними произведений, которое у Авла Геллия и Аммиана Марцеллина доходит до 700 000. Правда, истине, скорее, соответствуют наименьшие из приводимых цифр.

В мусейоне бесменно трудилась команда, возглавляемая библиотекарем. Первым библиотекарем был Зенодот Эфесский, да и среди его предшественников было немало знаменитостей: Каллимах, Аполлоний Родосский, Аристован Византийский, Аристарх. Цари даровали им определенные привилегии: право дарового питания, жалованье, налоговые льготы. Они были отобраны монархом, пользовались его покровительством, не испытывали никаких материальных затруднений. По-видимому, они постоянно находились на рабочем месте: даже выходя из мусейона, они пребывали в пределах дворцовой ограды. Такой образ жизни стоил им определенной критики со стороны современников: философ-скептик Тимон называл мусейон «клеткой Муз», местом, где выводят ³⁹ «книжных бумагома-рак, постоянно клюющих друг друга».

Одним из величайших нововведений Александрийской библиотеки было создание каталогов: Каллимах первым составил каталог авторов, блиставших в каждой из дисциплин, — титанический труд, сам по себе занимавший

сто двадцать свитков. Он, однако же, не был лишен недостатков: с одной стороны, то была лишь выборка, антология, поскольку классифицировались лишь самые выдающиеся; с другой стороны, хотя каталог и заключал в себе идею упорядочения свитков, он не был ни планом, ни указателем. Использовать его мог только тот, кто уже работал в данном книгохранилище. Каталоги, предназначенные помочь читателям ориентироваться, появились гораздо позже, при Дидиме.

Множество книг, собранных в мусейоне, требовало гигантской работы по классификации и установлению критических текстов. Последнее было оправданным не только потому, что иногда в библиотеке имелось по несколько экземпляров одного и того же произведения и, соответственно, по несколько вариантов, но и из-за плачевного состояния некоторых из них. Кроме того, чтение рукописей было затруднено, поскольку писались они без пробелов: слова не разделялись и знаки препинания отсутствовали, что затрудняло интерпретацию, как отмечал уже Аристотель, комментируя труд Гераклита.

Критика текстов стала, таким образом, одним из основных видов деятельности работавших при библиотеке ученых. Благодаря этим эрудитам была усовершенствована пунктуация: они ввели значки ударений и, для стихотворных произведений, колометрию, или расположение текста в соответствии с ритмическими единицами. Книги, написанные аттическим алфавитом, были переписаны ионийским, имевшим больше букв и лучше приспособленным к фонетике греческого языка. Такого рода работа, связанная с тщательнейшим изучением текста, породила ценные комментарии, особенно к Гомеру и другим поэтическим произведениям, которые частично дошли до нас в сохранившихся средневековых рукописях.

Конец Александрийской библиотеки

Из всего огромного предприятия, каким была Александрийская библиотека, до нас непосредственно ничего не дошло. Известно, что собрание книг сгорело, но каким образом? Этот вопрос занимал многих знатоков, и сегодня в ходу два объяснения.

Согласно некоторым историкам, библиотеку сжег Цезарь во время военных действий в Александрии. Осажденный во дворце, он приказал своим людям поджечь корабли Птолемея XIII, стоявшие на якоре в порту. Пожар вскоре перекинулся на берег и уничтожил библиотеку.

Однако же тут не все ясно. Чтобы библиотека сгорела целиком, она должна была находиться далеко от дворца, что не следует ни из одного античного источника. В то же время деятельность ученых продолжалась и спустя много времени после битвы за Александрию. Имели бы они такую возможность, если бы все книги сгорели?

Кроме того, Тит Ливий и Сенека, впервые упоминающие о гибели книг во время военных действий, говорят о 40 000 уничтоженных свитков, цифре, ничтожной по сравнению с количеством книг в библиотеке. И если у более поздних авторов, Авла Геллия или следующего ему Аммиана Марцеллина, сказано о гибели 700 000 свитков, то они явно преувеличивают их число, имея в виду, что сгорела вся библиотека, в которой, по их мнению, содержалось именно столько книг.

В пожаре, вызванном действиями Цезаря, явно погибли лишь те книги, что хранились в зданиях, непосредственно примыкавших к порту. Были ли то библиотечные пристройки? Случайно ли там оказались книги? На эти вопросы нет ответа. В любом случае несомненно, что они составляли мизерную часть фондов великой библиотеки.

По второй версии, книги погибли много позже, во время взятия города арабами в 640 г. н.э. Во главе завоевателей стоял Амр ибн ал-Ас. Заинтересовавшись библиотекой и ее историей, он, не решаясь взять на себя ответственность, запросил халифа Умара, как поступить с книгами. От халифа пришел следующий ответ:

Что же до книг, о которых ты мне сообщил, вот мой ответ: если их содержание соответствует тому, что говорится в Книге Аллаха, мы можем без них обойтись, ибо в этом случае Книги Аллаха более чем достаточно. Если же в них есть что-то, чего нет в Книге Аллаха, нет никакой надобности хранить их. Действуй и сожги их 40.

Повинуясь приказу халифа, Амр ибн ал-Ас якобы и уничтожил библиотеку. По преданию, он распределил книги по всем александрийским баням, где их использовали для топки. На то, чтобы сжечь все, понадобилось полгода.

С такой версией гибели библиотеки тоже согласны далеко не все. Некоторые полагают, что это легенда, созданная в эпоху Крестовых походов, не ранее XII в. Странно, однако, что впервые она встречается у мусульманских авторов, хотя явно звучит обвинением со стороны христиан...

Можно задаться вопросом: а так ли уж необходимо любой ценой стремиться установить точную дату гибели библиотеки? Так или иначе, при сегодняшних знаниях добиться ясности невозможно. Было ли арабское завоевание последним звеном в цепи разрушений: в III—IV вв., когда в Александрии заявляет о себе христианская община, группки фанатиков то и дело нападают на культурные центры языческого мира, особенно на Серапеум, расположенный недалеко от музейона. Вполне возможно, что от их нападений страдала и библиотека.

Как бы то ни было, и комплекс зданий, и книги погибли безвозвратно. В чем же заключалась в тогдашних условиях их роль? Александрийское книгохранилище не было публичной библиотекой, местом распространения книг, куда, как в наши дни, каждый может прийти и беспрепятственно ознакомиться с имеющимися там текстами или даже взять их на дом. Не была она в полном смысле слова и научным учреждением, открытым для ученых, поскольку работали там только те, кто жили при библиотеке, которая представляла собой прежде всего место хранения книг, обитель памяти. Но в то же время это гигантское предприятие, состоявшее в том, чтобы собрать под одной крышей книги со всего мира, перевести их, классифицировать и прокомментировать — даже если классификации и комментарии впоследствии не всегда учитывались, — явилось делом огромной важности. Благодаря ему сохранилось множество текстов, переписанных и переданных в другие великие эллинистические библиотеки, например Пергамскую, которые постепенно открылись для публики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Греция по многим статьям может считаться изобретательницей способов коммуникации, дошедших до современных обществ в почти неизменном виде: алфавит, воспринятый, разумеется, у финикийцев, дошел до нас через посредство римлян едва ли не в первоизданном виде; риторика стала неотделимой от европейской культуры. Именно в греческом мире выработали принципы составления и распространения книги, после чего самые разные труды были собраны в великих библиотеках эллинистического мира. В Греции проводились важные религиозные и культурные собрания, такие, как театр или игры. И то и другое сохранилось до наших дней, пусть и утратив религиозную составляющую, придававшую им в древности истинную значимость. Кроме того, эллинский мир изобрел, по выражению Мозеса Финли, политическую коммуникацию, сформировав структурированные и упорядоченные собрания, где по результатам прений, в которых каждый мог взять слово, принимались общие решения. Греческий полис отрегулировал деятельное участие возможно большего числа людей в делах сообщества. Существовала в нем и чрезвычайно разработанная система общения в рамках таких специфических общественных сред, как агора или гимнасий. По многим показателям полис вправе именоваться «обществом коммуникации», которое и сегодня может нас многому научить.

Наряду с объективными достижениями мы находим в настоящем и греческие подходы, вопросы и критики. Греческий политический деятель успел озаботиться своим, как мы бы выразились сегодня, «имиджем»: образ общественного деятеля, посвятившего жизнь судьбам государства, зародился именно в V в. до н.э. Что касается софистов, то их по многим параметрам можно сравнить с современными консультантами по проблемам коммуникации: они требовали огромной платы за обучение, относительно которого тогда, как и сейчас, многие задавались вопросом: а есть ли в нем истинное содержание, не предпочитает ли оно внешнее внутреннему, а видимость реальности? Вопрос этот остается открытым и в наши дни. Наконец, не кто-нибудь, а Аристотель подводил базу под то, что мы сейчас называем коммуникацией, утверждая, что совершенно необходимо подлаживаться к собеседнику или слушателям.

Коммуникацию в том виде, в каком мы ее описали, выработали в рамках весьма ограниченных пространств. В более широком контексте она была неприменима, вот почему сложно подвести положительные итоги при переходе на уровень всего греческого мира, во всяком случае в архаическую и классическую эпохи. Именно потому, что эллины оказались неспособными объединиться, утвердить общую политику, создать прочные связи между полисами, маленькие государства, жившие в непрерывном состоянии войны, были ослаблены и в конце концов поглощены Александром и его преемниками. Собрать их вместе могли только крупные международные мероприятия, такие, как игры и религиозные праздники.

Исследование коммуникации позволило нам выявить некоторые характерные черты греческой цивилизации: подобный подход стал, если угодно, новым углом атаки на ряд вопросов, выявляющим аспекты, о которых до того и не подозревали, побуждающим читать древние тексты. Мы

не стремились проследить эволюцию во времени год за годом и десятилетие за десятилетием; напротив, мы старались обнажить основные тенденции, представить читателю — после краткой преамбулы о микенской Греции и Гомере — «фотографию» коммуникации в классическую эпоху. Надеюсь, эта книга поможет объяснить, почему мы и сегодня так интересуемся греческой цивилизацией.

Историю коммуникации в эллинистическом мире еще предстоит написать: с иной формой политической жизни возник и совершенно иной способ взаимоотношений. Полисы сохранили свою среду собраний и диспутов: агоры, театры, гимнасии, святилища, но они перестали быть центром политической коммуникации, которая замкнулась на локальных проблемах и уже не принимала форму прений, где на кону стояли судьбы полисов. В то же время образовалась международная сеть обмена, куда более развитая, чем в классическую эпоху. Мы рассмотрели лишь одну ее сторону — распространение книг и идей через посредство великих библиотек эллинистического мира. Они, что немаловажно, явились необходимым звеном передачи нам древних текстов, так что эта книга отчасти обязана им своим появлением.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕРМЕС

Гермес — бог дорог и границ, посланник богов, а также проводник душ умерших в Аид (*psychopompos*). Он, таким образом, есть самый настоящий бог коммуникации, и если мы не упоминали о нем в основном тексте книги, то потому лишь, что он участвует в коммуникации не на повседневном уровне, о котором мы здесь говорим, а на уровне представлений. Кроме того, очень трудно определить характеристики и сферу деятельности античного божества, что представляет собой отдельный сюжет...

Миф о Гермесе в том виде, в каком он изложен в гомеровском гимне этому божеству¹, позволяет понять и объединить его разнообразные функции².

Гермес — сын Зевса и Майи. Зачатый ночью, когда остальные боги спали, он родился в пещере и тут же продемонстрировал сообразительность и хитрость: непосредственно в день рождения он вылез из колыбели и отправился в Пиэрию похищать коров своего брата Аполлона. По дороге он встретил черепаху, убил ее и, очистив панцирь, натянул на него семь струн: так родилась лира. Следуя намеченной цели, он добрался до Пиэрии, нашел Аполлоново стадо, зарезал и принес в жертву двух коров, а пятьдесят угнал и спрятал в пещере. Из предосторожности он завел их туда задом наперед, так, чтобы их следы вели

на поле, где те обычно паслись. Свою вину отрицал и перед Аполлоном, и перед собранием богов. Зевс, которого происходящее позабавило, велел братьям помириться. Что до Аполлона, очарованного лирой, он думал только о том, как бы ее получить, и взамен даровал Гермесу блаженство и славу.

Украсть священных животных, даже если по мифу они остаются в пещере, — значит позволить им распространиться среди людей, перестать быть собственностью одних только богов. Таким образом, Гермес — бог пастухов и одновременно культурный герой. Гимн демонстрирует двуличность Гермеса, имеющего отношение к темноте, ночи, хитрости и обману. Он бог воров, и всякая случайная находка есть гермейон, дар Гермеса, дар божий.

Его речи перед лицом Аполлона, а потом перед собранием богов подобны сети, которую он искусно плетет вокруг слушателей, и потому Гермес — бог ораторского искусства, покровитель красноречия. Изобретательность его проявляется не только в словах: этим можно объяснить многие его функции, например, то, что он — бог атлетов, а его статуи устанавливают в гимназиях. Ведь атлет должен проявить ловкость и находчивость, чтобы улучшить удобный момент и одержать победу. Юный Гермес изобрел множество приспособлений: волшебные сандалии, с помощью которых он заметал следы во время похищения коров Аполлона, лиру. Изобретения эти вызвали всеобщее восхищение; благодаря им он обрел по-настоящему божественный статус, так что для греков Гермес — бог-волшебник. Он обменял созданную им лиру на блаженство и славу, и потому он — бог обмена. Он бог-посланник, бог купцов и путешественников. Его изображают в крылатых сандалиях и широкополой шляпе, головном уборе путешественника.

Кроме того, Гермес — бог-переводчик: «переводчик» по-гречески *hermeneus*. Разумеется, подлинной этимологической связи между словом *hermeneus* и именем Гермеса не

существует, но для греков семантическое родство двух терминов было самым собой разумеющимся.

Гермес упоминается уже в микенских табличках, а его имя родственно слову «герма» (*herma*) — куча камней, с помощью которой обозначали границы. В классическую эпоху гермы превратились в четырехугольные каменные столбы с изображением фаллоса в возбужденном состоянии, увенчанные погрудным изображением Гермеса. Их ставили на границах, на перекрестках, у общественных зданий, перед домами; некоторые использовались как дорожные указатели. Как фаллические изображения они должны были отпугивать вредные воздействия, помогать избежать дорожных опасностей и нежелательных встреч. В Афинах тиран Гиппарх возвел в 520 г. до н.э. гермы с нравоучительными сентенциями. В 415 г. до н.э., накануне экспедиции на Сицилию, эти столбы были повреждены; согласно древним текстам, были изуродованы лица статуй. Дело вызвало возмущение, сопровождавшееся волной доносов и террора, поскольку все опасались олигархического заговора.

Гермес был связан и с антикоммуникацией, определенной формой эзотерики (ср. наше слово «герметичный»): в данном случае речь идет о Гермесе, переосмысленном неоплатониками и адептами мистицизма. Он был отождествлен под именем Гермеса Трисмегиста, «Трижды величайшего»⁵, с египетским богом Тотом, отцом и основателем всякого знания, и считался автором ряда трудов, основанных на откровении, самые древние из которых восходят ко II в. до н.э. Эти тексты весьма разнообразного содержания посвящены астрологии, алхимии, религии, философии. В эллинистическую эпоху они составили основу эзотерического обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Debray R. Cours de médiologie générale. - Paris: Gallimard, 1991. — P. 238.

² С другой стороны, вполне возможно объяснять с точки зрения современных подходов не древнегреческую коммуникацию в целом, а ее точечные аспекты, определенные практики.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

¹ От греч. *syllaba* — слог.

² Эххил. Прометей прикованный. 460—461 (пер. С. Апта).

³ Кадм также считается мифическим основателем Фив, предком Эдипа.

⁴ Геродот, V, 58-59 (пер. ГА. Стратановского).

⁵ Здесь: «приблизительно» (*ит.*).

⁶ В нем, в частности, проводилось различие между кратким и долгим о (обозначавшимися соответственно через омикрон и омегу) и между кратким и долгим е (обозначавшимися через эпсилон и эту).

⁷ Мы не беремся рассуждать о запутанных и до настоящего времени не решенных проблемах, связанных с личностью и творчеством Гомера. Предельно упрощая, можно выделить следующие дискуссионные вопросы: 1) Были ли гомеровские поэмы сложены устно или сразу же записаны? 2) Существовал ли Гомер? 3) Если да, то был ли это один поэт или два (один — автор «Илиады», второй, живший позже, — автор «Одиссеи»? 4) Что представляла собой цивилизация, описанная в поэмах Гомера? На сей счет ясно одно: эта цивилизация, вопреки распро-

страненному долгое время мнению, не была микенской. 5) В какой мере гомеровские поэмы можно считать историческими источниками? Проблемам, связанным с «Илиадой» и «Одиссеей», посвящено множество прекрасных обобщающих работ. Отметим прежде всего: *Finley M.J. The World of Ulysses*. — L., 1954; *Kirk G. The Songs of Homer*. — Cambridge, 1962 (оба автора отстаивают теорию полностью устного творчества и относят существование мира Улисса к «темным векам», X—IX вв. до н.э.); книга: *Mossé C. La Grèce archaïque d'Homère à Eschyle*. - Paris, 1978, резюмирует ведущие споры.

⁸ «Одиссея», VIII, 43 слл. (пер. В.А. Жуковского).

⁹ Parry Milman, *L'épithète traditionnelle dans Homère* (1928)

¹⁰ Гесиод, «Теогония», 100—101.

¹¹ Гесиод, «Труды и дни», 650 сл.

¹² «Илиада», XXII, 304-305.

¹³ Возможно, повествований нескольких авторов.

¹⁴ «Илиада», III, 79-85.

¹⁵ «Илиада», I, 233 слл.

¹⁶ *Frontisi-Ducroux F. La cithare d'Achille*. P. 36.

¹⁷ Двойственное число относится к Гере и Афине, поскольку Афины к Ахиллу отправила Гера.

¹⁸ «Илиада», I, 216-218.

¹⁹ *Ibid.*, IV, 55-56.

²⁰ *Ibid.*, VI, 123-210.

²¹ *Ibid.*, VI, 226-231.

²² *Ibid.*, I, 248-249.

²³ *Ibid.*, III, 216—224.

²⁴ *Ruzé F. La fonction de délibération dans le monde des cités grecques: de Nestor à Socrate*. P. 40.

²⁵ За исключением XIX песни «Илиады», где раненый Агамемнон говорит прямо с места, не выходя на середину.

²⁶ Ср., например: *Détiéne M. Les maîtres de vérité dans la Grèce archaïque*. P. 84 sq.; *Ruzé F. Op. cit.* P. 56.

²⁷ *Ruzé F. Op. cit.* P. 63.

²⁸ «Илиада», II, 244-245.

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁹ *Ibid.*, II, 265-269.

³⁰ *Ibid.*, II, 142-151.

³¹ *Ibid.*, II, 271-275.

³² «Одиссея», II, 239 слл.

³³ *Ibid.*, XVI, 375 слл.

³¹ *Mossé C. La Grèce archaïque d'Homère à Eschyle*. P. 72.

³⁴ «Одиссея», I, 117-121.

* «Одиссея», III, 31-35.

³⁷ *Ibid.*, IX, 174-176.

³⁸ *Ibid.*, VII, 15-17.

³⁹ *Ibid.*, VII, 31-33.

⁴⁰ *Ibid.*, IX, 39 слл.

⁴¹ *Ibid.*, VIII, 186 слл.

⁴² *Ibid.*, III, 464 слл.

⁴³ *Ibid.*, IV, 52 слл. (здесь, как и в некоторых других случаях, перевод В.А. Жуковского не полностью отражает содержание оригинала: в частности, в русском переводе нет упоминания о вестнике, наливающим вино. - *Прим. пер.*). Мы имеем дело со стихотворными формулами, неоднократно употребляющимися в «Одиссее».

⁴⁴ *Ibid.*, IV, 61.

⁴⁵ *Ibid.*, IX, 272 слл.

⁴⁶ *Ibid.*, I, 165-166 (здесь содержание строк в оригинале и в переводе Жуковского не вполне совпадает - в греческом тексте это строки 169-170. - *Прим. пер.*).

⁴⁷ *Ibid.*, IV, 26-28.

⁴⁸ *Ibid.*, V, 77-80 (в оригинале - 75 слл. - *Прим. пер.*).

⁴⁹ *Ibid.*, III, 345-355.

⁵⁰ *Ibid.*, IV, 588.

⁵¹ *Ibid.*, XV, 200-201.

⁵² *Ibid.*, IX, 229-230.

⁵³ *Ibid.*, IX, 266 слл.

⁵⁴ *Ibid.*, IV, 125 сл.

⁵⁵ *Ibid.*, IV, 587 слл.

⁵⁶ *Ibid.*, I, 170 слл.

- ⁵⁷ Finley M.I The World of Ulysses. P. 00.
⁵⁸ «Илиада», IX, 122 слл.
 6 Демосфен, III, 139-140. Против Аристогитона, I,
⁵⁹ Архэ — «власть» (греч.)
⁶⁰ Логос — «речь» (греч.)
⁶¹ Logos — «речь» (греч.)
⁶² Vemant J.-P. Les origines de la pensée grecque. P. 45.
⁶³ Солон, фрагмент 36 Wesl, стихи 18-20 (рус. пер. Вяч. Иванова).
 8 Ср.: Полисное общественное здание, где поддерживался священный
 огонь и столовались почетные гости полиса и лица, находившиеся на
 государственном обеспечении.
⁶⁵ Гортина — город на о. Крит.
⁶⁶ Известно также по меньшей мере три шумерских и аккадских
 свода законов, составленных раньше кодекса Хаммурапи и явно повлия-
 вших на него.
⁶⁷ Détienné M. «L'espace de la publicité» - Les savoirs de l'écriture en
 Grèce ancienne. P. 46.
⁶⁸ Пер. В.А. Якобсона.
^m Плутарх, «Солон», XXV (пер. С. Соболевского).
⁷⁰ Ср.: Ruzé F. «Aux débuts de l'écriture politique: le pouvoir de l'écrit
 dans les cités». — Les savoirs de l'écriture en Grèce ancienne. P. 82—94.
 Автор анализирует, в частности, случай писца Спенсифия на Крите ок.
 500 г. до н.э.

КОММУНИКАЦИЯ В ГРЕЧЕСКОМ ПОЛИСЕ

- ¹ Martin R. Recherches sur l'agora grecque. P. 279 слл. В поэмах Го-
 мера и у ранних лириков, как и у Пиндара и Эсхила, слово «агора» ни-
 когда не означает «рынок». Новое значение «рынок, место обмена» мы
 находим только у Геродота. Согласно Мартену, семантическая эволюция
 идет рука об руку с реальностью: в гомеровском мире коммерция сво-
 дилась к торговле вразнос, и только после великих экономических пре-
 образований VII—VI вв. до н.э. установился товарооборот в крупных
 размерах и торговля обосновалась в полисе, а именно на агоре.
² Ibid. P. 337.
 3 Аристофан, «Мир», стих 1005 слл. (пер. А. Пиотровского).
 4 Плутарх, «Никий», 30.

- 5 Лисий, «Речь о том, что не дают пенсии инвалиду», 20 (пер.
 СИ. Соболевского).
 52. [На самом деле в тек-
 сте Демосфена, на который ссылается автор, такого пассажа нет. —
 Прим. пер.]
⁷ Демосфен, «О предательском посольстве», 122 (пер. С. Оше-
 рова).
 VI, 3, 2—3. Спартанцы, от-
 правившиеся на войну против Мессении, отослали в свой полис самых
 молодых и сильных с наказом вступить в связь со всеми спартанскими
 девушками: полису в то время угрожало обезлюдение, и они сочли подоб-
 ное средство наилучшим для увеличения численности населения. Но
 впоследствии парфении, как рожденные вне брака, не получили равных
 с прочими гражданами прав, что и толкнуло их на восстание.
⁹ Страбон, VI, 3, 3.
¹⁰ Плутарх, Ликург, 22.
¹¹ Аристарх убил Никодема, который, заметим в скобках, некогда
 свидетельствовал против Демосфена, обвиняя того в дезертирстве.
¹² Демосфен, «Против Мидия о пощечине», 104 (пер. В.Г. Бору-
 ховича).
¹³ Сикофанты — профессиональные доносчики. Об этимологии
 слова и роли сикофантов см. ниже, с. 136—138.
¹⁴ «Всадники», 181.
¹³ Аристофан, «Облака», 990—992 (пер. А. Пиотровского).
¹⁶ В тексте сказано буквально «швырять вывороченный с корнем
 чертополох», что во французском переводе Ван Даале передано как
 «вести задиристые бессвязные речи».
¹⁷ Аристофан, «Облака», 1002-1004.
¹⁸ Политические группировки, состоявшие в основном из аристо-
 кратов.
¹⁹ Платон, «Теэтет», 173d (пер. Т.В. Васильевой).
²⁰ Или, во всяком случае, тому, во что, по мнению этих авторов,
 она превратилась.
²¹ Кима — город в Малой Азии.

²² Павсаний, III, 11, 3.

²³ Делион — город в Беотии.

²¹ Ср.: Плутарх, «Ликург», VI: «Ни портика, ни другого какого-либо здания там не было: по мнению Ликурга, это не только не делало присутствующих умнее, но даже вредило им, давая им повод болтать, хвастаться и развлекаться пустяками, когда они во время Народного собрания станут любоваться статуями, картинами, театральными портиками или роскошно украшенным потолком здания Совета» (пер. В. Алексеева).

²⁴ *Martin R.* Op. cit. P. 308.

^{2П} Эсхил, «Эвмениды», стих 235 сл. Орест убил свою мать и ее любовника Эгисфа, но в тексте подчеркивается, что после всех своих странствий он более не запятнан.

²⁷ Аристофан, «Птицы», 189—193.

²⁸ Ср.: *Amandry P.* La mantique apolinienne. P. 49.

²⁹ Ср.: Геродот I, 65; 66-67; 174; V, 92; VI, 19.

³⁰ Ср.: Геродот, I, 46—47, по поводу Креза. Гонцов могло быть и несколько.

³¹ Там же, I, 53.

³² Там же, I, 55 (пер. Г.А. Стратановского). Под мулом подразумевался Кир, сын мидянки и перса.

³³ *Delcourt M.* Les grands sanctuaires. P. 87.

³¹ *Jaquemin A.* «Une femme sous l'influence», выступление на «Днях Геродота» (Journées Hérodote) в Страсбурге 4 февраля 1995 года; опубликовано в журнале *Ktèma*.

³⁵ Эпихарм, в кн. *Fragmenta Epicharmi* № 79 TLG; этот текст цитирует Ру (*Roux G.* Trésors, temples, tholos / / Temples et sanctuaires, G. Roux éd. P. 162).

³⁶ Эгоспотамы (греч. козья река) — река и поселение того же названия на побережье Хереонеса Фракийского у Теллеспонта (совр. Дарданеллы). Победа в морском сражении при Эгоспотамх 405 г. до н.э., которую одержал спартанский полководец Лисандр, фактически ознаменовала собой конец Пелопоннесской войны.

³⁷ Геродот, I, 51.

³⁸ *Roux G.* Op. cit. P. 170.

³⁹ *Détiene M.* Les savoirs de l'écriture. P. 41.

⁴⁰ Переднее помещение греческого храма.

⁴¹ Леней — зимние празднества в честь Диониса, проходившие в священной местности Леней.

⁴² Тридцать тысяч, возможно, просто круглая цифра.

⁴³ Платон, «Пир», 175 e.

⁴⁴ Обол — мелкая разменная монета, медная, серебряная и затем бронзовая.

⁴⁵ Этот фонд был упразднен во время Пелопоннесской войны, но в 394 г. до н.э. восстановлен. В IV в. до н.э. он служил не только для театральных нужд: из него черпали средства в военное время.

⁴⁶ Представления, основными персонажами которых были сатиры из свиты Диониса.

⁴⁷ Одеон — обычно круглое здание для выступления певцов. Одеон в Афинах имеет форму полукруга и был построен Геродотом Агиком в 161 г. до н.э., здание расположено у подножия Акрополя.

⁴⁸ *Vernant J.-P.* et *Vidal-Naquet R.* Mythe et tragédie en Grèce ancienne. Paris: Maspero, 1977 (первое издание - 1972). P. 16.

¹⁹ J.-C. Carrière, Le carnaval et la politique, p. 45.

⁵⁰ См. об этом: *Flichy P.* Une histoire de la communication moderne. Paris: La découverte, 1991. P. 212 слл.

⁵¹ Аристотель, «Никомахова этика», X, V, 4.

⁵² Платон, «Законы», 700 слл.

⁵³ Авл Геллий, «Аттические ночи», XVII, 4, 1.

⁵⁴ Геродот, VI, 21.

⁵⁵ Ксенофонт, «Пир», III, 11.

⁵⁶ «Жизнь Эсхила», в книге: *Rodi S.* Tragicorum graecorum fragmenta. Göttingen, 1985. Vol. III. S. 34.

⁵⁷ Аристотель, «Поэтика», 1449 b.

⁵⁸ Платон, «Хармид», 153 b-c (пер. С.Я. Шейнман-Топшгейн).

⁵⁹ *Ibid.*, 153 d.

⁶⁰ *Ibid.*, 155 b-c.

⁶¹ Платон, Лисид, 203 a-204 b (пер. С.Я. Шейнман-Топшгейн).

⁷² Гинекей - женская половина в задней части дома.

^М Геродот, I, 153 (пер. Г.А. Стратановского). Вне контекста этот отрывок звучит довольно загадочно: спартанцы послали к Киру вестника, дабы отсоветовать тому напасть на какой бы то ни было греческий полис — в данном случае на ионийские полисы. Кир только что завоевал Лидию, в зависимости от которой находились ионийцы, и те боялись снова попасть в подчинение, на этот раз к Киру.

^М Id., VIII, 9.

[№] Эвбея - остров в Эгейском море близ побережья Балканского полуострова.

⁶⁶ Саламин - остров в Эгейском море. Во время греко-персидских войн около Саламина в 480 г. до н.э. греческий флот разгромил персидский.

⁰⁷ Id., VIII, 74.

[^] Id., VIII, 81.

⁰⁰ Атлет-пятиборец.

⁷⁰ Плутарх, «Перикл», XXXVI (пер. С. Соболевского).

⁷¹ Демосфен, Против Аристогитона (I), 80 (пер. А.Я. Тыжова).

⁷² Софокл, «Эдип-царь», 236-240 (пер. С. Шервинского).

⁷³ Геродот, III, 52 (пер. Г.А. Стратановского).

⁷⁴ Цицерон, «Брут», XII, 46.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Аристотель, «Риторика», II, 140 2а (пер. О.П. Цыбенко).

⁷⁷ Платон, «Гиппий Большой», 286 а-б (пер. А.В. Болдырева).

⁷⁸ Платон, «Гиппий Меньший», 363 с-d (пер. С.Я. Шейнман-Топштейн).

⁷⁹ Платон, «Протагор», 315 с (пер. В.С. Соловьева).

⁸⁰ Платон, «Горгий», 447 d-448 а (пер. С.П. Маркиша).

⁸¹ Платон, «Протагор», 334 е-335 а.

⁸² Полемическим.

⁸³ Платон, «Горгий», 447 б.

⁸¹ Платон, «Гиппий Большой», 286 б. Это продолжение шпированного выше отрывка.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁸⁵ Ibid., 285 d.

⁸⁶ Диодор Сицилийский, XII, 53, 1 сл.

⁸⁷ Платон, «Гиппий Большой», 282 d—e.

⁸⁸ Платон, «Горгий», 457 а—с.

⁸⁹ Платон, «Эвтидем», 275 d-277 с.

⁹⁰ Платон, «Горгий», 457 а—с.

⁹¹ Платон, «Протагор», 322 а-б.

⁹² Геродот, VI, 27.

⁹³ Фукидид, VII, 29, 5.

⁹⁴ Павсаний, V, 9, 6-7.

⁹⁵ Платон, «Протагор», 325 е-326 а.

[%] Женщины и рабы на образование, разумеется, права не имели.

⁹⁷ Аристофан, «Всадники», 188-189 (пер. А. Пиотровского).

⁹⁸ Ibid., 1030 sqq.

⁹⁹ Аристофан, «Облака», 18-20 (пер. А. Пиотровского).

¹⁰⁰ Еврипид, «Ипполит», 856-865.

¹⁰¹ Филы - территориальные подразделения Аттики, созданные Клисфеном в количестве десяти. Каждая фила включала три триттии, более мелкие территориальные единицы, в свою очередь состоявшие из демов.

¹⁰² Аристофан, «Птицы», 1289.

¹⁰³ Демосфен, «Против Макаргата о наследстве Гагния», 18 (пер. Л.М. Глускиной).

¹⁰⁴ Геродот, VIII, 22.

¹⁰⁵ Плутарх, «Аристид», 7.

¹⁰⁶ Афинея, 454 В-Е.

¹⁰⁷ Ксенофонт, «Экономика», 7, 5.

¹⁰⁸ Феофраст Стобей, Florilegium, изд. Meineke, Leipzig, 1857, S. 193, № 31.

¹⁰⁹ Менандр, fr. 702 к (контекст неизвестен).

¹¹⁰ Платон, «Менексен», 235 е sq.

¹¹¹ Например, «Илиаду», состоящую из около 15 000 стихов, читали по кускам.

- ¹¹² По-гречески *eggkouse*.
- ¹¹⁸ Геродот, I, 48.
- ¹¹¹ Пиндар, Пятая немейская ода, 4 - 8 (пер. М.Л. Гаспарова).
- ¹¹³ Аристомен, *Comicorum atticorum fragmenta*, fr. 9, 1. 1 TLG. Это слово представляет собой весь фрагмент, который приводит Клеберг (*Kleberg T. «Commercio librario ed editoria nel mondo antico» - Cavallo [ed.], Libri, editori e pubblico nel mondo antico, Roma, Laterza, 1977*).
- ¹¹⁴ T. Kleberg, art. cit.
- ¹¹⁷ Платон, «Федон», 98 b.
- ¹¹⁸ Аристофан, «Лягушки», 1109-1114 (пер. А. Пиотровского).
- ¹¹⁹ Ксенофонт, «Анабасис», VII, 5, 12-14.
- ¹²⁰ *Ibid.*, 5, 14.
- ¹²¹ Понт Эвксинский (буквально Море Гостеприимное) - античное название Черного моря.
- ¹²² Круглая площадка, находившаяся в театре ниже скамей для зрителей, на которой во время представлений располагался хор.
- ¹²³ Платон, «Апология Сократа», 26 d - e (пер. М.С. Соловьева).
- ¹²⁴ Диоген Лаэртский, III, 9, цитируемый в кн.: *Kleberg T. Op. cit. P. 34* (рус. пер. М.Л. Гаспарова см. в книге: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1995).
- ¹²³ Диоген Лаэртский, IV, 5 (рус. пер. М.Л. Гаспарова см. в книге, указанной в примечании 111)..
- ¹²⁶ Авл Геллий, VII, 17, 1.
- ¹²⁷ Афиней, I, 3.
- ¹²⁸ Ксенофонт, Меморалии, IV, 2, 7-8 (пер. С.А. Соболевского).
- ¹²⁹ См. ниже, в главе об Александрийской библиотеке.
- ¹³⁰ Эпонимы - в античности боги и герои, от имен которых производили названия городов, племен, местностей, гор, морей.
- ¹³¹ Фукидид, V, 18, 10.
- ¹³² Демосфен, «За мегалопольцев», 27 (пер. С.И. Радцига).
- ¹³³ Еврипид, «Просительницы». 428—436.
- ¹³¹ Ксенофонт, «Греческая история», II, 3, 11 (пер. С.Я. Лурье, под ред. Р.В. Светлова).
- ¹³⁵ Метроон — храм Матери богов — Геи, располагался на агоре.

СЛУЧАЙ АФИН

- ¹ Аристофан, «Ахарняне», 28—32.
- ² *Ibid.*, 23-26.
- ³ *Ibid.*, 41-42.
- ⁴ *Ibid.*, 22.
- ⁵ Или брызгать на них киноварью, если верить Аристофану («Женщины в народном собрании», 378—379).
- ⁶ Аристофан, «Женщины на празднике Фесмофорий», 277—278; Андокид, «О таинствах», I, 36.
- ⁷ Ср.: Ксенофонт, «Греческая история», I, 7, 5: было решено отложить разбор дела до следующего собрания, «так как было уже поздно и, в случае голосования, нельзя было бы заметить числа поднятых рук» (пер. С.Я. Лурье, под ред. Р.В. Светлова).
- ⁸ Аристофан, «Женщины в народном собрании», 306—307.
- ⁹ Аристофан, «Ахарняне», 169 сл.
- ¹⁰ Демосфен, «За Ктесифонта о венке», 170 (пер. Е. Рабинович). Первоначально вопрос звучал так: «Кто желает высказаться из достигших пятидесяти лет, а затем по очереди из прочих афинян?» (Эсхин, «Против Ктесифонта о венке» (III), 3; пер. С. Ошерова).
- ¹¹ Платон, «Протагор», 319 c - d (пер. Вл. С. Соловьева).
- ¹² Эсхин, «Против Ктесифонта о венке» (III), 2 (пер. С. Ошерова).
- ¹³ См., например: Демосфен, «Против Мидия о пощечине», 14.
- ¹⁴ Демосфен, «О мире», 15 (пер. С.И. Радцига).
- ¹⁵ Эсхин. «Против Тимарха» (I), 80 (пер. Э.Д. Фролова).
- ¹⁶ *Ibid.*, 82.
- ¹⁷ *Ibid.*, 84.
- ¹⁸ Демосфен, «О делах в Херсонесе», 38 (пер. С.И. Радцига).
- ¹⁹ Демосфен, «Олифская вторая», 30 (пер. С.И. Радцига).
- ²⁰ Демосфен, «Против Неэры», 43 (пер. В.Г. Боруховича).
- ²¹ См. об этом: *Ruzé F. Op. cit. P. 460*.
- ²² Об этом см. ниже, с. 141.
- ²³ Ср.: Ксенофонт, «Греческая история» I, 7, 15; Платон, «Апология Сократа», 32 В. В «Меморалиях» (I, 1, 18 и IV, 4, 2) Ксенофонт, приукрашивая реальность, утверждает, что Сократ был эписитатом - должностным лицом местного управления.

- ²¹ Платон, «Апология Сократа», 32 В (пер. М.С. Соловьева).
- ²⁵ Например, Аргинусского дела: Ксенофонт, «Греческая история», I, 7, 9.
- ²⁶ Демосфен, «О делах в Херсонесе», 4.
- ²⁷ Он же, «Против Аристогитона», I, 23.
- ²⁸ Эсхин, «Против Ктесифонта о венке», 125.
- ²⁹ Антифон, «О хоревте», 40.
- ^М Фесмофории — осенний праздник плодородия в честь Деметры и Персефоны, к участию в котором допускались только женщины.
- ⁵¹ Аристофан, «Женщины в народном собрании», 441–444 (пер. А. Пиотровского).
- ³² Фол, или тол ос, — здание круглой формы, здесь то же, что при-таней.
- ³³ Аристотель, «Афинская полития», 44, 1 (пер. С.И. Радцига).
- ³¹ Hansen M.H. La démocratie athénienne. P. 222.
- ³⁵ В реальности — во избежание разделения голосов поровну — число судей было всегда нечетным: 201 для частных дел, по меньшей мере 501 для дел общественных. На некоторые особо важные процессы вызывалось все судейское сообщество, 6000 человек. Ср.: Андокид, «Мистерии», 17.
- ³⁶ Аристофан, «Осы», 89–90 (пер. Н. Корнилова, под ред. В. Ярхо).
- ³⁷ Аристотель, «Афинская полития», 63–66.
- ³⁸ А не только, как в наше время, в уголовном процессе.
- ³⁹ Hansen M.H. La démocratie athénienne. P. 216.
- ⁴⁰ Ibid. P. 223.
- ⁴¹ Финикиун, батрахиун — названия афинских судов.
- ⁴² В русском переводе «Афинской политии» С.И. Радцига — «бронзовую марку». — *Прим. пер.*
- ⁴³ Эсхин, «Против Ктесифонта о венке», 207 (что касается русского словоупотребления, то в переводе М.Л. Гаспарова использовано слово «помост», а в переводе Л.М. Глускиной — «трибуна». — *Прим. пер.*)
- ⁴⁴ Демосфен, «Против Неэры», 14–15.
- ¹⁵ Хой — мера жидкости, равная 3,24 л.
- ⁴⁶ Аристотель, «Афинская полития», 67, 2–3.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹⁷ Hansen M.H. Op. cit. P. 237. Еще в IV в. до н.э. большинство сделок заключалось устно и закреплялось присутствием свидетелей.
- ¹⁸ Эпонимы, или герои-эпонимы, — мифические цари Афин, именами которых были названы десять аттических фил. Их статуи были выставлены на агоре. «Эпоним» в переводе означает «давший имя».
- ⁴⁹ Демосфен, «Против Мидия о пощечине», 103. Речь ведется от лица Демосфена.
- ³⁰ Carlier P. Démosthène. P. 28.
- ⁵¹ Фукидид, «История», II, 65, 8–10 (пер. дается по изданию, подготовленному Г.А. Стратановским, А.А. Нейхард, Я. М. Боровским: Фукидид, «История», Л., 1981; имя переводчика в книге не указано).
- ⁵² Ibid., IV, XXVI sq.
- ⁵³ Ibid., VI, главы с VIII по XIX. Алкивиад принял командование сицилийской экспедицией.
- ⁵⁴ Плутарх, «Перикл», VII, 5 (пер. С. Соболевского).
- ⁵⁵ Он же, «Никий», V, 1–2 (пер. Т. Миллер).
- ⁵⁶ Ibid., V, 3–6.
- ⁵⁷ Ср., например, Исократ, «Против софистов», 9–13; Платон, «Федр», 268 с.
- ⁵⁸ Платон, «Федр», 267, а–Б (пер. А.Н. Егунова, под ред. Ю.А. Шичалина).
- ⁵⁹ Kennedy G. The art of persuasion. P. 53.
- ⁶⁰ Платон, «Федр», 266 d.
- ⁶¹ G. Kennedy, op. cit., p. 58.
- ⁶² Аристотель, «Риторика», I, 1355 a.
- ⁶³ Ibid. (пер. О.П. Цыбенко).
- ^М Ibid., 1355b.
- ⁶⁵ Ibid.
- ⁶⁶ Эсхин, «Против Тимарха», 26 (пер. Э.Д. Фролова).
- ⁶⁷ Плутарх, «Демосфен», VI, 3–4 (пер. Э. Юнца).
- ⁶⁸ Ibid., VII, 5.
- ⁶⁹ Ibid, VII, 6.
- ⁷⁰ «Шепелявость» состояла в том, что он плохо произносил [г], которое у него получалось похожим на [1].

- ⁷¹ Плутарх, «Демосфен», XI, 1.
⁷² Плутарх, «Солон», XXIV, 1-2.
⁷³ Chantraine P. Dictionnaire étymologique, ad loc; Шантрэн здесь следует интерпретации Жерне (Gernet L., Mélanges Boisacq, I, p. 393.)
⁷⁴ Chantraine P. Ibid.
⁷⁵ Аристофан, «Плутос», 905 слл.
⁷⁶ Демосфен, «Против Аристогитона», I, 52.
⁷⁷ Ibid., 47.
⁷⁸ Аристофан, «Ахарняне», 908 слл.
⁷⁹ Ксенофонт, «Греческая история», I, 7, 5.
⁸⁰ Ibid., I, 7, 7.
⁸¹ Ibid., I, 7, 8.
⁸² В русском переводе - барже. - Прим. пер.
⁸³ Ibid., I, 7, 11.
⁸⁴ Ibid., I, 7, 9.
⁸⁵ Ibid., I, 7, 15.
⁸⁶ Ibid., I, 7, 35.
⁸⁷ В русском стихотворном переводе: «Ведь богачи напуганы кожевником, / А бедноте — его противны выходки». - Прим. пер.
⁸⁸ Аристофан, «Всадники», 224.
⁸⁹ Ibid., 247-249.
⁹⁰ Ibid., 304-313.
⁹¹ Аристофан, «Облака», 102-103.
⁹² На самом деле — Сотиона. По Сатиру, Анаксагора обвинил Фукидид (Диоген Лаэртский, II, 3, 12-13). - Прим. пер.
⁹³ Пер. М.Л. Гаспарова.
⁹⁴ Диоген Лаэртский, IX, 54.
⁹⁵ Untersteiner M. Les sophistes, vol. I, p. 21.
⁹⁶ Такую формулировку, без упоминания меры наказания, дает Платон («Апология Сократа», 24 Б). С незначительными изменениями ее воспроизводит Ксенофонт («Меморабилии», I, 1), который меняет порядок претензий.
⁹⁷ Finley M.I. Socrate et Athènes / / On a perdu la guerre de Troie. P. 76-77.

ПРИМЕЧАНИЯ

КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ПОЛИСАМИ

- ¹ Страбон, «География», V, 3, 8.
² Так обстояло дело с одной из дорог в окрестностях Мантиней — ср.: Павсаний, VIII, 6, 4.
³ Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе», III 13, 5 (пер. С.И. Соболевского).
⁴ Эдип шел пешком из Дельф, тогда как царь Лай следовал из Фив в колеснице. Они встретились на пересечении дорог. Ниже Эдип обращается к Иокасте.
⁵ Софокл, «Эдип-царь», 800—813 (пер. С. Шервинского).
⁶ Павсаний, II, 11, 3 (пер. С.П. Кондратьева, под ред. Е.В. Никитюк).
⁷ Id., X, 5, 3.
⁸ Id., I, 36-37.
⁹ Фукидид, I, 5, 3.
¹⁰ Плутарх, «Тезей», VII, sqq.
¹¹ Синид сгибал сосны, привязывал к ним за руки или за ноги свою жертву, после чего отпускал деревья. Результат нетрудно себе представить.
¹² Всех противников Тезей, как и положено, убил.
¹³ Аристофан, «Лягушки», 114—115 (пер. А. Пиотровского).
¹⁴ Гомер, «Одиссея», IX, 487-488.
¹⁵ Морская тонна — 2,83 м³.
¹⁶ Тот Маяк, считавшийся одним из семи чудес света, был разрушен землетрясением в VII в. до н.э.
¹⁷ Фукидид, II, 69; III, 88; IV, 50.
¹⁸ Эсхил, «Агамемнон», 188—198 (пер. С. Апта).
¹⁹ Ср., например: Антифонт, «Об убийстве Герода», 21 слл.
²⁰ Эсхин, «Против Ктесифонта о венке», 158.
²¹ Платон, «Горгий», 511 d.
²² Геродот, I, 24.
²³ Гомер, «Одиссея», XIV, 200 слл.
²⁴ Софокл, «Эдип-царь», 116 слл.
²⁵ См., например: Ксенофонт, «Греческая история», I, 1, 8.

- ²⁶ Митилена — крупный город на о. Лесбос.
- ²⁷ Фукидид, III, 3, 5.
- ²⁸ Ксенофонт, «Анабасис», V, 6, 21.
- ²⁹ Ликург, «Против Леократа», 14—15 (пер. Т.В. Прушакевич).
- ^м Фукидид, III, 33, 2.
- ³¹ Софокл, «Антигона», 275—277 (пер. С. Шервинского и Н. Пожнякова).
- ³² Геродот, V, 87.
- ³³ Id., V, 73 (Согласно Геродоту, послов осудили не за отступление от утвержденного текста, а за то, что они, превысив свои полномочия, согласились признать вассальную зависимость Афин от Персии. — *Прим. пер.*).
- ³⁴ Фукидид, VII, 8, 2.
- ³⁵ Гомер, «Илиада», VIII, 399.
- ³⁶ Id., «Одиссея», XVI, 468.
- ³⁷ Эсхил, «Семеро против Фив», 371.
- ³⁸ Еврипид, «Троянки», 232 (пер. С. Шервинского).
- ³⁹ Эсхил, «Персы», 247.
- ⁴⁰ Аристофан, «Птицы», 1122 (пер. С. Апта).
- ⁴¹ Геродот, VI, 105-106.
- ⁴² Лукиан, Pro lapsu erat salutandum (В оправдание ошибки, допущенной в приветствии), 3.
- ⁴³ Фукидид, III, 36, 3.
- ⁴⁴ Id., III, 49, 2.
- ⁴⁵ Id., III, 49, 3.
- ⁴⁶ Плутарх, «Лисандр», XIX, 8—12 (пер. М.Е. Сергеенко).
- ⁴⁷ Геродот, V, 35.
- ⁴⁸ Id., VII, 239.
- ⁴⁹ Id., I, 123.
- ⁵⁰ Id., VIII, 128.
- ⁵¹ Longo O. *Technice délia comunicazione*. P. 78.
- ⁵² Ibid. P. 81.
- ⁵³ Эней Тактик, 31, 16-22.
- ⁵⁴ Ibid., 30-31.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁵⁵ Плутарх, «Дион», XXVI, 7-10.
- ⁵⁶ Id., «Никий», XXX (пер. Т. Миллер).
- ⁵⁷ Фукидид, VI, 7-8.
- ⁵⁸ Ксенофонт, «Греческая история», IV, 5, 6.
- ⁵⁹ Эсхин, «О предательском посольстве», 104 (пер. С. Ошерова).
- ^ю Ibid.
- ⁶¹ Ibid., 23.
- ⁶² Диодор Сицилийский, XII, 53, 2; ср. выше, с. 00.
- ^и Эсхин, «О предательском посольстве», 21 (пер. С. Ошерова).
- ⁶⁴ Ibid., 101.
- ⁶⁶ Фукидид, III, 8, 1.
- ⁶⁶ Геродот, I, 152.
- ⁶⁷ Эсхин, «О предательском посольстве», 47 (пер. С. Ошерова).
- ⁶⁸ Ibid., 47.
- ⁶⁹ Демосфен, «О предательском посольстве», 19 (пер. С. Ошерова).
- ⁷⁰ Ibid., 23.
- ⁷¹ Фукидид, II, 67.
- ⁷² Ксенофонт, Отрывок из «Греческой истории», найденный в Оксиринхе в 1907 г., II, 1.
- ⁷³ Эсхин, «О предательском посольстве», 115.
- ⁷⁴ Сфактерия — протяженный остров, прикрывающий гавань г. Пилос. В 425 г. до н.э. на острове произошло сражение между афинскими и спартанскими силами.
- ⁷⁵ Ср.: Фукидид, V, 28.
- ⁷⁶ *Martin V. La vie internationale dans la Grèce des cités*. P. 207.
- ⁷⁷ «Великой Грецией» назывались греческие поселения в Италии.
- ⁷⁸ Павсаний, «Описание Эллады»⁶, 8 (пер. С.П. Кондратьева, под ред. Е.В. Никитюк).
- ⁷⁹ Проксены — граждане, принимавшие у себя путешественников из другого полиса. Система работала и для греков, и для негреков.
- ⁸⁰ *Finley M.I. The Olympic Games*. P. 54.
- ⁸¹ Которого в соответствующем месте Геродот именует Тиграном.
- ⁸² Геродот, VIII, 26 (пер. ГА. Стратановского).

- ⁸³ Плутарх, «Солон», XXIII, 3.
⁸¹ Ксенофан, фрагмент 2 В Diels-Kranz.
⁸⁵ Плутарх, «Ликург», XXII, 7-8.
⁸⁶ Павсаний, I, 22, 7; ср. также: Афиней, XII, 534 d.
⁸⁷ Лукиан, «Изображения», 11.
⁸⁸ Например, Симонид, фрагменты 149, 156, 163 и т.д. Berg.
⁸⁹ Например, Павсаний, VI, 17, 6.

ОТНОШЕНИЯ С НЕГРЕЧЕСКИМ МИРОМ

¹ Чтобы изготовить высококачественную бронзу, нужно добавить к медной руде примерно 10 % олова.

² Два объяснения — нехватка земель и торговые интересы — долгое время противопоставлялись. Сегодня признано, что движущей силой колонизации был поиск новых земель.

³ Определяющими в данной области являются археологические исследования: если на памятнике находят погребения, в которых греческий и местный инвентарь перемешан, делается вывод о мирных отношениях; если обнаруживаются оборонительные сооружения, делается вывод об открытой вражде. Впрочем, на сегодняшний день исследованы лишь некоторые городища.

⁴ Полуостров в Македонии.

⁵ Геродот, I, 30 (пер. Г.А. Стратановского).

⁶ Id., III, 129—132. Подчеркнем, однако, что это путешествие не было добровольным, поскольку Дарий послал за Демокедом.

⁷ Агафемер, «Введение в географию», I, 1. Цит. по: *Jacob Ch. La géographie des Grecs*. P. 36.

¹ *Jacob Ch. Op. cit.* P. 36.

⁹ Геродот, V, 49.

¹⁰ Ср.: Аристофан, «Облака», 206 сл., Аристотель, «Метеорологики», I, 350 а.

¹¹ Геродот, V, 49.

¹² Эсхил, «Просительницы», 234—237.

¹³ Ibid., 903.

¹⁴ *Hartog F. Le miroir d'Hérodote*. Paris: Gallimard, 1980.

¹⁵ Геродот, II, 35.

¹⁶ См., например: Геродот, III, 38.

¹⁷ Геродот, I, 134.

¹⁸ Которого, заметим, Геродот не делает.

¹⁹ Например, у Еврипида.

²⁰ Антифонт, фрагмент 44 В D. К.

²¹ См., например: Фукидид, III, 82, 2.

²² См. об этом: *Basiez M.F. L'étranger dans la Grèce antique*. Paris: Belles Lettres, 1984.

²³ Спартанские должностные лица.

²⁴ Или процедурой изгнания иноземцев; ср.: Геродот, III, 148; Плутарх, «Ликург», 27, 7—9; Фукидид, II, 39. Ксенеласия засвидетельствована с VI в. до н.э.

²⁵ *Sylogé 3* № 7.

²⁶ Житель Агригента, города на южном берегу Сицилии.

²⁷ А не «с ассирийского языка», как говорится во французском переводе. Письма написаны клинописью, т.е. либо на ассирийском, либо на древнеперсидском.

²⁸ Фукидид, IV, 50, 1—2 (пер. по изданию, подготовленному Г.А. Стратановским, А.А. Нейхард, Я.М. Боровским).

²⁹ Геродот, II, 154 (пер. Г.А. Стратановского).

³⁰ Id., III, 38.

³¹ Id., I, 86 sq.

³² Ксенофонт, «Анабасис», VII, 2, 17 sq.

³³ Геродот, VI, 29.

³⁴ *Mosley D.J. «Greek, barbarians, language and contact», Ancient Society*. P. 5.

³⁵ Фукидид, I, 138, 1-2.

³⁶ Афиней, XII, 535-536.

³⁷ Эпифан, *De mensuris et ponderibus* (Migne, *Patrologia Graeca*, XLIII. P. 252). Цит. по: *Canfora L. La véritable histoire de la bibliothèque d'Alexandrie*. P. 29.

³⁸ Ср.: Плиний, «Естественная история», 30, 4.

³⁹ Афиней, I, 22 D.

⁴⁰ Цит. по: *Canfora L. Op. cit.* P. 111.

ПРИЛОЖЕНИЕ

¹ См. гимн Гермесу в издании «Les hymnes homériques» (на русском языке см.: Гомеровы гимны / Пер. Е. Рабинович. М., 1995; Гомер: В 2 т. Т. 2: Одиссея, Батрахомиомахия, Гомеровские гимны / Пер. В. Жуковского, С. Альтмана, В. Вересаева; Античные гимны / Под. ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1988. - *Прим. пер.*).

² Мы следуем здесь за книгой: Kahn L. Hermès ou les ambiguïtés de la communication. Paris: Maspero, 1978.

3 О Гермесе Трисмегисте см.: Festugière A.J. La révélation d'Hermès Trismégiste (I-IV), 1950. Переиздано в Париже в 1990 году.

ГЛОССАРИЙ

Академия — роца в Афинах, названная в честь героя Академа; там располагался гимнасий, где Платон собирал своих учеников; отсюда название основанной им философской школы.

Амфиктиония — объединение соседних племен вокруг общего святилища; наиболее известной А. была Дельфийская.

Ареопаг — «холм Ареса», где заседал старейший Совет Афин. Верховный правящий орган в архаическую эпоху; в демократическую сохранил только судебные функции.

Архонт — название высших должностных лиц в различных греческих полисах. Утрачивают прежнее значение в классическую эпоху в Афинах, где на первый план выходят стратеги. Отправление должности архонта называлось архонтством.

Ателия — освобождение от налогов.

Буле — в Афинах — совет из 500 членов, подготавливавший проекты законов, которые затем выносились на голосование Собрания (эклесии).

Бустрофедон — способ письма, при котором строки идут попеременно справа налево и наоборот, подобно бороздам, проведенным по полю плугом.

Варвар — звукоподражательное слово для обозначения чужеземца, говорящего на непонятном грекам языке (он произносит «бар-бар»); вначале слово не имело нравственного оттенка.

Войны греко-персидские — см. войны мидийские.

Войны мидийские (490 и 480—479 г. до н.э.) — двукратное столкновение греков с Персидской империей. Первая индийская война (названная так потому, что греки не проводили особого различия между мидянами и персами) закончилась победой греков в сухопутной битве при Маратоне (490 г. до н.э.), вторая — морским сражением при Саламине (480 г. до н.э.), а затем битвой при Платеях (479 г. до н.э.).

Война Пелопоннесская (431-404 г. до н.э.) — конфликт между Спартой и Афинами, стоявшими во главе двух союзов полисов. Закончилась поражением Афин.

Войны священные — столкновения из-за святилища в Дельфах.

Гегемония — верховенство одного из полисов в коалиции государств.

Гелиэя — суд в Афинах.

Гимнасий — совокупность объектов, предназначенных для спортивных упражнений, а также служивших местом выступлений ораторов и философов; приобрели большое значение в эллинистическую эпоху, где служили знаком принадлежности к эллинистической культуре.

Глашатай — неприкосновенное лицо, в обязанности которого входит делать публичные объявления внутри полиса или за его пределами.

Гостеприимен — лицо, связанное наследственными взаимоотношениями с кем-либо за пределами своей общины. До конца архаического периода гостеприимство играло важную роль в отношениях между греками.

Дем — территориально-административное подразделение полиса в Афинах, в некоторых городах Пелопоннеса, во многих островных полисах и в Ионии. Вокруг них сосредоточивалась общественная жизнь; молодые люди, получавшие права гражданства, приписывались к демам.

Демот — член общины дема.

Десять тысяч — название корпуса греческих наемников на службе у персидского царевича Кира Младшего в 401 г. до н.э. Рассказ об их отступлении после битвы при Кунаксе составляет содержание «Анабасиса» Ксенофонта.

Дионисии — празднества в честь Диониса, по случаю которых проводились драматические состязания.

Докимация — официальная проверка личности кандидатов в должностные лица, будущих граждан, юношей, поступающих в эфебы. Лица, занимавшие государственные посты, подвергались докимации и по окончании срока службы.

Драхма — денежная единица; одна драхма равна 6 оболам.

Исангелия — в Афинах — процедура обличения перед Собранием или Советом в случае тяжкого преступления.

Исотел — проживающий в полисе иноземец, по указу получивший равенство в налогообложении с гражданами.

Кифаред — поэт и певец, аккомпанирующий себе на кифаре.

Койне — «общий (язык)». Язык эллинистического мира после завоеваний Александра. Распространенный среди широких масс населения, он был проще классического греческого.

Космополит — гражданин мира.

Ксен — одновременно гость и чужеземец.

Ксенеласия — в Спарте — процедура изгнания иноземцев.

Линейное письмо — древняя система письма; линейное А — еще не расшифрованное критское письмо; линейное Б (XVI—XII вв. до н.э.) — слоговое письмо, которым записан уже греческий язык.

Литургия — общественная повинность, обязательная для богатых частных лиц, например: снаряжение триеры (триерархия) или оплата хора для театральных представлений (хорегия). Условия выплаты литургии были весьма тяжелыми.

Метек — этимологически «живущий вместе»; проживающий в полисе иноземец, облагаемый налогом на пребывание.

Обол — самая мелкая денежная единица; шесть оболов составляли драхму.

Олигархи — приверженцы политического строя, при котором власть делит между собой ограниченное число лиц (*oligoi*).

Остракизм — в Афинах — процедура изгнания не более чем одного лица по подозрению в угрозе демократии; засвидетельствована с 487 по 417 г. до н.э.

Панэллинский — имеющий отношение ко всем греческим полисам.

Периэгега — нечто вроде очень подробного путеводителя, типа произведений Гекатея Милетского (VI в. до н.э.) или Павсания (II в. н.э.).

Полис — греческое название политической общности, включающей городской центр и окружающую территорию.

Проксен — гостеприимец; гражданин полиса, представляющий в нем интересы другого полиса, даровавшего ему этот титул.

Промантия — право первоочередного обращения к оракулу.

Проэдриа — привилегия, дающая право сидеть на почетном месте в первых рядах в театре или на играх.

Пританей — общественное здание полиса, где поддерживается священный огонь и обедают гости полиса и лица, которым это право даровано государством.

Проясший — лицо, ищущее защиты у алтаря, неприкосновенное во время пребывания в храме.

Род — большая «семья», объединение граждан общего происхождения. В архаическую эпоху слово употреблялось применительно к ограниченному числу семей, пользовавшихся наследственными привилегиями и большим влиянием в общественной жизни. В классический период — обозначение всех потомков одного прадеда.

Священное перемирие — прекращение военных действий между полисами на период панэллинских игр.

Сикофант — в Афинах — профессиональный доносчик и шантажист.

Симмахия — союз полисов, имеющий прежде всего военную направленность.

Синойкизм — объединение нескольких деревень или общин в единый политический организм.

Софист — преподаватель философии и красноречия; знаменитые софисты V в. до н.э. были основными деятелями интеллектуального расцвета того времени.

Стенохория — нехватка обрабатываемых земель.

Стратег — должностное лицо греческих полисов, обязанностью которого было командование войсками; высшая должность в Афинах в V в. до н.э.

Тиран — тот, кто узурпировал власть.

Тридцать тиранов — комиссия по принятию законов, учрежденная в Афинах спартанцами после падения города в 404 г. до н.э.; сформированная из экстремистов, она установила режим террора.

Триттия — территориальное подразделение. Фила состояла из трех триттий: прибрежной, городской и внутренней.

Феория — священное посольство, отправленное полисом или святилищем для объявления о некоем событии (например, о дате Олимпийских игр).

Фила — территориальная единица в Аттике; Клисфен в 508—507 гг. до н.э. преобразовал старые культовые филы, создав десять новых уже в качестве административных единиц.

Фратрия — подразделение гражданской общины, объединяемое общим культом.

Хорег — богатое частное лицо, на которое возложена обязанность оплачивать хор во время театральных представлений.

Эфебия — распространенный в греческих полисах институт, обеспечивавший обучение и интеллектуальное и нравственное воспитание юношества. В Афинах в эпоху Аристотеля приобретает форму обязательной воинской службы.

Эфоры — «наблюдатели»; в Спарте — пять высших должностных лиц, избиравшихся на один год и осуществлявших исполнительную власть.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕХИ

МИКЕНСКАЯ ЭПОХА

XVI—XII вв. до н.э. Период «дворцов» в Микенах, Тиринфе, Пилосе. Таблички линейным Б.

XII в. до н.э. Разрушение дворцов. Исчезновение письменности. Начало «темных веков».

АРХАИЧЕСКАЯ ЭПОХА

Ок. 900 г. до н.э. После «темных веков» появление керамики с геометрическим орнаментом.

814 г. до н.э. Основание Карфагена и финикийская экспансия в Западном Средиземноморье.

Ок. 800 г. до н.э. Рождение греческого алфавита финикийского происхождения.

Ок. 800—750 гг. до н.э. «Илиада» и «Одиссея», первые литературные тексты.

776 г. до н.э. Учреждение Олимпийских игр.

Ок. 750 г. до н.э. Начало греческой колонизации в Западном Средиземноморье.

Конец VIII в. до н.э. Гесиод («Теогония», «Труды и дни»).

Ок. 650 г. до н.э. Первые греческие монеты (Эгина, Афины, Коринф).

Ок. 600 г. до н.э. Основание Марсея.

600—590 гг. до н.э. Первая священная война в Дельфах.

594—593 гг. до н.э. Архонтство и реформы Солона в Афинах. Первые общественные надписи в этом городе.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕХИ

592 г. до н.э. Учреждение Пифийских игр.

573 г. до н.э. Учреждение Немейских игр.

561 г. до н.э. Начало тирании Писистрата в Афинах. Организация Великих Панафиней. Первая известная библиотека.

561—546 гг. до н.э. Царствование Креза в Лидии.

557 г. до н.э. Воцарение Кира II Великого в Персии.

546—539 гг. до н.э. Кир завоевывает Малую Азию и Месопотамию.

534 г. до н.э. Учреждение состязаний трагедий в Афинах.

510 г. до н.э. Конец тирании в Афинах.

508—507 гг. до н.э. Реформы Клисфена в Афинах.

Ок. 500 г. до н.э. Путешествие Аристагора из Милета в Спарту.

КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХА

499^194 гг. до н.э. Восстание азиатских греческих полисов против персов. Поражение и взятие Милета.

490 г. до н.э. Первая мидийская (греко-персидская) война. Марафонская битва. Марафонский бегун.

488 г. до н.э. Начало процедуры остракизма в Афинах.

Ок. 485 г. до н.э. Учреждение состязаний комедий в Афинах.

480—479 гг. до н.э. Вторая мидийская (греко-персидская) война. Победы греков при Саламине и Платеях.

478 г. до н.э. Создание Афинского морского (Делосского) союза.

472 г. до н.э. «Персы» Эсхила.

Ок. 465 г. до н.э. Рождение риторики на Сицилии.

462—466 гг. до н.э. Демократические реформы в Афинах. Перикл — вождь демократической партии.

Ок. 450 г. до н.э. Путешествия Геродота, первого историка, а также первого этнографа и первого журналиста. Протагор в Афинах. Начало распространения влияния софистов.

449—448 гг. до н.э. Мир между Афинами и Персией. Панэллинский проект Перикла.

448 г. до н.э. Вторая священная война в Дельфах.

446 г. до н.э. Геродот в Афинах.

- 431—421 гг. до н.э. Первая фаза Пелопоннесской войны.
- 430 г. до н.э. Чума в Афинах.
- 429 г. до н.э. Смерть Перикла.
- 427 г. до н.э. Посольство Горгия в Афины.
- 425 г. до н.э. «Ахарняне» Аристофана.
- 415—414 гг. до н.э. Экспедиция на Сицилию. В Афинах известие о неудаче экспедиции вначале вызывает недоверие. Изгнание Алкивиада.
- 412—404 гг. до н.э. Вторая фаза Пелопоннесской войны; союз Спарты и Персии.
- 404 г. до н.э. Осада и взятие Афин спартанцами. Тирания Тридцати. Убийство или изгнание богатых метеков.
- 404—372 гг. до н.э. Период спартанской гегемонии.
- 403 г. до н.э. Восстановление демократии в Афинах.
- 401—400 гг. до н.э. Греческие наемники на службе Кира Младшего (Десять тысяч). Битва при Кунаксе; гибель Кира и отступление через Армению («Анабасис» Ксенофонта).
- 399 г. до н.э. Суд над Сократом и его смерть.
- 390 г. до н.э. Эвагор на Кипре. Восстание против великого царя.
- 387 г. до н.э. Царский мир. Многочисленные греческие посольства в Сузах. В Афинах Платон учреждает Академию.
- 380 г. до н.э. Панегирическая речь Исократ.
- 377 г. до н.э. Второй Афинский морской союз.
- 372—362 гг. до н.э. Период фиванской гегемонии.
- 359 г. до н.э. Воцарение Филиппа II Македонского.
- 356—346 гг. до н.э. Основание Филипп. Третья священная война. Посольства Демосфена и Эсхина к Филиппу.
- 346 г. до н.э. Филократов мир.
- 340 г. до н.э. Четвертая священная война.
- 338 г. до н.э. Филипп II побеждает коалицию греческих полисов при Херонее. Создание возглавляемого им Коринфского союза. Почти конец независимости греческих полисов.
- 336 г. до н.э. Убийство Филиппа II и воцарение Александра.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ЭПОХА

- 335—323 гг. до н.э. Аристотель в Афинах. Создание Ликиея.
- 334—325 гг. до н.э. Завоевание Александром Востока.
- 331 г. до н.э. Основание Александрии.
- 324 г. до н.э. «Свадьба в Сузах»: 10 000 воинов Александра женятся на азиатках.
- 323 г. до н.э. Смерть Александра. В Греции - Ламийская война.
- 322 г. до н.э. Поражение греков в битве при Краноне. Смерть Демосфена.
- 321 г. до н.э. Первый раздел империи Александра. С этого времени множатся гимнасии и театры; вырабатывается койне.
- Ок. 315 г. до н.э. В Афинах - «Характеры» Феофраста, комедии Менандра.
- 306 г. до н.э. Год царей: Антигон Одноглазый и Деметрий Полиоркет в Европе, Птолемей в Египте и Селевк в Азии принимают царский титул.
- 306—285 гг. до н.э. Царствование Птолемея I Сотера в Египте.
- Ок. 298 г. до н.э. Создание Александрийского мусейона и библиотеки.
- 281 г. до н.э. Окончательный раздел империи Александра на три больших царства: Египет (династия Лагидов), Македонию (династия Антигонидов), Азия (династия Селевкидов).
- 285—250 гг. до н.э. Царствование Птолемея II Филадельфа в Египте. Перевод Библии на греческий (Септуагинта).
- 48 г. до н.э. Битва за Александрию. Уничтожение части Библиотеки Цезарем.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ *

Обобщающих работ по коммуникации в Древней Греции не существует. Помимо двух итальянских книг на эту тему, под рубрикой «общие работы» приводятся труды, которые мы использовали в нескольких главах нашего исследования.

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Détienne M. (dir.). *Les savoirs de l'écriture en Grèce ancienne.* - Lille, 1988.

Finley M.I. *Politics in the Ancient World.* - Cambridge, 1983.

Gschnitzer F. *La comunicazione nella Grecia antica* // *F. Gschnitzer, S. Stucchi. La comunicazione nella storia.* — Seat, 1989.

Longo O. *Technique della comunicazione nella Grecia antica.* - Napoli, 1981.

Thomas R. *Literacy and Orality in Ancient Greece.* - Cambridge: University Press, 1992.

Vernant J.-P. *Les origines de la pensée grecque* - Paris, 1983 (первое издание - 1962). [Русское издание: *Вернан Ж.П.* Происхождение греческой мысли. - М., 1988].

Отметим также два весьма полезных справочных издания: *Daremberg Ch. et Saglio D.* *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines.* - Paris,

* В русском издании ссылки на французские переводы иноязычных работ по возможности заменены ссылками на оригинальные издания. Сведения о русских переводах, приводимых в библиографии работ, даются в квадратных скобках. - *Прим. пер.*

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1877, с многочисленными статьями, имеющими отношение к нашему исследованию: *liber, agora, legatio, via, etc.* (статьи на латинском и греческом).

Pauly Wissowa Kroll. *Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft.* - Stuttgart, 1894 (статьи на немецком).

О ЗАРОЖДЕНИИ ПИСЬМЕННОСТИ

Chadwick J. *The Decipherment of Linear B.* - Cambridge, 1958. [Русский перевод второго издания: *Чэдвик Дж.* Дешифровка линейного письма Б // *Тайны древних письмен.* - М., 1976. - С. 105-251].

Godard L. *Le pouvoir de l'écrit.* — 1990.

Guarducci M. *Epigrafia greca, I-IV.* - Roma, 1967-1977.

Havelock E.J. *The Literate Revolution in Greece and its Cultural Consequences.* - Princeton, 1982.

Jeffery L.H. *The Local Scripts of Ancient Greece.* - Oxford, 1990 (первое издание - 1961).

О ГОМЕРА

Détienne M. *Les maîtres de vérité dans la Grèce archaïque.* - Paris, 1981.

Finley M.I. *The World of Odysseus.* - N.Y., 1954.

Frontisi-Ducroux F. *La cithare d'Achille.* - Roma, 1986.

Kirk G. *The Songs of Homer.* - Cambridge, 1962.

Mossé C. *La Grèce archaïque d'Homère à Eschyle.* - Paris, 1984.

Parry M. *The Making of Homeric Verse. The Collected Papers of Milman Parry* / Ed. by A. Parry. - Oxford, 1971.

Ruzé F. *La fonction de délibération dans les cités grecques: de Nestor à Socrate.* - Thèse Paris I, 1993.

ОБ АГОРЕ

Martin R. *L'urbanisme en Grèce ancienne.* - Paris, 1974 (первое издание - 1956).

Martin R. *Recherches sur l'agora grecque.* - Paris, 1951.

О СВЯТИЛИЩАХ

Amandry P. La manlique apollinienne à Delphes. - Paris, 1950.

Delcourt M. Les grands sanctuaires de la Grèce. - Paris, 1992 (первое издание — 1947).

Roux G. (dir.). Temples et sanctuaires. - Paris, 1981-1983.

О ТЕАТРЕ

Baldry H.G. Théâtre Tragique des Grées. Paris, 1975.

Carrière J.-C. Le carnaval et la politique. - Paris, 1983.

Pickard-Cambridge A.W. The Dramatic Festivals of Athens. - Oxford, 1968.

Romilly J. de. La tragédie grecque. - Paris, 1982 (первое издание - 1970).

Sand S. La faute tragique. - Paris, 1978.

Vernant J.-P. et Vidal-Natjuet P. Mythe et tragédie en Grèce ancienne. — Paris, 1977.

О ГИМНАСИЯХ

Delorme J. Gymnasion. Etude sur les monuments consacrés à l'éducation en Grèce. — Paris, 1960.

О РИТОРИКЕ И СОФИСТАХ

Cassin B. L'effet sophistique. — Paris, 1995.

Kennedy G. The art of Persuasion in Greece. - Princeton University Press, 1969 (4th ed.).

Navarre O. Essai sur la rhétorique grecque avant Aristote. — Paris, 1900.

Untersteiner M. Les sophistes. — Paris, 1993 (пер. с ит.).

Romilly J. de. Les grands sophistes dans l'Athènes de Périclès. - Paris, 1988.

О ПРАКТИКЕ ЧТЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИИ КНИГИ

Cavañio C. (ed.). Libri, editori e pubblico nel mondo antico. - Bari, 1977.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Havelock E.A. Aux origines de la civilisation écrite en Occident. — Paris, 1981.

О НАДПИСЯХ И АРХИВАХ

Cook B.F. Greek Inscriptions. - London, 1987.

Posner E. Archives in the Ancient World. - Harvard University Press, 1972.

Ruzé F. et Van Effenterre H. Nomina: recueil d'inscriptions juridiques et politiques de l'archaïsme grec. — Roma, 1994.

О СОБРАНИЯХ, СОВЕТЕ И СУДАХ В АФИНАХ

Carlier P. Démosthène. — Paris, 1990.

Hansen M.M. La démocratie athénienne. — Paris, 1993.

Romilly J. de. Problèmes de la démocratie grecque. - Paris, 1975.

Rhodes P. The Athenian boulé. - Oxford, 1972.

Ruzé F. La fonction de délibération. — Roma, 1994.

О ПУТЕШЕСТВИЯХ

André J.M. et Basiez M.F. Voyager dans l'Antiquité. - Paris, 1993.

Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World. - Princeton (N.J.), 1971.

Casson L. Travel in the Ancient World. - Baltimore; London, 1994.

Marasco G. I viaggi nella Grecia antica. - Roma, 1978.

О ПОСЛАХ

Mosley D.J. Envoys and Diplomacy in Ancient Greece. - Wiesbaden, 1973.

Starr C.G. Political Intelligence in Classical Greece. - Leiden, 1974.

ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ПОЛИСАМИ

Larsen J.A.O. Greek Federal States. Their Institutions and History. - Oxford, 1968.

Martin V. La vie internationale dans la Grèce des cités. — Paris, 1940.

Ténékidès G.C. Les relations internationales dans la Grèce antique. — Athènes, 1993.

О ГЕОГРАФИИ И КАРТАХ

Cordana F. La geografia degli antichi. — Roma, 1992.

Jacob C. Géographie et ethnographie en Grèce ancienne. — Paris, 1991.

Pedech P. La géographie des Grecs. — Paris, 1976.

ОБ ОБРАЗЕ ИНОЗЕМНА

Baslez M.F. L'étranger dans la Grèce antique. — Paris, 1984.

Hartog F. Le miroir d'Hérodote. — Paris, 1991 (второе издание).

Mosley D.J. Greek, Barbarians, Language and Contact // Ancient Society, 2, 1971.

ОБ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Canfora L. La véritable histoire de la bibliothèque d'Alexandrie. — Paris, 1988 (пер. с ит.).

Cavalb C. (ed.). Le biblioteche nel mondo antico e médiévale. — Laterza, 1988.

И М Е Н Н О Й У К А З А Т Е Л Ь *

Авл Геллий 204, 206	Аспасия 93
Автолик 116	Атосса 184
Агесилай 164	
Александр Македонский 9, 185, 186, 193, 201, 210	Вентрис 10, 11
Алкивиад 127, 128, 179	Вернан Ж.-П. 68
Амбр ибн ал-Ас 207	Видадь-Наке П. 68
Аммиан Марцеллин 206	
Анаксагор 97, 99, 142, 143	Гален 202
Анаксимандр 187	Гекатей 184, 187, 189, 193
Анит 143, 144	Гелон 80
Антисфен 72	Гераклит 205
Антифонт 194	Гермодор 98
Аполлоний Родосский 123, 204	Геродот 16, 42, 56, 58, 63, 70, 78, 79, 92, 95, 156-158, 160, 166, 184, 185, 188-194, 199
Арион 153	Гесиод 25, 26
Аристагор 160	Гиерон 80, 130, 131
Аристарх 204	Гиппарх 214
Аристид 92, 198	Гиппий 81, 82, 84, 85
Аристогитон 138	Гиппократ 191, 193
Аристогор 188	
Аристотель 71, 72, 81, 82, 99, 101, 111, 118, 121, 123, 124, 133, 134, 188, 202, 205, 210	Гистией 160, 161, 200
Аристофан 50, 53, 57, 90, 91, 97, 94, 108, 112, 121, 127, 130, 136, 139, 141, 142, 144, 158	Гомер 10, 11, 21-23, 26, 35, 45, 95, 101, 131, 158, 187, 189, 205, 211
Аристофан Византийский 204	Горгий 81, 83-87, 104, 132, 165
Артог Ф. 190	Дарий 42, 43, 184, 199
	Дебре 7
	Делькур М. 61

* В указатель не включены имена мифологических и литературных персонажей

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Демарат 161
 Деметрий 202
 Демокед 184
 Демокрит 183, 187
 Демосфен 51, 52, 79, 91, 96, 100, 103, 114-116, 118, 123, 125, 126, 135, 136, 138, 149, 166, 168, 169, 193
 Деркил 167
 Диоген 72, 76
 Диоген Лаэртский 143
 Дионисидор 86
 Досиад 15

 Евдокс 187
 Евктимон 125
 Еврипид ЭО, 100, 127, 135
 Евтидем 100

 Зайцев А.И. 20
 Зенодот 204

 Иоанн Цец 204
 Исократ 132, 135

 Калликл 83
 Калликсен 116, 141
 Каллимах 204
 Каллипатера 177
 Каллипид 71
 Кимон 166
 Кир 78, 199, 200
 Клеомен 188
 Клеон 69, 127, 142, 143
 Клиний 86
 Клисфен 117
 Корак 81
 Крез 60, 63, 95, 96, 183, 195, 199
 Критий 144

 Ксенофонт (полководец) 155
 Ксенофонт 71, 82, 93, 98, 100, 146, 176, 199, 200
 Ксеркс 161, 171, 173
 Ктесифонт 125, 167

 Леократ 155, 156, 163
 Ликоп 143, 144
 Ликофрон 79
 Ликург 52, 155, 183, 202
 Лисандр 62
 Лисий 51, 123, 164
 Лукиан 158, 179

 Маклоэн 7
 Мартен Р. 56
 Мелет 143, 144
 Менандр 70, 71, 93
 Мидий 125
 Мольер 93

 Никий 130, 131, 157, 163
 Никофонт 97

 Павсаний 89, 147, 148, 179
 Паламед 15
 Пахет 159
 Пейсирод 177
 Периандр 79
 Перикл 55, 65, 69, 78, 94, 126, 127, 129, 131, 143, 200
 Пиндар 96, 179
 Писистрат 64, 95, 99
 Пифагор 183
 Пифей 185, 186
 Пиферим 167
 Пифодор 143
 Платон 11, 53, 54, 72, 76, 81, 82, 84-86, 94, 98-100, 114, 116, 132, 133, 153, 188

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Плутарх 46, 78, 92, 114, 128, 129, 136, 148, 160, 162, 163
 Поликрат 100
 Помпей 153
 Продик 81
 Протагор 81, 83, 85, 87, 132, 142, 143
 Псамметих 198
 Птолемей I Сотер 201, 203
 Птолемей XII 206
 Птолемей Филадельф 201, 204
 Пэрри М. 24

 Сапфо 93
 Сатир 135, 143
 Севф 200
 Сенека 206
 Силосонт 42
 Симонид 21, 179
 Скилак 151
 Сократ 74, 75, 82-85, 97-100, 116, 133, 142-144, 146
 Солон 45, 46, 94, 135, 136, 199
 Софокл 135
 Спевсипп 99
 Стефан 116
 Страбон 52, 146

 Теомнест 123
 Тимарх 115, 116, 134, 135
 Тимократ 162
 Тимон 204
 Тисий 81
 Тит Ливий 206
 Тритантехм 178

 Умар 207

 Фалес 183
 Фарак 169

 Фарнабаз 200
 Фемистокл 92, 200
 Феогнид 96
 Феофраст 93, 202
 Ферамен 140
 Ференика 177
 Фидий 57
 Фидострат 84
 Филемон 70
 Филипп Македонский 165, 166, 168, 169
 Филократ 167, 168
 Филолай 99, 100
 Финли М. 42, 144, 177, 209
 Фрасибул 140
 Фриних 71
 Фронтизи-Дюкру Ф. 28
 Фукидид 55, 89, 94-96, 127, 151, 157, 159, 160, 173, 194, 197, 198

 Хабермас 7
 Хаммурапи 46, 47
 Хармид 144
 Херефонт 83

 Цезарь 153, 206
 Цицерон 80, 81
 Чистякова НА. 20

 Эванс 10
 Эвклид 19
 Эвтидем 86
 Эней Тактик 161
 Эратосфен 188
 Эсхил 11, 15, 68, 71, 152, 189
 Эсхин 115, 116, 125, 126, 134, 152, 165-170, 193

СОДЕРЖАНИЕ

Слова благодарности	5
Введение	?
Первые	шаги..... 10
Рождение	письменности..... 10
Первые	тексты (линейное Б)..... 10
Алфавит	15
Мир Гомера: устная цивилизация	22
Аэды: значимость памяти	22
Весомость слов	26
Совет и собрание	30
Прием чужеземца: гостеприимство	35
Переход к полисному миру	43
Коммуникация в греческом полисе	48
Пространства коммуникации в полисе	48
Агора	49
Святилища	56
Театр	64
Гимнасий	72
Речь и письмо в полисе	77
Греческий полис — цивилизация болтовни?	78
Расцвет риторики; первые софисты	80
Чтение, письмо, распространение книги	88

СОДЕРЖАНИЕ

Публичные надписи: власть и письменный текст	Ю1
Случай Афин	Ю8
Политическая коммуникация в Афинах	108
Народное собрание	109
Совет	Ц7
Суды	120
Политические деятели	126
Софистика и риторика в Афинах	131
Диффамация, агитация и выражение недоверия	136
Коммуникация между полисами	145
Средства и пути коммуникации	145
Дорожная сеть и средства передвижения	145
Морские пути и суда	149
Гонцы и посланники	154
Гьшцы	154
Послы и переговоры	164
Невозможное сожительство	169
Большие панэллинские игры	174
Отношения с негреческим миром	181
Искусство путешествовать в доэллинистический период	181
Посещаемые страны, причины путешествий....	181
Первые вехи	186
Отношения с иноземцами	189
Проблема языка; переводчики	197
Книги со всего мира, переведенные на греческий: Александрийская библиотека	201
Рождение библиотеки	201
Конец Александрийской библиотеки	206

СОДЕРЖАНИЕ

Заключение	209
Приложение. Гермес	212
Примечания	215
н	235
Глоссарии	240
Хронологические вехи	
Краткая библиография	244
Именной указатель	^

Коринна Куле
СМИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ
Сочинения, речи, разыскания, путешествия.

Редактор
О.А. Прохоров
Дизайнер книги
П.С. Конколович
Корректор
Н.А. Смирнова
Компьютерная верстка
СМ. Пчелинцев

**Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры**

ООО «Новое литературное обозрение»
Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
Тел.: (095) 976-47-88
факс: 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlo.magazine.ru>

Формат 84x108/32
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 8. Заказ № 503.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО "Чебоксарская типография № 1"
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15